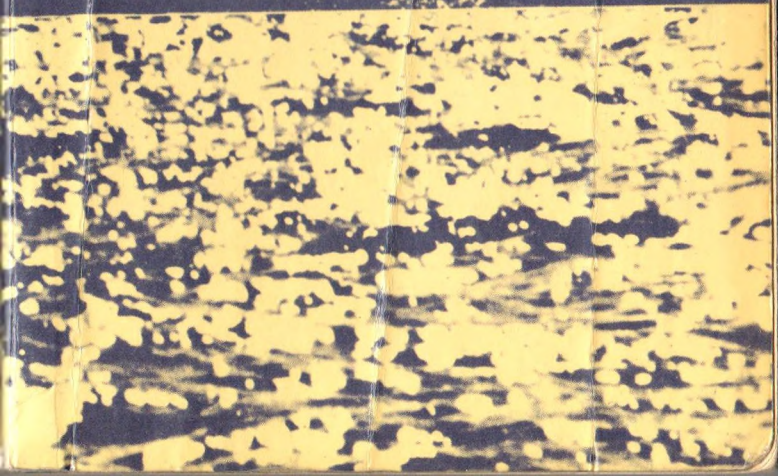

Н. В. МАСЛОВ

**ПОЗЫВНЫЕ
С БЕРЕГОВ
ВЕЛИКОЙ**

ОДА В ЕЕ ЧЕСТЬ

(Пролог)

*Была пора: своих сынов
Отчизна к битве призывала...*

АЛЕКСЕЯ ПЛЕЩЕЕВ

Великая... Чисты, прозрачны воды, что несет река из лесов Вязовских высот к Чудско-Псковскому озеру, а оттуда к морю Балтийскому. Исток их — ключи, чьи упругие струи бьют из холма с примечательным именем — Родина гора.

Твердый характер у реки. Начав свой бег в южной части псковской земли, она почти сразу прорывает большой овраг, а за озером Сомино говорливым потоком устремляется по каменистому руслу к цепочке озер. Вторгается в одно за другим, упрямо прокладывает себе путь через моренные холмы, образует каньоны в известковых скалах.

Чарующе-таинственно верховье Великой. Сказочно неповторимы ее берега у лесного озера Зверино, где впервые стелется она голубой лентой под шоссе Киев — Ленинград, у заросшего лилиями озерка Мутцы, за деревней с неоправданным названием Усохи... То стеной непроглядной закроет реку орешник, и не слышно ее — течет будто в раз-

думье, то торопливо и шумно бежит по гряде лобастых камней сквозь туннель столетних елей. За перекатом неожиданно уляжется в неге у сочного дуга или закрутит загадочный своей синевой омут у крутого песчаного обрыва, на котором, будто стражи, высятся корабельные сосны. Лишь за Опочкой Великая меняет облик — становится спокойнее, шире, судоходнее, течет в безлесных берегах.

Четыреста тридцать километров протяженности не так уж и много для громкого имени. Однако Великая поистине оправдывает свое название. Она — стержень огромного водного бассейна. В нее впадают Алоль, Исса, Синяя, Утроя, Сороть, Череха, Пскова и другие крупные притоки. А к ним со всех сторон жемчужными нитками тянутся более двухсот пятидесяти речек и ручьев. Они образуют в лесах и болотах псковской земли Великоречный бассейн, равный 25 тысячам квадратных километров.

Любуясь рекой у озера Зверино, великий русский ваятель Сергей Коненков, совершавший на склоне лет наломничество к могиле Пушкина, позже восторженно писал: «Не в музее, а в жизни встретила вдохновляющая красота». Существует предание о посещении этих мест Александром Сергеевичем Пушкиным. Подолгу сидел он на камне в имени Поддубье, наблюдая за стремительным бегом Великой. В довоенные годы мне довелось слышать от старожилков о надписи, якобы сделанной поэтом на огромном валуне. Начинаясь она словами: «Люблю Великую реку...»

С Великой связаны многие страницы отечественной истории, боевой славы русского народа. До нас дошел сказ о том, как один вид Великоречного бассейна остановил полчище хана Батыя. Прискакали всадники в косматых папах на Вязовские и Сигорицкие высоты, окинули взглядом безбрежный разлив рек, озер, болот и... не попытались спуститься вниз.

Не удалось и Баторию овладеть с ходу крепостью Заволочье, построенной по приказу Ивана Грозного в верховьях Великой на островке озера Пидцо. Небольшой гарнизон с помощью жителей окрестных деревень отбил штурм отборной королевской рати.

В дни становления Руси Великоречный бассейн — порубежный край, а города на Великой — Опочка и Остров — сильно укрепленные сторожевые крепости. Не раз в те далекие годы берега реки видели врага. И каждый раз при разбойном набеге чужеземных захватчиков брали в руки оружие и шли в кровавую сечу за край родной населявшие его пахари и рыбаки, ремесленники и корабейники. Немые свидетели их мужества — могильные курганы вблизи Великой, хорошо сохранившиеся крепостные валы в Опочке, Красногородске (ныне Красногородское), у Езерицкого озера, остатки древних укреплений в Заволочье. О многом могли бы они рассказать...

Минули годы, и вновь берега Великой озабрились вспышками выстрелов. Февраль 1918-го. Войска германского кайзера начали операцию «Фаустшлаг» («Удар кулаком»).

Цель — захват Петрограда. Первый поход мировой реакции против молодой Республики Советов.

Тревожно гудят заводские и паровозные гудки в холодной и голодной столице — «Социалистическое Отечество в опасности!». В ответ на призыв партии большевиков спешат один за другим на искровские позиции на защиту завоеваний Великого Октября отряды питерских рабочих, революционных моряков, подразделения формируемой Красной Армии. Остановлен враг, но еще долго будут пылать бивачные костры на берегах Сисней, Сороти, Великой. Ни минуты покоя не давали оккупантам отряды партизан Николая Порозова, Георгия Соловьева. Бедняцкие сыны искровской земли из Опочки, Себежа, Острова захватывали обозы вражеской армии, подрывали мосты на ее пути, пускали под откос эшелоны, направляемые в Германию с награбленным добром.

Полыхал пожар народной войны на берегах Великой и в годы, когда по северо-западу страны катились мутные волны белогвардейщины. В незабываемом девятнадцатом враг сделал 16 попыток овладеть Островом. В один из июньских дней генерал-бандит Булак-Балахович отдал приказ: «В шесть часов занять Остров». Коммунистический отряд островичей обратил в бегство «белое воинство».

Великая Отечественная... Год 1941-й. В плане «Барбаросса» фашистские стратеги определили Острову роль трамплина для молниеносного броска армий фельдмарша-

ла фон Лееба¹ к Ленинграду. Не получилось. В Островском укрепрайоне враг встретил ожесточенное сопротивление, сбившее темп наступления, понес большие потери.

Не счесть героических деяний советских воинов в горячих летних боях... Это в островском небе на седьмой день войны летчик Петр Харитонов таранит немецкий самолет. Командир эскадрильи Леонид Михайлов, повторяя подвиг Николая Гастелло, направляет свою подбитую машину на колонну вражеских танков. У моста через Великую расчет противотанкового орудия сержанта Качуры в неравном поединке выводит из строя девять танков и бронемашин противника, срывает атаку его пехоты. Пять танков уничтожает батальонный комиссар Коптев. Погибает в горящем танке, но не покидает поле боя.

...Год 1944-й. Разбитые под Ленинградом дивизии вермахта укрылись за оборонительной линией «Пантера». Протянувшийся в меридиональном направлении сильно укрепленный рубеж обороны врага преградил путь советским войскам в Латвию.

Тяжелые весенние бои. Обеспечивая фланг наступавшей армии, трое суток отбивает атаки остервеневших гитлеровцев у деревни Кряково поредевший полк имени Александра Матросова. Тают ряды гвардейцев. Послед-

¹ Генерал-фельдмаршал В. Лееб командовал группой армий «Север» в 1941 году.

ний бой. За пулеметом сам командир полка двадцатичетырехлетний Евгений Роцупкин... Весь полк poleg на Кряковских высотах, но боевую задачу выполнил. Прибывший на это место командующий фронтом генерал армии Еременко, преклонив колена, сказал:

— Здесь полк повторил подвиг Александра Матросова.

Отсюда от пустошкинской деревни Козий Брод 22 июня 1944 года дивизия полковника Василия Митрофановича Шатилова начала наступление на запад. Первым шагом был штурм высоты Заозерной, последним — штурм рейхстага.

Пройдет месяц после боя у Козьего Брода, и линия «Пантера», прорванная в нескольких местах с юга, уже не сможет сдержать наступление советских войск. Утром 21 июля батальон Тараса Рымаря ворвется в Остров. Пройдет еще двое суток, и прозвучат последние взрывы и выстрелы на берегах Великой. Красное знамя вновь взвьется над древним Псковом.

Два раза железным катком прокатился фронт по берегам Великой. В сорок первом он отодвинулся на восток и север, в сорок четвертом — на запад. События эти разделяют три года — время страшное, трагическое — оккупация. Но не сломила она советских людей, не покорила Великая фашистам.

Нет, твой враг не похвалится
Тыловой тишиной,
Нет, не только страдальцей
Ты всташь предо мной,

Земляная, колхозная,—
Гордой чести верна,—
Партизанская грозная
Сторона!¹

Великая — река партизанской славы. Ее берега хранят память о «хлопцах батьки Литвиненко» — бойцах Второй особой бригады, совершившей легендарный рейд — первый на советско-германском фронте — по глубоким тылам врага, о партизанских бригадах Александра Германа, Владимира Марго, Георгия Арбузова, Алексея Гаврилова, Федора Бойдина, Николая Вараксова. За каждым именем — подвиги сотен людей, не сломленных бурей фашистского нашествия.

Много крови приняла Великая в свои воды в годы Великой Отечественной войны. Много полегло здесь храбрых сынов и дочерей земли нашей советской. Одни из них были людьми зрелого возраста, другие только что вступали в жизнь. Для одних берега Великой стали рубежами наступления к границам фашистской Германии, для других — последним причалом в жизни...

Герои нашего рассказа — бойцы небольших спецгрупп и подпольщики, чьи позывные с берегов Великой несли в штабы советских войск разведывательную информацию о противнике, добытую ценой огромного волевого напряжения и смертельного риска.

¹ Твардовский А. Т. Собр. соч. В 6-ти т. М., 1977, т. 2, с. 68—69.

Подполье. Славная страница в летописи народного подвига. Его участники — люди высокого долга и мужества, поднявшиеся на борьбу с ненавистным врагом в городах и селах в условиях фашистского режима. Около 400 подпольных организаций, групп и подпольщиков действовали осенью 1941 года в оккупированных районах Ленинградской области, 397 на берегах Великой и ее притоков в разгар строительства «Пантеры» летом 1943 года.

Подпольщиками были люди разных возрастов и положений: Клавдия Назарова — пионервожатая, Валентина Ерова — библиотечный работник, Николай Семенович Козловский, участник гражданской войны, — строитель, Коля Ершов, сын командира Красной Армии, — школьник, Раиса Гаврилова — студентка, — но всех их объединяло горячее чувство любви к Советской Родине. Их оружием стали винтовка и динамит, «рукописная типография» и страстное правдивое слово.

Они рисковали жизнью ежедневно, многие из них погибли в неравной схватке с врагом.

Смелые и героические подвиги совершили в битве за Ленинград на берегах Великой зафронтовые разведчики. Спецгруппы «ВРК», «Быстрый», «Борец», «Гонтарь» или обозначенные в штабах цифрами раскрыли многие тайны «Пантеры», помогли командованию советских войск в деталях узнать планы и замыслы врага.

Жить в стане фашистов, скрываясь под чужой личиной, все равно что идти по ломкому льду, шагать по краю обрыва. Далеко еще не

все известно об их действиях, но каждый из зафронтных разведчиков достоин того, чтобы остаться в памяти народной.

Течет Великая. Сорок лет назад гремели на ее берегах выстрелы. Если и услышишь теперь их редкие хлопки, то только в сопровождении охотничьих рожков.

Навсегда ушли от нас годы Отечественной войны и... навсегда остались с нами.

К. Н. Деревянко

Г. Я. Злочевский

К. В. Лихайван

Разведка и еще раз разведка

*Враг могуч и хитер: по местам, по местам!
И настороже око и ухо:
Бой повсюду пойдет, по земле, по морям,
И в невидимой области духа.*

АПОЛЛОН МАЙКОВ

Аето 1942 года пришло в Ленинград белыми почками и теплыми дождями. Город, переживший страшную блокадную зиму, был похож на человека после тяжелой болезни. Он встал на ноги, но его еще пошатывало. Давали себя знать последствия голода. Ежедневные артиллерийские обстрелы напоминали о вражеской осаде. 3 июня на территории Кировского завода разорвалось 75 снарядов, на судостроительном заводе имени А. А. Жданова — 98. 9 июня гитлеровцы вели огонь по Балтийскому вокзалу, по одному из хлебозаводов, больнице «В память 25 Октября». 15 июня дальнебойные орудия врага обрушили на город 199 снарядов, 16 июня — 143, 20 июня — 189.

Ожесточенные бои в районе Волхова не принесли войскам Ленинградского фронта желаемого результата — деблокировать Ленинград не удалось. Не увенчалось крупным успехом и майское наступление Северо-Западного фронта — демянской группировке врага был нанесен большой урон, но пол-

ностью окружить ее наши войска не смогли.

Руководители обороны Ленинграда понимали, что вряд ли гитлеровцы откажутся от новой попытки штурма города. Штабы Ленинградского и Северо-Западного фронтов были обеспокоены начавшейся в июне перегруппировкой сил противника. Командующие Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров, Волховским фронтом генерал армии К. А. Мерецков и Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин потребовали от разведки ясного ответа о ближайших целях противника.

В один из июньских дней, с которого начинается наш рассказ, на совещании у начальника разведотдела штаба Северо-Западного фронта полковника Кашникова шла речь о перегруппировке сил противника. Константин Васильевич совсем недавно возглавил отдел, но положение на фронтах знал обстоятельно. Информировав своих помощников о разговоре с комбригом Евстигнеевым¹, Кашников говорил:

— Товарищи из хозяйства Петра Петровича называют предположительно две версии перегруппировки войск противника. Одна связана с попыткой врага вновь нанести удар через Тихвин в направлении на Свирь, чтобы наконец полностью окружить Ленинград, другая — с намерениями группы армий «Север» штурмовать непосредственно город.

Как человек весьма осторожный, полковник не преминул повторить:

¹ Петр Петрович Евстигнеев — начальник разведотдела штаба Ленинградского фронта.

— Все это только предположительно. Однако в том и в другом случае дороги от Пскова к берегам Невы и особенно район Острова с его коммуникациями из Прибалтики приобретают исключительное значение. И если какая-либо из двух версий подтвердится, с нас спросят за обстановку на берегах Великой. А с информацией оттуда негусто. Не так ли, Гавриил Яковлевич? — повернулся полковник к майору Злочевскому.

— Согласен с вами, Константин Васильевич, — поднялся Злочевский. — Действительно, мы стали реже снабжать свой штаб ценной информацией из районов Пскова и Острова. Упрек справедливый: негусто, хотя, правда, и не пусто...

— Ну, заговорили пословицами, — улыбнулся Кашников и уже приказным тоном добавил: — Приготовьте свои соображения, Гавриил Яковлевич. По данному вопросу, думаю, нам предстоит не очень приятный разговор у командующего.

Весь этот день Злочевский просидел над картами и последними донесениями руководителей спецгрупп. В разведывательной сети, созданной в тылу фашистских армий группы «Север», имелись и слабые звенья, были и «окна» — некоторые группы неожиданно прекратили связь. Что с ними: вынужденное молчание или еще хуже — провал?

Особенно беспокоило Злочевского отсутствие связи с разведчиками Федора Мыхасика и разведгруппами, закодированными под названиями «Быстрый», «ВРК», «Байгер».

Дважды наведывался он на радиоузел, но слышал одно и то же:

— Не отвечают, товарищ майор.

Эти разведгруппы действовали вблизи коммуникаций, по которым фашисты должны были осуществить переброску войск в случае второй попытки штурма Ленинграда. Группы старших лейтенантов Федора Мыхасика и Михаила Анишкина считались хорошо подготовленными в штабе Северо-Западного фронта. Бойцами их были командиры Красной Армии среднего и младшего звена; некоторые в оперативной военной разведке служили с первых дней войны.

...Бомбежка Рижского морского порта утром 22 июня сорок первого года подняла по тревоге лагерь военно-политического училища. В тот же день слушатели вернулись в Ригу. Спустя неделю 10 из них были направлены в распоряжение разведотдела штаба Северо-Западного фронта. Все отобранные уже ранее получили боевое крещение: одни в боях у озера Хасан и под Халхин-Голом, другие во время советско-финляндской войны зимой 1939/40 года.

Война в тылу врага началась для младшего политрука Федота Сторчака в конце первой недели июля. Во главе небольшой разведывательной группы он уже находился в районе города Резекне — крупного узла железных и шоссейных дорог. Под видом рабочих, ремонтирующих шоссе, разведчики наблюдали за движением немецких частей, направлявшихся на Опочку, Пустошку, Невель. Разведка в условиях все время меняв-

шейся линии фронта при отсутствии радиосвязи — задача со многими неизвестными.

И все же Сторчаку удалось доставить в штаб собранные за две недели ценные разведанные.

И снова во вражеский тыл. Теперь в составе особой спецгруппы с заданием осесть на длительный срок в районе северо-западнее озера Полисто и взять под наблюдение железную дорогу на Ленинград. Командиром группы был назначен политрук Федор Мыхасик — в довоенные годы секретарь райкома комсомола на Украине. Сторчак стал заместителем командира группы.

Коммунисты Мыхасик и Сторчак проявили завидную способность быстро устанавливать контакты с населением в небольших лесных деревушках вблизи Ашева, Чихачева и других железнодорожных станций, группа довольно быстро «обросла» помощниками и стала получать информацию из лесничества, от ремонтных рабочих, путевых обходчиков, стрелочников.

Большой находкой стал для разведки порховчанин Александр Иосифович Шабанов. Умудренный житейским опытом, хорошо знавший местные условия, Шабанов (он работал под фамилией Пирогов) передавал в группу важные сведения. В паре с ним была комсомолка Тоня Павлова. Они имели надежные документы. По легенде, хотя и простой — дед с внучкой разыскивает сына (отца Тони) — военнопленного, содержащегося в одном из рабочих лагерей, — они не вызвали особых подозрений у оккупантов. В те

28628/19-1

Сортавальская

МЭС

дни многие разыскивали своих родных и близких.

Осенью 1941 года в район действий группы Мыхасика — Сторчака забросили на парашюте радиста Владимира Зеленкова. Первая же его радиограмма в Центр о скоплении войск противника на станции Сущево была срочно передана авиаторам, которые утром следующего дня совершили удачный налет на скопление вражеских частей.

В декабре группа получила свою радиостанцию. Теперь нередко выдавались дни, когда разведчики успевали дважды за сутки передавать информацию в штаб.

Радистка комсомолка Нина Ванькова безупречно обеспечивала связь. За первый год войны разведгруппа Мыхасика направила в штаб свыше 200 радиограмм и несколько письменных донесений о передвижении войск противника по железным и шоссейным дорогам, сосредоточении его резервов и техники.

За это же время разведчики пустили под откос на железной дороге 10 воинских составов. Было разбито и повреждено 29 платформ с орудиями и танками, уничтожено 30 цистерн с горючим. При этом отличились сержанты Григорий Филиппов и Григорий Гелета, бойцы Василий Ефимов, Петр Агафонов, Ефим Григорьев, Яков Ильин. Однажды, возвращаясь с операции по подрыву железнодорожного полотна, они нарвались на засаду. В перестрелке погиб Ефим Григорьев.

В летние дни сорок второго года, когда у штаба не было связи с разведчиками, Мы-

хасик и Сторчак с ядром группы находились вблизи Ленинградского партизанского края, где шли ожесточенные бои с карательной экспедицией гитлеровцев. Руководители фронтовой разведки в принципе разрешали своим спецгруппам лишь вынужденные кратковременные контакты с партизанскими формированиями, но в тогдашней сложившейся обстановке Мыхасик сам мог принять решение присоединиться к одному из отрядов партизан.

Вблизи партизанского края действовала в то время и спецгруппа «Быстрый» старшего лейтенанта Михаила Анипкина. Интересен приход его в разведку. В июле 1941 года к исполнявшему обязанности начальника медицинской службы полка фельдшеру Анипкину привели на осмотр два десятка сержантов и солдат. Все как на подбор, здоровяки, спортивного склада люди. Удивился старший лейтенант — чего их выстукивать да выслушивать, не выдержал, спросил:

— Куда это вас таких здоровых с передовой отправляют?

Бойцы отшучивались:

— В десант, прямо на Берлин.

— Бороздить моря-океаны.

А последний из проходивших медосмотр сказал:

— Видите во дворе капитана? Вот он вам точно ответит на все вопросы.

Так судьба свела военного медика с разведчиком Лихайваном. К тому времени у Анипкина в послужном списке уже были первые боевые строчки: добровольцем ушел

на фронт в финскую войну, в начале Великой Отечественной войны вырвался из окружения... Капитан записал «координаты» старшего лейтенанта. Не прошло и недели, как его отозвали в разведотдел фронта. После небольшой подготовки Анипкин во главе спецгруппы был ночью заброшен с самолета во вражеский тыл. Группа стала активно действовать.

Из первого донесения командира спецгруппы «Быстрый»:

«...Взорван мост на реке Уда по большаку из Бежаниц на Порхов, мост на дороге из Заполя на Чихачево, три раза взрывали линию железной дороги в районе станции Сущево и станции Чихачево, нарушена связь между частями противника в этом же районе, вырезали провод в полкилометре от полустаика Ашево».

Из донесения старшего лейтенанта Анипкина в ноябре 1941 года:

«...12 ноября южнее разъезда Лозовицы взорвана железнодорожная линия; 13-го пущен под откос состав в районе 2 км южнее станции Чихачево; 16-го взорван мост на реке Уда возле деревни Новое; 16-го взорван мост на шоссе Сущево — завод «Красный луч»; 22-го в районе 3 км севернее Сущево пущен под откос состав из восьми вагонов; 26-го пущен под откос эшелон с боеприпасами...»

И так из месяца в месяц. Значительная часть донесений содержала информацию о переброске войск противника, о местонахождении военных складов.

Своими действиями Анипкин вполне оправ-

дывал название своей спецгруппы «Быстрый». Удары наносил молниеносно и стремительно отходил (так что недаром местные полицейские прозвали его «неуловимым»).

Длительное молчание «Быстрого» летом сорок второго года объяснялось, как полагали в разведотделе, теми же причинами, что и отсутствие связи с группой Мыхасика (во время карательных экспедиций спецгруппа имела право на какое-то время покинуть «свое» место и примкнуть к партизанам). Другое дело группы «ВРК» и «Байгер». Малочисленные, созданные недавно и не имевшие в своем составе кадровых военных, они могли скорее попасть в руки фашистской контрразведки.

Разведсеть штаба Северо-Западного фронта к концу первого года войны была разветвленной. Упорно и кропотливо создавали ее К. Кашников, Г. Злочевский, С. Злотников, Н. Корневский, А. Куканов, К. Лихайван, А. Ватник и другие работники разведотдела, штаба фронта, а также разведчики штабов армий. Но главная заслуга в ее создании и надежности принадлежала полковнику Кузьме Николаевичу Деревянко¹. Он стал во главе разведки фронта на пятый день войны и был ее бессменным руководителем до мая 1942 года.

Атлетического сложения тридцативосьмилетний начальник разведки обладал не только

¹ В сентябре 1945 года генерал-лейтенант К. Н. Деревянко от имени Советского Верховного Командования подписал акт о безоговорочной капитуляции Японии. Умер Деревянко в декабре 1954 года.

богатырской физической силой, но и исключительной духовной выносливостью, одинаково нужной и солдату и генералу. Летом сорок первого, когда штаб почти ежедневно менял свое местопребывание, размещаясь невдалеке от места ожесточенных боев с наседавшими дивизиями 16-й и 18-й немецких армий, рвущихся к Ленинграду, Деревянко («Все время кочую, у пенька ночую...» — шутливо сообщал Кузьма Николаевич семье) был вездесущ. В любое время суток начальник штаба фронта генерал-лейтенант Николай Федорович Ватутин получал от него пусть не исчерпывающую, но всегда точную информацию о противнике.

Энергично, гибко действовали разведчики Деревянко и в дни крупного вражеского наступления в районе Валдайских высот. Врагу не удалось тогда прорваться к Бологому, отсечь Москву от Ленинграда.

Знал начальник разведки нелегкую ратную службу не понаслышке — в свое время командовал взводом, ротой. Зимой 1939/40 года он был начальником штаба Отдельной особой лыжной бригады на советско-финляндском фронте. Разведчики-лыжники совершали дерзкие рейды по тылам неприятеля. Они установили дислокацию нескольких штабов, передали в Центр ценные данные о системе огня на линии Маннергейма. Когда в неравной схватке погиб командир отряда Владимир Мягков, Деревянко заменил его и повел лыжников в бой. Опыт той суровой зимы подсказал ему идею отправить в глубокий тыл врага вторую особую партизанскую бригаду для

выполнения заданий разведотдела штаба Северо-Западного фронта.

...Вторая особая. Она вписала золотую страницу в летопись битвы за Ленинград. Огненным ветром промчались ее отряды от верховьев Волги к берегам Западной Двины, а затем к Великой, к районам, где стыкуются границы России, Латвии, Белоруссии. Фашистские гарнизоны были разгромлены на железнодорожных станциях Насва, Выдумка, Маево, в населенных пунктах Поддубье, Алоль, в белорусском местечке Рудня. На протяжении почти пятимесячного рейда К. Н. Деревянко получал от разведчиков бригады обширную информацию о злодеяниях оккупантов, о частях вермахта, расквартированных в тылу. Это тогда появились первые точки разведсети в Опочке, в Пушкинских Горах, в Новоржеве, под Островом.

Богатая эрудиция, знание английского и японского языков (их Кузьма Николаевич изучал еще до учебы в академии) помогли Деревянко выполнять особые задания командования Красной Армии еще до войны: во время нападения империалистов Японии на Китай в 1937 году и позже в Восточной Пруссии. Деятельность К. Н. Деревянко была высоко оценена. В 1938 году он получил свою первую награду — орден Ленина.

Рекомендуя в мае 1942 года К. Н. Деревянко на пост начальника штаба армии, Н. Ф. Ватутин говорил заместителю начальника Генерального штаба Красной Армии Александру Михайловичу Василевскому:

— Талантливый человек. Выдержанный, спокойный, словом, подойдет по всем статьям.

Незадолго до отъезда Деревянко поделился со Злочевским своими мыслями о возможных действиях врага:

— Мы, Гавриил Яковлевич, знаем Кюхлера¹ по тому времени, когда он командовал военным округом в Восточной Пруссии. Матерый волк, далеко видит. Чего-чего, а коварства ему хватает. Вот и думается мне: его «Айсштосс» (ледовый удар) по Ленинграду — не просто очередная крупная, в какой-то мере престижная операция, а скорее всего первый этап для нового немецкого генерального наступления с целью захвата города. Ведь и друг Кюхлера фон Лееб в сентябре сорок первого начинал с крупного налета на корабли флота в Кронштадте, хотя и имел 24 дивизии в своем распоряжении. Ну а коль такое случится, то дополнительные силы для штурма потекут через Остров, Псков, Порхов. Ни в коем случае не ослабляйте это направление. Ведите поиск новых путей проникновения наших людей в Остров, на подступы к нему. И хорошо бы, чтобы в каждой группе был человек «с крышей».

Целью операции «Айсштосс» было полное уничтожение кораблей Краснознаменного Балтийского флота, вмерзших в лед Невы и ее рукавов. Под вечер 4 апреля 1942 года 190 самолетов 1-го воздушного флота фашистской Германии устремились к Ленинграду. Одновременно десятки тяжелых орудий 18-й

¹ Командующий группой армий «Север» с февраля 1942 года.

немецкой армии начали обстрел города. Операция, как стало известно позже, тщательно готовилась. В марте на льду одного из больших озер на оккупированной территории были нанесены в натуральную величину контуры советских кораблей — линкора «Октябрьская революция», крейсеров «Киров», «Максим Горький» и минного заградителя «Марти» в том порядке, в каком они стояли на Неве. Несколько дней фашистские летчики тренировались в бомбометании.

Все было учтено в штабе Кюхлера — и прикрытие бомбардировщиков, и корректировка артиллерийского огня с воздуха. Все, кроме... бдительности защитников ленинградского неба. Своевременное оповещение о подходе вражеской армады подняло по тревоге все силы противовоздушной обороны города, артиллерию флота. Они встретили неприятеля завесой точного огня. Вступили в бой советские летчики.

Операция «Айсштосс», несмотря на ее продолжение в последующие дни, не принесла фашистам желаемого результата. Серьезные повреждения получил лишь крейсер «Киров». Попытка уничтожить корабли Краснознаменного Балтийского флота обоилась Кюхлеру потерей 60 самолетов.

В те дни разведгруппа «ВРК» засекала временную остановку на железнодорожных путях в Порхове немецкого эшелона с авиационным горючим. Оперативно поданная радиogramма в штаб фронта подняла в воздух нашу эскадрилью. Почти сутки полыхал пожар

на стальных магистралях... Все это вспомнил Злочевский, когда после совещания у начальника разведотдела он в третий раз услышал на радиоузле:

— Не отвечают, товарищ майор.

Расстроенный вышел на крыльцо. Над поселком Долгие Броды, где обосновался разведотдел, спускался вечер, было тихо. Хотел немного пройтись, как сзади услышал насмешливый знакомый голос:

— Люди воюют, а гарный мужик Злочевский зарей любится.

Быстро обернулся:

— Литвиненко?¹

— Собственной персоной, Гавриил Яковлевич.

— Легок на помине, Алексей Михайлович. Я тут только что твою Вторую добрым словом вспоминал. Нам бы сейчас еще такой рейд, да подальше. Ты надолго к нам?

— Попрощаться зашел. Еду за назначением.

— В кавалерию, звенеть шпорами, — Злочевский засмеялся, — абы были бы кони да гарные хлопцы, как говорил командир Второй особой.

— Не знаю. Пока в Москву, а мечтаю сесть на железного конягу.

— А бригада?

¹ Гвардии подполковник А. М. Литвиненко закончил войну заместителем командира 20-й гвардейской механизированной ордена Ленина Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады.

— В надежных руках. Комбригом рекомендовал Германа¹. Сейчас она переформируется. В тыл врага пойдет как 3-я Ленинградская. Кусок сердца своего оставил там.

Помолчали немного. Злочевский предложил:

— Пойдем в хату. Посидим на дорожку.

Злочевский залюбовался своим другом. Выше среднего роста, стройный, с тонкими правильными чертами лица и прядью черных волос, спадающих на высокий лоб, Литвиненко был чем-то схож с шолоховским Григорием Мелеховым. Да и служил, как тот, в казачьих войсках. В середине тридцатых годов начальник штаба 10-го Сальского казачьего полка Литвиненко демонстрировал Семену Михайловичу Буденному высшую выездку лошадей — да так классно, что растрогал старого конника. Тогда-то и свела судьба двух будущих разведчиков. Сальский полк стоял в Белоруссии, вблизи погранотряда, в котором служил Злочевский. Спустя пять лет, в августе сорок первого, они встретились на горьких дорогах отступления — начальник разведки стрелковой дивизии и командир формируемого особого партизанского соединения. Подружились...

Не успели войти в дом — загудел зуммер. Дежурный штаба сообщил: на нейтральной полосе задержана девушка, пробиравшаяся

¹ Герой Советского Союза командир 3-й Ленинградской партизанской бригады майор А. В. Герман погиб в бою в сентябре 1943 года.

к нашим позициям. Сопrotивление не оказала, но на вопросы командира батальона отвечать отказалась. Попросила отправить в хозяйство Дубровского¹. Комбат говорит ей: «Брось шутики шутить, а не то вмиг и с Дубровским и с Троекуровым встретишься на том свете. Говори, кто послал?» А она спокойно отвечает: «Дубровский тот, что с генералом Ватутиным знаком». Остыл комбат. Отправил в полк. Оттуда позвонили нам.

— Где она сейчас? — перебил Злочевский.

— Я ее под конвоем к вам направил.

— Спасибо.

— Ждал, что ли, кого? — спросил Литвиненко.

— Давно, если только это она. По твоей оценке — дуже гарная... — Злочевский помедлил немного и уверенно сказал: — разведчица.

Через несколько минут в комнату в сопровождении красноармейца вошла девушка в старом ватнике. На заостренном от усталости лице поблескивали, как угольки, глаза. Подойдя к столу, задержанная отрапортовала:

— Товарищ майор, боец Круглова...

— Зойка! — не сдержал своих чувств Злочевский. — Ты?

— Я, Гавриил Яковлевич! — радостно, забыв про субординацию, ответила Круглова.

— Садись. Расскажи, что случилось. И сразу же отдыхать! На тебе лица нет.

Разведчица повернулась в сторону Литвиненко.

¹ Псевдоним полковника К. Н. Деревянко.

Злочевский улыбнулся:

— Валяй. При этом майоре можно.

— В мае у нас сломалась рация, — начала свой доклад Круглова, — починить ее не смогли. Помня ваше указание в неотлагательном случае обратиться в группу «01», послала туда радистку, но она не вернулась. Что случилось — не знаю. А у нас поднакопилась важная информация с островского направления. Вот и решила сама идти сюда. Зеленая тропа¹, на которую рассчитывала, оказалась под контролем. Нарвалась на засаду.

— Да ты не нервничай, — Злочевский видел, как Зоя взволнована. — В нашем деле и такое бывает. Значит, схватили, доставили в штаб. Так, что ли?

— Первое — да, второе — нет. По дороге бежала. Конвоир попытался облачить, а я ему горсть песка в глаза. Стрелял наугад вдогонку. Рукав ватника продырявил. Кинулась в болото, а там чуть партизаны не расстреляли. Их дозор принял меня за вражескую лазутчицу. Выручило то, что в отряде оказался мой знакомый Володя Берх. Он с товарищем и провели меня к нейтралке. Вот кратко и все, товарищ майор, — устало закончила разведчица.

— Хорошо. Завтра после отдыха все расскажешь подробно. А сейчас ответь на один вопрос.

— Какой?

— С Островом связь есть?

— Есть. Только пока некрепкая. Побывать

¹ Слабо охраняемое место на стыках вражеских частей.

надо в городе. Ой, Гавриил Яковлевич, — Зоя вновь оживилась, заговорила быстро, — если бы вы знали, какой переполох поднялся там недавно. Между Опочкой и Островом начал действовать наш конный военный отряд. Где пройдет — подчистую уничтожит и фашистов, и их прихвостней. Командира отряда в народе батшкой Литвиненко окрестили. Рассказывали очевидцы — человек он необыкновенной отваги и силы, богатырь настоящий. Одного его имени гитлеровцы и полицаи страшились. Приведут к нему предателя — Литвиненко как глянет на него — у того и дух вон. Да вы не смейтесь, Гавриил Яковлевич, так все говорили. Когда связь с вами потеряла, решила до этого батшки добраться.

— Ну и чего же не добралась? — Злочевский посмотрел на смущенного Литвиненко.

— Не хотела конспирацию нарушать. Вы же сами учили.

Литвиненко заторопился:

— Мне пора. Машина уже, очевидно, ждет. Прощай!

— Не прощай, а до свидания, — обнял друга Злочевский.

Когда Литвиненко вышел, Круглова задумчиво произнесла:

— Чудной какой-то человек. И глаза у него точно прожекторы.

— Чудной, говоришь, — Злочевский добродушно рассмеялся, — а сама к нему под Остров собиралась в гости идти.

— Неужто Литвиненко?! — изумилась Круглова.

— Он самый, бывший командир особой партизанской бригады. Нашего с тобой хозяйства человек.

— Почему вы... — разведчица смущенно осеклась.

— Хочешь сказать, почему не познакомил его с тобой. Не хотел нарушать конспирацию, как и ты. А сейчас, Зоя, приказываю: отсыпаться! Вот только распорядись, чтобы тебя хорошо устроили...

Оставшись один, Злочевский вслух произнес:

— Живая связь с Островом. Молодец Круглова!

Много лет спустя полковник в отставке Гавриил Яковлевич Злочевский напишет:

«Круглова — волевая, цельная натура. Порой я удивлялся: ведь ей только двадцать лет, а такая внутренняя собранность, такая привычка к дисциплине! Конечно, была горяча, но при провале никого не выдаст. Мог ручаться за нее, как за себя».

Как за себя! Высокая оценка. Кто же взрастил эту гордую душу? Где нашла она такую силу праведного гнева и благородной ярости?

Зоя Круглова

Владимир Алферов

Анна Дмитриева

Фрейлейн Байгер и другие

*Мы борьбой добудем счастье,
Нас никто в пути не сдвинет,
Как не сдвинуть с небосвода
Ослепительное солнце!*

САЛОМЕЯ НЕРИС

Пожелтевшие газетные страницы. На выцветшей фотографии девочка с косичками — пионерка Зоя Круглова. В очерке, напечатанном в районной газете «Мошенский колхозник» от 7 апреля 1935 года, рассказывается о том, как воспитывают своих детей Григорий Васильевич и Федосья Капитоновна Кругловы. Валя, Паня, Зоя и Борис учились в одной школе и все были хорошими учениками. «Школа гордится детьми Кругловых», — писали в газете учителя С. Г. Орлов и А. Г. Семенов.

Посеревшая от времени обложка школьного дневника. Аккуратно выведенные слова: «Ученицы 9 «А» класса Кругловой З. Г.» — и ниже: «1938/39 учебный год». На одной из первых страниц рядом с записанным заданием по естествознанию: «От Ламарка до Дарвина» — размашисто выведено: «Отлично». Такой же оценкой отмечено выполнение задания по литературе — «Письмо Белинского к Гоголю»... Девятый класс Зоя окончила с двенадцатью пятерками.

...Более 50 километров нужно проехать по проселочным дорогам от города Боровичи, чтобы попасть к берегам реки Уверь — в Мошенское. «Край, куда ворон костей не заносил», — говорили в старину о таких местах. Затерявшийся в неоглядном просторе новгородских лесов поселок Мошенское и впрямь, казалось, лежал в стороне от большой жизни.

Зоя не чувствовала этого. Ее отец коммунист Круглов, в молодости батрак, с малых лет привил своим детям любовь к труду и ко всему тому, что дал нам Великий Октябрь. Школа и комсомол укрепили у Зои серьезное отношение к жизни, помогли сформироваться сильному, волевому характеру.

Частенько в воскресные дни на улицах Мошенского раздавались слова военной команды, и юные жители поселка четким строем с учебными винтовками и противогазами за плечами уходили в сторону синеющего на горизонте бора. Это были увлекательные походы, во время которых проводились воензированные игры. Зоя была в числе тех, кто относился к этим походам серьезно. Она хорошо стреляла, ходила на длинные дистанции на лыжах, отлично плавала, быстро ориентировалась по карте, знала азбуку Морзе и всегда безукоризненно выполняла приказы командиров — активистов Осоавиахима.

«Однажды, — вспоминает участница этих походов Зоя Васильевна Бачина, — во время военной игры произошел такой случай. Я была бойцом отделения, которым командовала Зоя Круглова. Находились мы в разведке. Неожиданно послышались и справа и слева

голоса «синих». Позади нас было озеро, деваться нам было некуда. Мы растерялись, но раздался негромкий и спокойный голос нашего командира:

— Быстрее все в камыши!

Первым за Кругловой полез в холодную воду Ваня Матвеев, горячо любивший Зою и готовый следовать за нею повсюду. За Ваней — другие ребята. Я медлила: мне, тогда очень молодому педагогу, казалось неудобным забраться в озеро по шю. Зоя подошла ко мне и тихо, но твердо сказала:

— Комсомолка Бачина, выполняйте приказ!

Конечно, пришлось лезть. А вскоре по берегу прошли подразделения «синих». Никому из них и в голову не пришло, что в двадцати шагах находятся разведчики «красных». Наше отделение выполнило «боевое задание» образцово».

Возвращались из походов обычно шумной шатагой, долго звенели песни, и допоздна среди берез мелькали фигуры ребят и девчат. Зоя в такие часы любила уходить вместе с Ниной Спартаковой, Леной Алмазовой и сестрой Наней в рощу на обрывистый берег Увери.

Заберутся подружки в укромный уголок и мечтают велух. А потом над тихими водами плывут слова любимой Зоиной песни «Меж крутых бережков».

...В один из августовских дней 1940 года в Ленинграде, на Набережной лейтенанта Шмидта, на каменных ступеньках у самой воды, сидели две девушки. Одна из них, в простом ситцевом платье, громко плакала.

Другая, держа в руках тяжелые косы подружки, что-то говорила ей, видимо, пыталась успокоить, но и по ее милостивому лицу капали слезинки.

— Девчата, — участливо обратился к подружкам проходивший по набережной курсант-фрунзевец, — что случилось?

Ответа не последовало. Тогда моряк спустился к Неве и сел рядом.

— Да говорите толком, что произошло? Может, помощь какая требуется?

— М-ма-тематику в Горном провалили, — сквозь слезы наконец выговорила девушка с косами.

— И только-то! Вот чудные! Из-за математики реветь. В другой раз сдадите. Никуда вы от нее не убежите, раз учиться приехали, — убежденно говорил курсант.

— А ну, подъем! И реветь кончайте, а то по вашей вине еще наводнение в городе произойдет.

Девушки улыбнулись и поднялись.

— Вот так-то. До новых встреч в лучшие времена! — Козырнув, незнакомец поспешил к зданию училища.

— Будут, Аня, будут для нас лучшие времена, — проговорила девушка с косами. — Пойдем заберем документы.

— Пойдем, Зоя, — согласилась вторая незадачливая абитуриентка, — и айда по домам.

Дружба с Аней Дубровкиной помогла Зое, вернувшейся в Мошенское, пережить неудачу. Каждую неделю с берегов Увери отправлялось теперь увесистое послание во Влади-

мир — «дорогой Анечке». Подруги делились мыслями о прочитанных книгах, обсуждали успехи и промахи Зои, работавшей в школе старшей пионервожатой. В одном из писем Круглова писала:

«Воспитание детей в духе коммунизма — большое это дело... Если ты, Анечка, твердо решила идти в институт педагогический, то я только приветствую. Считаю, что самый развитой человек в селе — это педагог... Но, думая о работе, я не могу и не хочу погасить ту искру, которая загорелась в моей душе в бытность нашу в Ленинграде. Как я хочу учиться! Но не звание студента мне нужно, а новые знания. Я бы все учила на «отлично», только бы познавать все новое и новое. Учиться и работать — счастье!»

В день своего восемнадцатилетия — 24 апреля 1941 года — Зоя подала заявление о приеме в партию. Вечером, придя домой из райкома комсомола, она строчила «внеочередное письмо» во Владимир:

«Неужели не примут, Анечка? Как же я тогда буду жить, если окажусь недостойной быть в рядах большевистских?..»

Под вечер 22 июня 1941 года Зоя Круглова и ее подруга Лена Алмазова возвращались в Мошенское от Зоиной бабушки. Ходили к ней кроить сарафаны. Шли напрямик через поля и луга, весело переговариваясь и напевая. И вдруг... Что такое? Почему плачут идущие по дороге женщины?

— А разве вы, девчата, не слышали? Война!

С этого дня все перевернулось в жизни Зои. Неугомонная заводила мошенской молодежи

в мирное время, она в годину бедствий стала инициатором многих патриотических дел: в качестве помощника прораба руководила постройкой оборонительных сооружений, активно участвовала в размещении эвакуированных из Ленинграда детей, организовала выходы школьников на уборку урожая. И одновременно училась на курсах медицинских сестер.

В те дни Аня Дубровкина получила от Зои открытку с портретом Пушкина и короткое письмо.

«Анечка! Со дня на день жду выезда на фронт — умоляю меня туда отправить. Война будет жестокая, поэтому жду больших трудностей и испытаний... Но мы победим. Но насаран! Фашисты не пройдут! Мама за нас беспокоится: боится, что потеряет. Жаль старую, отец еле ходит. Трудно. Забываюсь на работе. Хожу по деревням нашего района — обучаю население правилам ПВХО. Дело это нужное, но как мне хочется, дорогая, туда, где решаются наши судьбы. Смерти я не боюсь — даже презираю ее... А пишу тебе о ней лишь потому, что очень я неспокойна, Анечка, за Ваню. Он в первые дни войны был в Бресте. Если будет жив, не знаю, как искуплю вину свою перед ним. Одно знаю: чтобы Ваня остался жив, жизни сейчас своей не пожалела бы... Ну, прощай, родная. Привет родным. Целую. Зоя». Как всякая цельная натура, с началом испытаний Круглова пересматривает свое отношение к окружавшим ее людям. Несколько лет с ней рядом был хороший юноша, любил ее по-настоящему. А она

относилось к нему только как к доброму товарищу. Уезжая на военную службу на границу, Иван Матвеев признался ей в своем чувстве. Ответила — обидела. Увлелась другим, а он оказался пустоцветом. Поняв, решила ждать прихода Ивана и тогда все выяснит, но грянула война...

В один из октябрьских дней, когда по радио передали сообщение о новом варварском обстреле фашистами жилых кварталов Ленинграда, Зоя, взволнованная, пришла в райком комсомола и молча положила на стол листок бумаги. Отложив в сторону газету, секретарь райкома прочла:

«В Мошенский РК ВЛКСМ
от Кругловой Зои Григорьевны.

Заявление

Прошу Мошенский РК ВЛКСМ и секретаря тов. Петрову Л. отправить меня в партизанский комсомольский отряд. Доверие Ваше с честью оправдаю.

А фашистам и в тылу покоя не будет, партизаны спать не дадут.

Прошу в просьбе моей не отказать.

14 октября 1941 г.

З. Г. Круглова».

В канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции инструктор ПВХО Мошенского райсовета Осоавиахима кандидат в члены ВКП(б) Круглова была зачислена санитаркой в 145-й истребительный батальон. В первые дни войны такие формирования создавались в прифронтной

полосе повсеместно. Их бойцами были партийные и комсомольские работники, сельские интеллигенты, юноши, не достигшие призывного возраста. Во главе батальонов, как правило, становились бывшие военные или чекисты-оперативники.

Однажды надрывный вой раздался над окрестностями Мошенского. Точно черный ворон, над поселком пролетел, скосив крылья и дымя, фашистский бомбардировщик. Дозорные истребительного батальона заметили отделившиеся от подбитого самолета черные точки и поспешили туда, где приземлился на парашютах экипаж вражеской машины.

Гитлеровцы подняли руки, но это была лишь коварная уловка: подпустив наших бойцов поближе, они открыли по ним автоматный огонь. Начали прорываться к опушке леса. И тогда над полем боя раздалось громкое: «Вперед, товарищи!»

Молодые, еще не обстрелянные бойцы батальона ринулись вслед за девушкой. Зоя Круглова (это была она) первой добежала до кустарника. Здесь вплотную столкнулась с одним из фашистов. Одновременно вскинули вверх оружие: парабеллум немецкий ас и старую винтовку комсомолка. Зоя выстрелила раньше — гитлеровец упал.

Спустя несколько дней Круглова стояла перед представителем штаба фронта и отвечала на его вопросы.

— Я слышал, вы горите желанием понасть в армию?

— Так точно, товарищ майор.

— Ну что ж, присядьте, поговорим...

Беседовал с Зоей Кругловой Злочевский. На сборы дали сутки. И вот уже закутанная в полушубок Зоя трясется в кузове машины, идущей в Боровичи. Затем на платформе, груженной углем, она добирается к месту назначения...

В школе зафронтовых разведчиков Круглова пробыла недолго, но каждый день учебы, с раннего утра до позднего вечера, был насыщен до предела: стрельбы, тренировка в постановке мин, спецподготовка. Среди отобранных для работы во вражеском тылу было много девушек. И это не случайно.

Военная разведка вермахта (абвер) запустила довольно глубоко свои щупальца на оккупированной советской территории. Контрразведывательными и карательными органами абвера в тылах группы армий «Север» руководила абверкоманда 304 (начальник майор Клямрот), размещавшаяся в Пскове. Подчиненные ей абвергруппы дислоцировались в Острове, Порхове, Опочке, Луге, Гарту. Их агенты, мастера по провокациям, уничтожали коммунистов и советских активистов, выслеживали членов подпольных организаций, но наши небольшие разведгруппы на первых порах весьма редко попадали под удары абверской контрразведки. Последняя предполагала, что девушки не могут участвовать в разведывательных акциях. Этим промахом и воспользовались в штабах советских войск.

Наставники Кругловой отмечали умение девушки быстро ориентироваться в сложной обстановке, отличную память, быструю реак-

цию на неожиданные ситуации. По-немецки она говорила вначале слабо, но усвоила акцент, характерный для жителей северных провинций Германии. Все это, вместе взятое, определило назначение Зои старшей в группе. Бойцами группы стали радистка Паня Морозова и молоденькая учительница Лня Дмитриева, у которой была «крыша» — родители жили в псковской деревне Гостены.

Легенду Кругловой придумали немудреную, но по документам надежную. Фамилия Байгер. Мать русская, отец немец. Арестован в 1938 году. Мать вскоре с горя умерла. С малых лет девушка росла в семье, где с большим почтением относились к великой Германии. Будет счастлива работать на ее благо.

В начале 1942 года линия фронта существенно не менялась. Слабое звено в немецкой обороне найти было трудно. Деревянко порекомендовал организовать переход на участке бригады морской пехоты под командованием капитана первого ранга К. Д. Сухиашвили. Моряки стояли насмерть, оттягивая на себя значительные силы противника. И, конечно, гитлеровцы вряд ли предполагали проникновение в их тыл подразделений Красной Армии через этот рубеж.

...Тревожно шумит лес. Над деревнями и над снежной равниной большого озера воеет леденящий ветер. В жарко натопленной сторожке тепло и уютно. Никому из гитлеровцев не хочется выходить на трескучий мороз к озеру. И часовой жметесь поближе к жилью.

А если бы пошел к озеру, то увидел бы, как

гуськом, затылок в затылок, мчались на лыжах в эту ночь по льду два десятка людей. Когда район, освещаемый ракетами и вспышками артиллерийских выстрелов, остался позади, Злочевский, разделив отряд на две группы, отправил каждую по своему маршруту. Круглова, Дмитриева и Морозова под видом беженок стали пробираться в Сошихинский район. Путь предстоял немалый.

Накануне той памятной январской ночи Зоя послала письмо родителям. Чтобы успокоить мать, писала:

«...Живу хорошо. Ни в чем не нуждаюсь. Только не хватает ваших писем. Как получите от меня, пишите сразу, главное, о своем здоровье. Я очень беспокоюсь...

Чувствую себя хорошо. Не болею... Если придет Борис, передайте ему от меня привет и за меня крепко поцелуйте его...»

В Гостенах разведчицы появились открыто. Дома Аню ждало горестное известие — в первые месяцы оккупации умерла мать. Отец встретил девушек приветливо, но порекомендовал:

— Отоспитесь, отдохните день-другой и в ортскомендатуру на регистрацию. А то местная власть донесет немедленно.

— А что за власть, Дмитрий Степанович? — заинтересовалась Зоя.

— Не власть, а напасть. Старостой у нас сынок одного раскулаченного мироеда. Уголовник. Одно спасенье — больно охоч до самогона. Вот и потчует, чтобы лишней мороки не было. А так поборами разными задавил всех фашист.

Ложась спать, Круглова распорядилась:

— Завтра после полудня, Аня, проводишь Паню. Дескать, погостила малость и дальше поехала, к «тетке». По деревне пойдете, чтобы за вами побольше глаз наблюдало. А ночью приведешь ее обратно. Но так, чтобы ни одна живая душа вас не видела. Дня через два я и Аня побываем в ортскомендатуре и зарегистрируемся. Я перееду в Винокурово, а ты, Аня, как нас учили, пока затаишься, отцу и сестренке помогать по хозяйству будешь. Рацию сейчас спрячь, не ровен час.

Когда Аня возвращалась с сеновала, ее остановил в сенях отец:

— Не серчай на меня, дочка, за вопрос, но мне так легче жить станет, ответь: ты просто домой вернулась или с заданием?

Аня растерялась, посмотрела на отца и тихо сказала:

— С заданием.

Больше Дмитрий Степанович ни о чем никогда не расспрашивал дочь, но незаметно старался во всем помогать ей.

Прошло двое суток. Зоя с Аней собрались ехать в район оформлять право на жительство. Дмитрий Степанович запрягал лошадь, когда во дворе появился пьяный староста.

— Ты кого, сукин сын, прячешь? — заорал он. — С Анькой твоей пришли две девки, а ушла одна. Да я за такое! — Водянистые, почти прозрачные глаза старосты стали наливаться кровью. Яростно засопев, он прохрипел: — Кажи другую девку!

— Это я-то девка?! — раздался сердитый голос с крыльца. — Да как ты смеешь, скоти-

на, меня так называть! Я — немка! Запомни — Фрейлейн Байгер, — тут Круглова нарочно заговорила по-немецки.

Из того, что девушка выпалила ему, староста понял лишь два слова — комендатура, гестапо. Этого было достаточно, чтобы он, сменив тон, пробормотал:

— Поезжайте с богом, барышня. Зачем же жаловаться? Мы со Степанычем хорошие соседи.

— Сосед хороший... Да чтоб тебя лихо-манка скрутила, холуя фашистского! — никак не мог успокоиться Дмитрий Степанович после ухода старосты. Повернувшись к Зое, он с восхищением сказал:

— Ну и отбрила ты его, дочка. Даже у меня душа чуть в пятки не ушла, когда ты по-немецки ругаться стала.

— Отбрить отбрила, но ухо с ним надо держать остро. Мерзавец он, конечно, бесчародный, однако не без хитринки. Ну а сейчас поехали! С богом, — Зоя улыбнулась, — как пожелала нам «власть-напасть».

Немного прошло времени с тех пор, как группа Кругловой обосновалась в Сошихинском районе, а уже были переданы в штаб сведения о гарнизонах в Воронцово, селе Веча, о работе учреждений оккупационных властей на берегах Сороти.

...Дороги, дороги. Поля вдоль большака на Остров. Перелески и кустарники, сквозь которые змейкой вьется старинный тракт на Пушкинские Горы. Сколько раз проходила здесь разведчица! В зимние вьюжные вечера и тогда, когда весеннее половодье прегражда-

ло путь, «беженка Байгер» появлялась там, где находились на марше воинские части, где строились посадочные площадки для самолетов, где размещались группы и отряды карателей. Многие замечала и запоминала разведчица Байгер. Знание немецкого языка, умение держаться с достоинством открывали ей доступ к тому, что интересовало советскую разведку.

Было невыносимо тяжело слышать, как простые русские женщины говорили ей вслед:

— Носит тут всяких... Ишь выискалась бедная родственница...

Но Круглова помнила строгий наказ: быть вне подозрений у врага.

Однажды под вечер, обхватив рукой ствол могучей березы, Зоя с пригорка наблюдала, как наши самолеты бомбят оперативный аэродром гитлеровцев. Его строительство было закончено всего лишь день назад. Сегодняшней ночью она сообщила об этом в штаб. И вот результат.

Неожиданно сбоку раздался негромкий голос:

— Чему вы радуетесь, Байгер? Ведь это, кажется, вашим друзьям достается?

Говорившая вышла из-за кустов. Бледное лицо молодой женщины озаряла улыбка. По всему было видно, что она чрезвычайно довольна работой советских летчиков.

Овладев собой, Зоя сердито бросила:

— Сама радуешься, видать, партизанка.

— Радуюсь, хоть и не партизанка. А что, побежишь доносить? Ну что ж, пойдем вместе. Не хочешь? Странно...

Оставаться в перелеске дольше было опасно, и Зоя решила уйти. На прощание незнакомка сказала:

— Слышала про тебя, фрейлейн, плохое, а сегодня видела, как ты вся светишься, когда аэродром бомбили наши самолеты. Знаешь что, давай познакомимся. Я — Людмила Филиппова из Острова. Будешь в городе — заходи. Меня там немцы тоже фрейлейн зовут. Ищи меня в офицерской столовой.

— Зайду как-нибудь, — пообещала Круглова и заспешила к перелеску.

По дороге к дому Зоя ругала себя за неосторожность, но возникшая симпатия к случайно встреченной молодой женщине не исчезала. Позже ей удалось кое-что узнать о Филипповой. В прошлом активная комсомолка. До войны якобы служила где-то на границе в воинской части. Есть маленький ребенок. Живет с бабушкой. Пользуется доверием гитлеровцев. «Конечно, одно с другим не вязалось, но оккупация многих надломилась и всякое могло случиться», — думала Зоя, но интуитивно чувствовала, что не обманулась в человеке. Филиппова — вот она живая связь с Островом — решила разведчица, отвечая на вопрос Злочевского в счастливый день своего возвращения в родную часть.

...Разбудил Зою грохот. Испуганно вскочила, бросилась к двери и... рассмеялась. За окном оглушительно гремел гром. Низкие тучи озаряли зигзаги молний. Посмотрела на настенные часы — полдень.

— Выспалась наконец? — мягкий, певу-

чий голос принадлежал старушке — хозяйке дома, еще с вечера напомнимшей Кругловой чем-то ее мать.

— Ой! Пропала, — смутилась Зоя.

— Начальство бойца присылало, но будить не разрешило. Это и правильно. Сон, милая, лучше всякого лекарства. В старину говаривали: «Милая подружка — подушка. Выспишься — помолодеешь». Иди ополосни лицо да за стол. Я тебе картошечки поджарила и молочка припасла.

— Спасибо, бабуля. Вы меня и так вчера вечером до отвала накормили.

— Ну и слава богу, — старушка всхлипнула, — может, и моего внука кто-нибудь приласкает.

— А где он?

— Вестимо, на войне. Говорил, когда прощался, что направляют в безопасное место, радистом при штабе будет. Теперь-то хоть и старая я, но понимаю, какие у тебя и у него штабы безопасные. Не приведи господь.

Перекусив на скорую руку, Круглова с удовольствием надела новую гимнастерку, обула сапожки и через полчаса докладывала:

— Товарищ майор, боец...

— Можешь не продолжать, — перебил ее, как и при первой встрече, Злочевский. — Слушай меня внимательно. Сейчас сядешь в соседней комнате и обстоятельно опишешь все ваши действия, шаг за шагом. Укажи, на кого в какой-то мере можно положиться в тех населенных пунктах, где бывала. Перечисли особо выслуживающихся фашистских прихвостней. На все даю три часа. После

пойдем к члену Военного совета. Там... — Злочевский загадочно замолчал.

— Что там? Случилось что-нибудь, товарищ майор?

— Бойца Круглову ожидает правительственная награда! — торжественно произнес Злочевский.

— Меня?! — вскочила разведчица.

— Тебя, если ты Круглова, — засмеялся майор. — Командующий фронтом наградил тебя медалью «За отвагу». А наше начальство распорядилось о двухнедельном отпуске с поездкой домой. Проездные документы получишь завтра утром.

— Спасибо, Гавриил Яковлевич.

— Не слышу должного ответа, боец Круглова.

— Служу советскому народу! — звонко отчеканила Зоя.

— Вот это другое дело. А теперь иди пиши.

...Как хорошо в родном краю! И домик родителей, что стоит над Уверью, и школа, окруженная деревьями с галочьими гнездами, — все это после разлуки и перенесенных испытаний стало еще дороже.

Зоя с Ниной Спартаковой идут по роще, где в их школьные годы по вечерам веселилась молодежь. Идут и, перебивая друг друга, вспоминают:

— Помнишь, как ребята из шестого на войну в Китай убежали?

— Помню. Борька Сулаков тогда захватил с собой отцовский наган. Поймали их на Урале.

— А историю с козлом Фомкой помнишь?

— Кто же ее забудет.

Как-то главный проказник их класса Сулаков привел в школу козла-великана и поставил перед дверьми в класс. Фомка стукнул в них рогами. Учительница немецкого языка решила, что стучит кто-то из опоздавших учеников, сказала по-немецки: «Входи». Услышав голос, Фомка открыл дверь — и к столу. Учительница испугалась и за доску. Фомка за ней. Она на парту... смеялись ребята до слез. Сулакову, конечно, изрядно попало.

— Где-то он теперь, наш Борька?

— Слышала, погиб, — ответила Нина, — говорят, отчаянно воевал.

— Его характер.

Вспомнили любимых учителей... Борис Ефимович Балов. Это на его уроках совершали ребята увлекательные путешествия в далекие страны. Часами могли слушать они рассказы о мужестве русских мореплавателей, о долге перед Родиной. В дни советско-финляндской войны коммунист Балов добровольцем ушел на фронт и погиб в Выборге в последний день военных действий... Екатерина Дмитриевна Очинская. Тонкий знаток классической литературы. Это она ввела Зою в мир больших чувств и страстей героев пьес Островского, помогла понять и полюбить Блока, Маяковского.

Девушки подошли к реке. Постояли немного молча.

— А знаешь, Нинок, — думая о чем-то своем, сказала Круглова, — вот здесь наша Уверь точь-в-точь как река Великая...

— Что же ты замолкла, Зоенька?

— Не спрашивай, дружок. У Великой враги вытворяют такое, что и подумать страшно...

Вечером, как когда-то в детстве, Зоя забралась к матери в кровать, приласкавшись, шеннула:

— А я завтра уезжаю.

— Как же так, доченька, — дрогнувшим голосом отозвалась Федосья Капитоновна, — ты говорила, десять полных дней будешь дома, а и пяти не прошло.

— Так нужно, мамочка! Не обижайся на меня. Я всех вас очень, очень люблю. Но надо.

— Могу ли я на тебя обижаться, дите ты мое ненаглядное. Горе-то у нас теперь великое...

И вот прерван отпуск. Вновь стоит боец-разведчица Круглова перед Злочевским и просит послать ее на задание.

— Я знал, Зоя, что увижу тебя раньше срока. Значит, за работу. Поступишь в распоряжение капитана Смирнова. Он после дополнительной подготовки группы будет сопровождать вас в партизанский край. Оттуда с проводниками пойдете к Регине (Анне Дмитриевой. — *Н. М.*), а из Гостен в Остров. Легализация у тебя и радистки полная. Радисткой в группу назначена Небылица — Зина Бойкова. Она из Острова. В городе у нее родные. Брат служит у фашистов и, кажется, на хорошем счету. Подробности легенд отрабатываешь со Смирновым.

Летом 1942 года партизанские силы повсеместно росли. Исключение составляла лишь

оккупированная территория Ленинградской области. Здесь их рост сдерживался высокой концентрацией вражеских войск. Такой плотности в других местах не было: в большинстве населенных пунктов стояли полевые части вермахта или размещались охранные и вспомогательные подразделения. Командующий тыловым районом группы армий «Север» генерал-лейтенант Рокк почти к каждой карательной экспедиции против партизан привлекал танковые и артиллерийские части, авиацию. В июне две партизанские бригады сделали попытку обосноваться поближе к Пскову, но вынуждены были отойти.

В таких условиях партизанская разведка ограничивалась решением локальных задач и не могла снабдить Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД) и командование советских войск исчерпывающей разведывательной информацией о положении в Пскове, Острове, Опочке, Порхове, Новоржеве. Отсюда понятна радость Злочевского от телефонного звонка из оперативной группы ЛШПД. Заместитель начальника опергруппы Алексей Алексеевич Тужиков сообщил, что у него находится человек, прибывший из района Острова, которого он хочет послать в разведотдел. Предупредил:

— Паренек горячий, не без мальчишеского самолюбия, но на счету у него есть боевые дела, да и память цепкая. Думается, что в вашем «хозяйстве» сгодится.

— Присылай. Спасибо, что не забываешь.

Часа через три после разговора с Тужиковым в кабинет Злочевского вошел невысокого

роста крепыш лет семнадцать. Сняв с плеча автомат, небрежно представился:

— Я из Острова. Нужен вам?

— А я из Москвы, — не отрываясь от бумаг, ответил Злочевский. — Лично ты мне не нужен.

— Я действительно из Острова, и меня точно послали к вам, — растерялся юноша.

— Тогда и доложи как положено. В воинскую часть пришел.

— Простите. Товарищ майор, Владимир Алферов послан к вам из штаба партизанского движения.

— Вот так-то. А теперь садись и кратко отвечай на вопросы. К кому направили, догадываешься?

— Да. К разведчикам.

— Автомат в бригаде дали?

— Нет. Сам у фашистов взял.

— Как?

— В бою. Моя небольшая группа действовала вокруг Острова.

— Твоя или наша?

— Наша, товарищ майор.

— И долго вы постреливали?

— Несколько недель.

— Попадали в переplet?

— Дважды. Последний раз вырвались из окружения с трудом.

— Кто в Острове остался из родных?

— Мама. Учительницей была.

— Как звать?

— Антонина Германовна.

— Можешь на нее положиться?

— Абсолютно.

— Потому что мать?

— Не только поэтому.

Бледное лицо Алферова при последних ответах порозовело, в глазах появился нервный блеск. Новый вопрос Злочевского прозвучал мягче.

— Боишься за маму?

— Да. Ее уже арестовывали. Она ничего не сказала про моих товарищей.

— Это хорошо. А много, по-твоему, в городе надежных людей?

— Много. Но и предателей хватает.

— Нельзя всех огульно охаивать. Человек — загадка, и ее подчас долго разгадывать приходится. Знаешь, кто сказал это?

— Не знаю.

— Достоевский. А он в людях толк понимал. Разгадывать надо. Иной затаился и ждет, когда ударить по врагу.

— Действовать надо быстрее. Гремят же у нас в городе, хотя и не часто, взрывы.

— Кто их совершает, знаешь?

— Думаю, что причастны к ним ребята из группы Назаровой.

— Кто она?

— Старшей пионервожатой в школе была. Ее ученики слушались больше, чем учителей, — Владимир по-детски улыбнулся, — и я тоже.

— А сейчас?

— Портнихой в частной мастерской работает.

— Сникла?

— Вряд ли. Мне о ней Козловский хорошо говорил.

— Твой товарищ?

— Да. Из нашей группы. Был ранен. Отчаянный парень, — загорелся Алферов. — Если бы его вы видели в бою! Он ни фашистов, ни самого дьявола не боится.

— Ты лично с Назаровой не связан?

— Нет.

— Азбуку Морзе знаешь?

— Нет.

— Жаль. Морзе ее будто прямо-таки для нас, разведчиков, изобрел.

— Он был военный?

— Нет. Живописец.

— Жалко.

— Что не военный?

— Нет, что я раньше ее не изучил.

— А смог бы ты в Острове у надежных людей спрятать рацию?

— Запросто.

— Но не одну, а с радистом?

— Труднее, но можно.

— Вот что, Алферов, партизанское начальство удовлетворено твоей информацией о делах в тылу врага. Боем ты проверен. Но смог бы повоевать, применив другое оружие. Называется оно наблюдение и узнавание. Нам такие бойцы очень нужны, особенно в Пскове и Острове. Если ты согласен, то...

— Все сделаю, все выполню. Кляпуться вам своей мамой, товарищ майор.

— Верю. Не подведешь. С сегодняшнего дня ты — разведчик штаба фронта. Помни: одно из главных требований у нас — железная дисциплина и умение в любой критической ситуации не пасть духом. Умерь свой

пыл. Во вражеский тыл направим скоро, а пока с тобой позанимаются наши товарищи. Поступишь в распоряжение старшего лейтенанта Петрова.

Вечером позвонил Тужиков:

— Что решили с Алферовым?

— Оставляем у себя, — ответил Злочевский. — Понравился. Подучим и в дело. Спасибо...

Из всех бед, которые могут свалиться на голову разведчика во вражьем стане, потеря связи — наисквернейшая. Ане Дмитриевой в июле удалось собрать ценные сведения для передачи в Центр: подразделения полевых войск гитлеровцев, размещенные в Сошихине, Воронцове, в Пушкинских Горах, одно за другим снимались с насиженных мест и отправлялись в Псков. Как сообщить об этом командованию? Почему не возвращается Круглова? Прибудет ли в Гостены радист? Может, стоит перейти за линию фронта или связаться с партизанами?

Аня очень нервничала. Но вот в одну из первых августовских ночей кто-то осторожно постучал к ней в окно. Девушка не спала. С вечера, когда она возвращалась из очередного похода к аэродрому, за ней увязался полицай. Был он пьян, но вел себя подозрительно: не приставал, как обычно, с любезностями, а расспрашивал про жизнь, намекал на то, что якобы связан с партизанами. Не он ли?

Услышав стук, Аня поначалу испугалась, но, быстро взяв себя в руки, накинула на плечи полушубок и вышла на крыльцо.

Перед нею стояло двое парней. Один из них подошел вплотную и тихо произнес:

— Привет от дяди Гриши.

— Рада вас видеть и привет слышать.

Фразы были паролем. Обрадовалась Дмитриева, пригласила ночных гостей в нежилую половину дома. Свет не зажгла. Спросила:

— Надолго?

— На рассвете уйдем. А сейчас, как те странники из одной байки, попросим: хозяйюшка, нет ли попить, а то есть нечего.

— Простите, ребята, — спохватилась Аня. — Мигом исправлюсь.

Не прошло и пяти минут, как Алферов (это он назвал пароль) и его товарищ сидели за столом и аппетитно хлебали холодные щи. Владимир рассказал о том, что идет в Остров, и у другого разведчика — свой маршрут. Пожаловался: в дороге пришлось отстреливаться, нарвались на засаду, израсходовали все патроны. Аня предложила:

— Могу выручить. У меня в сене пистолет припрятан.

— Огромнейшая благодарность от лица службы, — повеселел Алферов. — А коль попадешь в Остров и появится острая нужда, разыщи мою мать. Зовут ее Антонина Германовна. Скажешь при встрече: «Привет от сына. Он вам пришлет кольцо с камнем». Запомни эти слова. Мама поможет.

Дмитриева вышла на крыльцо. Темная ночь еще окутывала деревню. Накрапывал теплый дождь. Вернувшись, сказала:

— Пока не рассвело. Дождь начался. Может, задержитесь на денек. Сарай наш с сеном на отшибе стоит.

— Нельзя,— ответил Алферов. Прощаясь, предупредил:

— Недели через две встречай тех, кого ждешь. Так велено передать.

* * *

В августе 1942 года Зоя написала письмо: «Это письмо, вероятно, будет временно последним, так как такого случая больше не представится... Пока у меня все благополучно... Я очень убедительно вас прошу не беспокоиться обо мне, я по-прежнему перенесу все трудности. Путеводной звездой для меня будете вы. Чувствую себя сейчас прекрасно. Погода стоит замечательная, купалась сегодня, загорала. Я не знаю, увижу ли еще ту прекрасную жизнь, которую фашисты хотят от нас отнять, но сделаю все, чтобы сберечь ее... Целую вас, папочка и мамочка, крепко-крепко».

«Загорала... Купалась». Святая ложь. Письмо еще не дошло до Мошенского, а Зоя и Зина уже находились в тылу врага. Сколько раз перечитывала эти наспех написанные карандашом строчки Федосья Капитоновна! Читала, плакала и гордилась... А Григорий Васильевич уже не мог прочесть письма дочери. Смерть настигла его на работе...

Самолет У-2 доставил разведчиц на партизанский аэродром в Залужье, южнее озера Полисто. Здесь их ожидал капитан Смирнов с двенадцатью автоматчиками. На всей территории Ленинградского партизанского края шли ожесточенные бои с карателями. До непроходимых болот им тоже пришлось про-

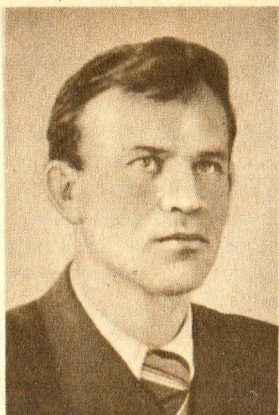
биваться с боем. А дальше по зыбучему мху и топким зарослям разведчиц повели два проводника.

Такой же темной ночью, как и та, когда приходил в Гостены Алферов, раздался долгожданный стук в окно и Аня в сенях оказалась в объятиях Зои. Опять вместе!

Следующей ночью Небылица (Бойкова) связалась с Центром. Первая радиограмма Байгер (Кругловой) сообщала о большом движении машин с солдатами и орудиями в сторону Ленинграда. Она подтвердила донесения спецгрупп Мыхасика и Анипкина, вышедших на связь несколько раньше. Им удалось ускользнуть от карателей, прорвавшихся в партизанский край.

Маргарита Максимова

Анатолий Запутряев

Надежда Федорова

Татьяна Ланькова

Раскрытые тайны

*Быть твердыми в дни испытаний,
Быть зоркими в темные ночи.*

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

Жизнь в Киверневе замирала с наступлением темноты. Оккупанты запрещали зажигать в домах свет — деревня расположена рядом с шоссе Остров — Порхов, одной из дорог, по которой часто направлялись подкрепления войскам, осаждавшим Ленинград. Да и сами жители Кивернева не стремились зажигать огонь. Не ровен час, увидев свет в окне, нагрянут гитлеровцы, и тогда подавай самогон и еду. Ночь несла сон — избавление от кошмарной жизни днем под наблюдением блюстителей «нового порядка», посаждаемого фашистами.

Не сразу ложился спать в деревне лишь староста. Плотно завесив окно одеялом, он зажигал лампу и начинал что-то записывать в замусоленную тетрадь. Частенько вынимал из карманов полушубка смятые немецкие марки, советские деньги, тщательно разглаживал их и прятал за божницу. А потом, погасив свет, долго ходил по скрипучим половицам и бубнил, бубнил. За постоянное

недовольное брюзжание его и прозвали Зюзей.

В деревне Зюзю недолюбливали еще в довоенные годы. Был он не охоч до тяжелого крестьянского труда, никогда ничем не помог соседям, отлынивал от общественных дел. Молчал, сузив злые глаза, слыша укоры односельчан. Кое-кто говорил: «Что с него взять? Ума нет у мужика — считай, калека». Но Зюзя преобразился, когда появились гитлеровцы. Встретил их подобострастно, служил им охотно. К односельчанам стал относиться высокомерно, всех поучал.

Брюзжал, ругал за непослушание властям староста и своих близких. Особенно доставалось племянницам — сестрам Федоровым, приехавшим после смерти родителей в Кивернево в марте 1942 года. Иначе как «комсомольское отродье» их не называл, но по дружному настоянию семьи дал им приют и устроил на работу — расчищать дорогу от снега.

Был и другой человек в деревне, который не только не ложился спать с наступлением темноты, но ожидал ее с нетерпением. Жил этот человек рядом со старостой в глубоком подвале соседнего дома и днем на улицу никогда не показывался... В полночь раздавался тихий стук, и тогда затворник выходил во двор. Жадно вдыхал он весенний воздух, осторожно ходил вокруг сарая, иногда забирался на столб, откуда шел ввод радиотрансляционной линии в дом, что-то мастерил там и возвращался в подвал.

О существовании затворника в Киверневе

знали три человека: племянницы старосты и их двоюродная сестра Евгения Алексеевна — хозяйка подвала. И не просто знали, а всячески оберегали его, скрывая от посторонних глаз. В подвале была спрятана рация разведгруппы «ВРК». Там же находилось и жилье радиста-разведчика Анатолия Запутряева...

...Осень 1941 года. К верховью Волги приближался грохот артиллерийской канонады. Город Осташков был прифронтовым. Его улицы заполняли толпы беженцев, воинские подразделения. Неумолчный шум раздавался и в окрестностях Осташкова. С раннего утра и дотемна сотни лопат, ломов, кирок вонзались в землю. У дорог и на пляжах появлялись траншеи и противотанковые рвы.

Вместе с другими на строительстве оборонительного пояса трудился молодой рабочий кожевенного завода Анатолий Запутряев. И не было дня, чтобы парень не корил себя. Все из-за проклятой руки... Анатолию шел двадцать первый год. Был он комсомольцем, хорошим спортсменом, а в горвоенкомате ему трижды отказывали в просьбе послать на фронт. Во время одного из футбольных матчей Запутряев сломал руку. Срослась она не совсем удачно.

...В кабинете секретаря райкома былолюдно и шумно. Пробившись к столу, Анатолий попросил:

— Валентина Александровна, помогите. Нельзя в армию — пошлите в партизаны.

Спустя несколько дней он снова пришел

в райком. В кабинете секретаря райкома сидел военный. Они внимательно посмотрели друг на друга.

«Раз в летной форме, значит, летчик. Кем же я могу быть в авиации?» — ломал голову Запутряев, рассматривая подполковника.

«Парень, видать, стоящий. Держится свободно. Вид спортивный. Руки рабочие. Взгляд открытый. В голубых глазах смешинка. Реакция на вопросы быстрая. Ответы откровенные», — отмечал про себя военный, расспрашивая Анатолия:

— Прыгнуть на парашюте не побоишься?

— Не знаю, не пробовал. Но раз надо — прыгну.

— Радио любишь?

— Слушать — да.

— На лыжах быстро ходишь?

— Стараюсь.

— А рука как?

— Не подведет.

— Поедешь со мной?

— Поеду.

— А знаешь куда?

— Догадываюсь.

На другой день на строительстве оборонительного рубежа одним рабочим стало меньше...

Готовили Запутряева к работе в тылу врага тщательно. Жил он у одинокого старика. Последний инструктаж радисту-разведчику давал Злочевский:

— Ну вот, пришел и твой черед воевать, Анатолий. Позывные, как условливались, «ВРК». Группе поручен трудный район, но

связь должен обеспечить любой ценой. С тобой пойдут две девушки — сестры Федоровы, Надя и Нюра.

— Девчата? — удивился Запутряев. — Товарищ майор...

— Что, не ожидал? Девушки боевые. Как и ты, упорно учились. Да и «крыша» у них вне подозрений. Дядя у гитлеровцев служит — староста деревенский. Главным поставщиком информации для тебя должна стать Надя. Она побойчее, ей легче будет войти в доверие и проникать туда, где стоят вражеские части. Сейчас тебя познакомят с ними. Постарайся найти сразу общий язык, хорошенько усвой их легенду. А ночью в путь.

Познакомился Злочевский с Федоровыми в Мошенском летом сорок первого. Сюда из-под Славковичей эвакуировалась многодетная семья председателя колхоза «Труд». Глава семьи Федор Васильевич вскоре умер от тифа, старшие дочери стали работать. Надя, симпатичная худощавая брюнетка с красивыми карими глазами, очень подвижная и веселая, с первой беседы поправилась Злочевскому. «Такая не растеряется и при встрече с немецким офицером. За словом в карман не полезет», — подумал майор. Молчаливая, серьезная Нюра ревниво следила за сестрой, деликатно осадив в разговорах ее излишнюю веселость, переходившую в озорство. Несмотря на разные характеры, сестры были очень дружны, и это также отметил разведчик.

В день отправки группы Надю захотел

увидеть Деревянко. Представляя ее начальнику разведки, Злочевский говорил:

— Выдержит любое испытание. Находчива. Смела. Легенду знает в совершенстве. Превосходно цокает, подражая говору местного населения, и к тому же, — майор помедлил, подбирая нужное слово, — к тому же озорная.

— Ну что ж, пусть и значится у нас под именем Озорной. Запомни, Федорова, — обратился полковник к Наде, — встретят тебя в родных местах настороженно, на откровенность не рассчитывай. Не сразу показывай свою склонность к тем, кому служит дядя. Это может вызвать подозрение у гитлеровцев. И еще, что весьма важно: идешь в разведку — верь в удачу. Ни пуха ни пера тебе, Озорная.

— К цорту, — блеснула улыбкой Надя. Злочевский нахмурился, но Деревянко весело рассмеялся:

— К цорту так к цорту.

Злочевский провожал группу до переднего края. Был конец февраля сорок второго года. Морозная ночь загнала гитлеровцев в укрытия. Линию фронта миновали на лыжах благополучно. Вел разведгруппу тайной лыжной красноармеец-разведчик.

До партизанского края шли на лыжах, а дальше ехали на санях. На железнодорожном переезде два солдата долго и придирчиво расспрашивали на ломаном русском языке Надю, правившую лошадью. Та, посмеиваясь и цокая, бойко отвечала по легенде:

— Да, местные. Поцямую не эвакуировались? Хотели, но не успели. Родители? По-

гибли при бомбежке. Куда путь держим? В родное гнездо — деревню Кивернево — недалеко от Славковицей. Там дядя. Он староста. Что за парень? Брат двоюродный Толька. Хворый он. Откуда лошадь? Были б царвонцы. Ну, по-вашему, марки. За них цорта купить можно.

Пока длился этот разговор-допрос, Запутряев, полулежа на сене, сжимал в одной руке гранату-лимонку, в другой — рукоятку пагана. Не вынимала рук из коричневого пальто и Нюра, делая вид, что ее не интересуют ни вопросы охраны переезда, ни ответы возницы.

За железной дорогой проверки участились. Тогда решили: Запутряев с рацией и оружием останется в лесу, а Надя и Нюра поспешат в Кивернево, выяснят обстановку и тогда уже перевезут радиста в деревню...

Сняв с елки антенну, Запутряев забрался под ее густой шатер. Первый радиосеанс прошел хорошо. Центр быстро принял сигнал «Я — ВРК... Я — ВРК...». Теперь можно и нужно выспаться.

Уснуть долго не удавалось — сказывалось нервное утомление: как-никак радиограмму пришлось давать под носом у фашистов. Лес, в котором разведчицы оставили своего товарища, был небольшим, находился между двумя дорогами. До Анатолия долетал шум машин, иногда чужая речь.

Дважды угасал в лесу фиолетовый мартовский вечер. Дважды белка с громким хорканьем взлетала по утрам к кронам, видя, как из-под ее дома-ели вылезал человек в

полушубке. Запутряев костра не разводил и к тому времени, когда раздался условленный свист, промерз до костей.

Надя появилась раскрасневшаяся, зашуршавшая снегом, с ходу выпалила:

— Все хорошо, Толя. Дом наш цел. Живет в нем сестренка Женя. Собрались соседи. Ну, конечно, всплакнули по «погибшим». Дядя прибежал. Холуй он фашистский. Это — точно. А так все, как и предполагали. Только...

— Что «только»? — нетерпеливо спросил Запутряев.

— Фашисты в деревню часто заглядывают.

— Ну и что?

— Чужака легко приметить. Жить в доме рискованно.

— Нюра говорила — подвал есть.

— Так то подвал!

— Вот там и будет моя штаб-квартира. А сейчас забирай рацию, — распорядился Анатолий, — и топай! Меня встречайте поздним вечером...

Домик Федоровых стоял в центре деревни. Его посетителей могли видеть десятки глаз. Среди них и глаза предателя-соглядатая. Запутряев решил выходить из подвала только ночью, притом в случае крайней необходимости.

Мартовский снежок не лежок. Но в этот год метель не раз натужно гудела в печных трубах в марте. В апреле весна одержала верх. Лес огласился тетеревиными песнями и кукованием ошалевшей кукушки. До Анатолия эти звуки не долетали. В подвале было

темно, сыро, холодно. Под ногами беспрерывно бегали крысы, а наверху по утрам зло бубнил Зюзя, ругая племянниц за частые отлучки. Он почти каждый день навевывался к ним.

«Трезвое, нетеропливое, но настойчивое наблюдение за объектом всегда принесет успех», — учили сестер их наставники в школе.

И девушки наблюдали за дорогой и на расчистке снега, и тогда, когда на отдых у Кивериева останавливалась колонна вражеских машин. Нюра запоминала их номера. Надя, завязывая разговор-флирт с солдатами, пыталась выяснить маршрут части. В воскресные дни Озорная направлялась в Славковичи, а иногда и в Порхов.

Днем разведчица не ведала страха. Девушка смело появлялась в местах, где запрещалось ходить местным жителям. Улыбчивая, бойкая, она отшучивалась от задерживавших ее солдат и полицаев.

— Цево пристали? Яйца продам и уйду. Царвонец заработать надо. Не данай. Охвигеру пожалуюсь.

— Зацокала сорока... — Полицай отстава-ли: дядя староста. А женщины-односельчанки осуждающе бросали вслед:

— Непутевая! Родители погибли, а она царвонцы у нехристей зарабатывает.

Выслуживается, как Зюзя.

Страх приходил позже — ночью, когда, кутаясь в одеяло, Надя вспоминала прожитый день... Она на станции Порхов. С корзинкой яиц и бутылкой самогона («Хочу сменить

на мыло») пролезает под одним порожним составом, под другим. Наконец вот он — нужный, с платформами, на которых стоят укрытые брезентом пушки. Тут только успевай считать... Неужели это было?

Было. И подсчет танков, орудий в эшелонах, направляемых к линии фронта, к Ленинграду. И перенос номеров машин и воинских подразделений, уходящих из поселка Славковичи к Старой Руссе.

Однажды, в апреле, вернувшись под вечер из Порхова, Надя решила немного вздремнуть. Только легла, раздался стук из подвала. Девушка вздрогнула: вызывать к себе Запутряев мог лишь в экстренных случаях. Быстро оделась — и в подвал. Анатолий держал в руках радиограмму. Центр радировал: «На ваш участок железной дороги ожидается прибытие эшелона с особым грузом. Уточните местопребывание его, систему охраны. Сообщите немедленно».

— Опять в Порхов, — устало опустилась на ящик Надя.

— Надо, Надюша. Да не смотри ты так — с радостью заменил бы тебя, да ведь нельзя! И не получится у меня так ловко. А может, одной Нюре сходить? Подряд два раза появляться на вокзале опасно.

— А что не опасно? — не выдержала Надя. — Думаешь, тебе в подвале сидеть безопасно?

— У меня пистолет, граната.

— Молчи уж, Аника-воин, — голос девушки приобрел обычную интонацию, — граната! После ее взрыва от нас как от разведчиков

никакой пользы не будет. Раз надо, значит, надо. Пойдем с Нюрой, пусть только стемнеет как следует.

Они вернулись через сутки, запыленные, усталые. По лихорадочному блеску глаз Нади Запутряев понял: удача! Разведчицы пробрались на запасные пути, где стоял эшелон с таинственным грузом. Это были цистерны с горючим и взрывчаткой. На каждые две емкости — часовой. Девушки дважды парывались на патруль. Нюру чуть не подстрелили.

В здании вокзала, куда заглянула Надя, на этот раз почти не было местных жителей, зато по платформе шаркали сотни кованых сапог, среди которых были и офицерские. Некоторые гитлеровцы — в авиационной форме. Это заинтересовало разведчицу, но оставаться дольше обычного — значит вызвать подозрение. Однако какая-то внутренняя сила заставила ее выйти на платформу. Притулившись к стенке здания станции, Надя прислушалась к шумной разноголосице. Федорова, конечно, и слыхом не слыхивала о фашистском плане «Айсштосс», о массированных ударах немецкой авиации по кораблям Балтфлота, но уловила слова (немецкий язык Надя знала слабо) «Петроград», «Нена», «корабль капут», поняла ругань двух фольдфебелей в адрес коменданта, загнавшего цистерны с бензином на запасной путь.

Сведения, добытые сестрами Федоровыми, были настолько важными, что Запутряев решил на немедленную передачу их в Центр утром. Через 40 минут после позывных

«Я — ВРК... Я — ВРК...» над железнодорожными путями Порхова появились советские бомбардировщики. А еще через час Занутряев прочел радиogramму из пяти слов: «Спасибо. Все трое представлены награде».

Радостное событие решили отметить. Сестры выменяли у солдат самогон на консервы, зажарили яичницу и при свете фонаря устроили «пиршество». Спели вполголоса «Священную войну» и «Там вдали за рекой». На прощание Толя предложил тост:

— За нашу главную помощницу!

— За кого? — не поняла Нюра.

— За нашу главную помощницу, — повторил Занутряев. — Она — ленинградка, очень надежная и ни разу мне не изменила.

— Да не темни ты, конспиратор, говори, где она сейчас находится?

— Рядом с тобой, дорогая Аннушка. Вот там, под сеном, — указал Толя на угол подвала.

— Рация?

— Она, милая. «Северку» ленинградскому цены нет. Будь мы хоть семи пядей во лбу, будь мы еще более везучими, чем сегодня, добудь мы хотя и самые сверхсекретные сведения — все свелось бы к нулю или в лучшем случае при передаче живой связью — к данным месячного засола, как говорило мое радионаачальство, не будь «Северка». Честь и хвала тем, кто создал его!

К словам Занутряева, услышь их, присоединились бы охотно сотни радистов разведгрупп, партизанских формирований, десантных частей Красной Армии. «Радио,

только радио сейчас нам необходимо больше всего, — писал в одном из документов начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования П. К. Пономаренко. — С ним связаны и безопасность партизан, и эффективность их борьбы».

Позже оценят новую радиостанцию и... высшие чины вермахта. Так, командующий группой фашистских армий «Центр» издаст секретную директиву под номером 25-43. Констатируя, что «...русские устанавливают места расположения командных пунктов» и тот факт, что «...обнаружение производится с большой точностью», директива отмечала: «Засылаемые в наши тылы агенты снабжены малогабаритной портативной радиостанцией «Север», которая обеспечивает надежную связь».

Радиостанция «Север» — детище Ленинграда. В основу ее легла малютка «Омега» — дипломный проект инженера Бориса Михалина, в 1939 году студента-вечерника. Испытание и освоение новой радиостанции шло под разрывами фашистских бомб в заводских корпусах. Триста радиостанций получил фронт от ленинградцев в самый тяжелый блокадный месяц — в декабре сорок первого. Радиостанции, подобной «Северу», не было ни у наших врагов, ни у союзников.

...Перед 1 Мая пришла беда. Волостное управление прислало в Кивернево список двенадцати девушек, предназначенных для угона в Германию. В их числе значились и сестры Федоровы. Несмотря на посулы,

«вербовщик» рабочей силы, обрусевший пожилой немец, был неумолим. Пришлось Наде и Нюре слезно просить дядю о помощи. Трудно сказать, какими соображениями руководствовался Зюзя, но, вдоволь поломавшись, поехал на квартиру к врачу-немцу. Кадушка меда, полтуши барана да трехлитровая бутылка чистейшего самогона сделали свое дело. У Нади были «обнаружены» зачатки туберкулеза, а у Нюры — застарелая трахома.

— То-то я чувствую, что заболеваю, — пошмеивался Запутряев над сестрами, — как никак в заразной семье живу.

Смех смехом, а пребывание в сыром и тесном подвале давало себя знать. К тому же постоянное нервное напряжение. Все, вместе взятое, подорвало здоровье Анатолия, его часто била лихорадка, тело покрылось нарывами.

В мае 1942 года разведгруппа «ВРК» не снизила свою активность. В один из дней, когда падали на землю теплые дожди, Надя пожаловалась Анатолию:

— Пристает ко мне обер один. Из Славковичей. По-русски говорит вполне прилично. Каждый раз, когда появляюсь в поселке, лишнет. Гусь какой-то штабной. Не знаю, как избавиться.

— Подожди, подожди, — заинтересовался Анатолий, — ведь в Славковичах раньше никакого штаба не было. Ну а влюбчивый обер-лейтенант — не так уж и плохо.

— Кому как, — рассердилась Надя, — а мне...

— А тебе, — продолжал Запутряев, — надлежит с офицером почаще встречаться. Но будь осторожна. Помнишь предостережение майора: «Не расслабляйте себя, даже когда хорошо знаете, что опасности нет рядом. Разведчик все время ходит по краю обрыва. Даже во сне...»

В Славковичах, оказывается, действительно разместились подразделения штаба механизированного корпуса гитлеровцев. Разместились весьма скрытно. Легковые машины около дома, где находились командование и оперативный отдел, не останавливались. Провода телефонной связи прокладывались ночью и только по земле.

Пять дней штаб жил спокойно в укромном месте. На шестой перестал существовать. Координаты разведгруппы «ВРК», переданные советским авиаторам, были точны.

Накануне бомбежки фрейлейн Надя, так «мило сочувствующая новому порядку», узнала от болтливого ухажера маршрут и некоторые другие данные о частях корпуса, направляемых в распоряжение командующего 16-й немецкой армии.

— Видишь, каким жирным твой гусь оказался, — посмеивался Запутряев над Надей, настраивая радиопередатчик на пугливую волну.

Девушка молча светила ему электрическим фонариком и, только когда окончился радиосеанс, тихо проговорила:

— Изнервничалась я до чертиков за эту неделю. А что будет завтра, Толя?

— Завтра будет легкий день, — пообещал Запутряев.

Легкий день? Таких у разведчиков не было, да и быть не может...

В июне Запутряев сообщил в Центр, что радиопитание у него на исходе, указал координаты, где группа будет ждать груз. Центр ответил: груз послан. Двое суток потратили разведчики на его поиск. Не нашли. Летчик ошибся (это стало известно позже) и сбросил груз в 25 километрах от условленного места. Передатчик вскоре замолчал, но прием еще вести было можно. Запутряев услышал приказ о выходе в советский тыл.

В жаркий июльский день сотрудники особого отдела задержали вблизи переднего края обросшего, в рваной одежде, больного человека. Давать показания он отказался, попросил доставить его побыстрее в разведотдел. Через два часа задержанного ввели в кабинет Злочевского. Еле держась на ногах, неизвестный отпортывал:

— Товарищ майор, разрешите доложить...

— Запутряев? Толя! — бросился к нему Злочевский...

Запутряев рассказал, что, имея добротные немецкие документы на имя служащего порховской комендатуры, он за соответствующую мзду был взят подвыпившим фельдшером-австрийцем в кузов грузовика санитарной части, направлявшейся в сторону фронта. Более 50 километров находился в колонне машин. Из разговоров солдат понял, что они раньше воевали под Севастополем. Ближе к переднему краю где шел, где полз.

— Озорная? — спросил Злочевский.

— Ждет нового радиста или моего возвращения.

— Радиста мы послали. А тебя ждет орден Красной Звезды и госпиталь. Ты ведь совсем больной¹.

Сведения, добытые разведчиками Озорной, Байгер, Быстрым, войсковой разведкой, почерпнутые из допросов перебежчиков, подтвердили предположения штаба Северо-Западного фронта о подготовке фашистами нового штурма Ленинграда. Аналогичными данными снабдили командование разведотделы Ленинградского и Волховского фронтов. В первой декаде августа 1942 года разведгруппы Ленинградского фронта зафиксировали движение 180 эшелонов с солдатами и артиллерией по железной дороге Псков — Луга — Гатчина. Было получено сообщение о приезде в город Пушкин генерала из ставки Гитлера, который, находясь на НП, знакомился с обороной советских войск. Впоследствии стало известно его имя: заместитель начальника штаба оперативного руководства верховного главного командования В. Вардимонт.

Значительной информацией о подготовке противника к штурму располагали чекисты и Ленинградский штаб партизанского движения. Так, руководитель партизанской группы В. В. Красоткин, действовавшей в

¹ Туберкулез лимфатических желез, нарывы на теле приковали Запутряева на три месяца к постели. После выздоровления он был направлен в Ленинградский штаб партизанского движения, где занимался подготовкой радистов-разведчиков.

Плюсском районе, сообщил о прохождении в июле в сторону Луги ежедневно не менее семи — десяти железнодорожных воинских эшелонов. Секретарь Гдовского подпольного райкома партии Товий Яковлевич Печатников сообщал (радиограмма № 1356) в Ленинградский штаб партизанского движения о новой концентрации фашистских войск в Пскове и Лядах, о нагрузке и режиме работ перешитой гитлеровцами железнодорожной ветки на Ленинград через Сланцы.

«И разведка доложила точно». Эти слова из популярной в довоенные годы песни о трех танкистах вполне определяли сделанное советской разведкой для выяснения цели операции «Фойерцаубер» («Волшебный огонь») — так поначалу было закодировано генеральное наступление войск группы армий «Север» с задачей овладеть Ленинградом. Подробный план операции, получившей впоследствии новое название «Нордлихт» («Северное сияние»), разрабатывался в 11-й армии Манштейна на основании директивы № 45 верховного командования вооруженных сил фашистской Германии. В соответствии с нею группе армий «Север» передавались «пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие части резерва главного командования». По свидетельству немецких историков, количество войск группы армий «Север» к сентябрю 1942 года возросло почти в два раза по сравнению с началом войны.

Операция «Северное сияние» готовилась

в глубокой тайне. Фашисты широко использовали дезинформацию, пытались убедить командование советских войск о якобы готовящемся ударе в районе Волхова, о замене финских войск дивизиями вермахта на Карельском перешейке. Но тщетно!

В глубокой тайне... Фрау Кюхлер и фрау Линдемман, бесспорно, не слышали старинной русской поговорки: «Спроста сказано, да не спроста слушано», иначе куда осторожнее болтали бы о делах своих мужей — командующего группой армий «Север» и командующего 18-й немецкой армией при сопровождавшем их переводчике Викторе. Высокопоставленные дамы прибыли в Псков в начале сентября и пожелали осмотреть достопримечательности Пскова, Острова, побывать в Печорском монастыре. Молодой, деликатный, предупреждающий каждое их желание переводчик понравился скучающим матронам, и они не пожелали сменить его, когда шеф полиции безопасности (СД) предложил им другого.

В поездках фрау Кюхлер и фрау Линдемман злословили в адрес Манштейна (их мужья были обижены за передачу руководства операцией «Северное сияние» фельдмаршалу), делились впечатлениями от встреч с генералами и офицерами его штаба, говорили о предполагаемом путешествии в Петербург. Виктор «старался» отвлечь дам от серьезных разговоров: рассказывал им интересные эпизоды из истории города, обращал внимание на красоты Великой, Пскова... Как удивились бы они, узнав, что ночью девушка по

имени Мери все важное из их разговора передает по радию с чердака дома на окраине Пскова в разведотдел штаба Ленинградского фронта.

Переводчик Виктор и фрейлейн Мери были советскими разведчиками Данилом Гетцем и Маргаритой Максимовой. Внедрение их в Псков — исключительный успех помощников генерала П. П. Евстигнеева.

Впоследствии фрейлейн Мери появится как купеческая дочь в районе Чудово-Мга. И здесь она проявит свое незаурядное мастерство перевоплощения, отвагу, моральную стойкость. Такое не дается от рождения, а достигается воспитанием и самовоспитанием.

У Максимовой был хороший наставник — горячо любимый отец. Капитан дальнего плавания, исходивший морскими дорогами полсвета, обветренный ветрами всех румбов, Николай Васильевич с детских лет прививал своим дочерям Рите и Вале любовь к труду, истории родной страны, чтению, иностранным языкам (сам он владел немецким, французским, английским), к «романтике солнечных рей». Не считаясь с их косичками, обучал азбуке Морзе, радиотехнике. В дни возвращения капитана из плавания в доме Максимовых на Васильевском острове в Ленинграде надолго поселялось веселье. Рита, Валя и их подружки получали настоящий заряд «солнечного оптимизма». Девочки никогда не видели отца унылым, недовольным жизнью.

Перед войной Рита училась в механическом институте. Училась хорошо, увлекалась плаванием, стрельбой, мечтала, став военным

инженером, посвятить себя совершенствованию мино-торпедного оружия флота. Война перечеркнула учебу, мечты. В первые дни боевых действий на море погиб Николай Васильевич. От матери скрыла, сестре сказала: «Я должна отомстить за папу».

В каждой семье своя память о войне. В семье Максимовых — это школьные тетради, девичий альбом, все то, что связано с короткой жизнью Риты¹. Хранит ее сестра Валентина Николаевна и письмо из военного штаба за подписью генерала Анкудинова матери Валентине Амфилогиевне. В нем есть такая характеристика радистки спецгруппы Маргариты Максимовой: «...она исключительно заботливый и работоспособный товарищ, смелая, решительная и дисциплинированная девушка; наравне с мужчинами переносила трудности походной жизни. Риту в наших отрядах любили и уважали за ее безотказную работоспособность. В суровых условиях тыла Рита закалилась, была исключительно преданным товарищем нашей Родины».

Угрозив врага, наступательными действиями ослабить боевую мощь группировки Манштейна — такие задачи решали советские войска под Ленинградом в августе — сентябре 1942 года. Удар следовал за ударом. Наступление в районе Усть-Тосно, десант в Ивановском, ожесточенные бои на Неве, прорыв частей Волховского фронта к станции

¹ В сентябре 1943 года Маргарите Максимовой был предоставлен отпуск. Со станции Хвойная она с товарищами вылетела в Ленинград. В пути самолет был сбит фашистами.

Синявино сильно обескровили дивизии, предназначенные для штурма Ленинграда. И хотя вплоть до ноября командование группы армий «Север» не отказывалось от него, «Северное сияние» так и не засияло победным светом для фашистских войск, а «Волшебный огонь» нацистов не запылал на ленинградских улицах.

Большую роль в срыве фашистского плана штурма Ленинграда сыграли диверсионные действия партизан и спецотрядов разведки фронтов на важнейших коммуникациях врага. 64 железнодорожные диверсии в сентябре были на счету ленинградских партизан. Вот краткие сведения только о двух из них.

14 сентября. Подрывники из отряда ленинградца М. Ф. Макарова на участке Варшавской железной дороги Плюсса — Струги Красные пускают под откос сразу два эшелона. В груды металла превращены автомобили, взорвались снаряды, в огне цистерны с горючим.

19 сентября. Диверсионные группы 4-й партизанской бригады подрывают воинский эшелон севернее Струг Красных. Участок дороги, имевший стратегическое значение, выводится из строя почти на четверо суток. Крушение крупное — убито и ранено более 300 солдат и офицеров из соединения, направляемого в распоряжение Манштейна.

В конце лета и в начале осени 1942 года войска Северо-Западного фронта, парализуя наступательный порыв дивизии врага, продолжали успешно перемалывать в дмянском «котле» подразделения и части

16-й немецкой армии, которых так не хватало Манштейну. Партизаны и спецгруппы, действовавшие в полосе фронта, получили указание немедленно начать жесточайшие удары по коммуникациям с задачей не пропустить ни одного поезда врага к линии фронта. Предлагалось всячески срывать снабжение противником своих войск, устраивая крушения поездов, выводя из строя мосты, дорожные сооружения, разрушая линии связи, уничтожая склады боеприпасов, снаряжения, продовольствия, горючего.

Напряженную до предела обстановку для гарнизонов охранных войск на железнодорожных станциях создают в эти дни спецгруппы Михаила Анипкина и Николая Шимчика. Острые их удары направлены на район станции Чихачево, ставшей голозной базой снабжения 16-й немецкой армии и связи ее с группой войск Манштейна. Кроме стальных путей на Дно от Чихачева к Старой Руссе отходили две шоссейные дороги; основная через Волосовский, другая — через Белебелковский районы Ленинградской области.

Группа Николая Шимчика действовала в тылу врага давно. «Крестным отцом» ее был майор Злотников. К нему и летели радиogramмы из труднопроходимых Ашевских болот. Сведения передавались ценные — рядом железная дорога от Новосокольников на Дно. Крупные гарнизоны врага стояли в Локне, Сущеве. На боевом счету группы было несколько крушений вражеских поездов. 8 марта 1942 года разведчикам удалось пустить под откос эшелон с платформами,

груженными боезапасом. Взрывы снарядов основательно разрушили железнодорожное полотно. Пожар уничтожил уцелевшие вагоны. Погибло много солдат, сопровождавших эшелон.

Летом 1942 года группа в ослабленном составе (пять человек) вышла на отдых в наш тыл. Надежный это был народ. Все — молодец к молодцу, отважны, решительны, правдивы. И каждый превосходный специалист своего дела. Ленинградец Геннадий Сорокин — меткий стрелок. Волжанин Александр Иванов — мастер по установке мин, южанин Николай Мамаев — радист со своим почерком, псковитянка Татьяна Ланькова — смелая разведчица. Ну а сам командир лейтенант Николай Шимчик на все руки мастер.

Вот эту отважную пятерку и предложил направить поближе к берегам Великой Злотников, когда в разведотделе обсуждался вопрос о заброске новых спецгрупп для подрывных действий на железных дорогах Пскова.

— Может быть, не стоит, Сергей Михайлович, на этот раз включать в группу Ланькову, — усомнился Злочевский, — девушка с самолета прыгать не тренировалась. Обойдутся парни без нее.

— Обидим и ее и ребят, — не согласился Злотников. — Между Таней, с которой я встретился год назад в Дно, и сегодняшней Ланьковой — разница большая. Возмужала не по летам. Одна ее разведка в Локне чего стоит. «Острый глаз и чуткое ухо», — говорят про нее бойцы группы. И любят.

— Суровый Злотников — и такие эмоции. Не ожидали, товарищи? — улыбнулся полковник Кашников и затем как решенное добавил: — Не будем разъединять группу. Отправка немедленная.

...Тане Ланьковой шел восемнадцатый год, когда началась Великая Отечественная война. Худенькую, высокую, ее скорее можно было принять за подростка, чем за девушку, имевшую уже рабочий стаж. Печатница Дновской типографии стала в первые недели сандружинницей, а спустя месяц — бойцом разведгруппы. Так случилось, что девушка невольно подслушала разговор разведчиков, готовившихся к уходу в тыл врага. Обратилась к ним с просьбой взять с собой. Те и привели ее к майору Злотникову.

Майор с улыбкой выслушал рассказ о том, как Ланькова проникла в тайну группы, но в ответ на просьбу зачислить в ее состав произнес обидное:

— У нас не детский сад.

Лицо Тани залила краска. Вскочив со стула, она заговорила сбивчиво, горячо:

— Я все равно уеду с группой! Выслежу и уеду. В машину вцеплюсь.

Поднялся и майор.

— Вы понимаете, что говорите? — спросил он сердито.

— Понимаю. И обязательно так поступлю!

— Ни черта вы не понимаете! — рассердился Злотников. — Ведь товарищи, которые привели вас ко мне, все военные, здоровые и сильные хлопцы. Разве вы сможете столько пройти, сколько они? Или прыгнуть с самолета с парашютом?

— Пройду. Спрыгну! — упрямо твердила Таня.

— А вдруг вы попадете в руки фашистов? Они же мучить будут, под пытками заставят говорить.

— Кричать буду, но военной тайны не выдам. Честное комсомольское!

— А я думал, что ты пионерка, — смягчился Злотников и уже устало спросил: — Места-то здешние хорошо знаешь?

— Так точно, товарищ майор! — радостно воскликнула Ланькова.

Разведгруппа. Число ее бойцов редко выражалось двузначной цифрой. Но всегда это было воинское подразделение, где требовалось не только стать «острым глазом и чутким ухом», но и высокодисциплинированным бойцом, свято соблюдающим законы воинского товарищества, желающим учиться и на горькой неудаче, и тогда, когда сердце радуется успешно выполненному заданию.

Товарищи учили Ланькову отвыкать от слов «кажется», «приблизительно» при докладе командиру о проведенной разведке. Учили запоминать и удерживать в памяти все увиденное и услышанное намертво.

И Таня тренировала память, выработывала в себе особую зоркость: по нескольку раз проходила разведчица на станции Сущево мимо закрытых брезентом танков, чуть ли не вслух пересчитывала орудия, стоявшие на платформах и на запасном пути в Чихачеве, запоминала номера груженных снарядами автомобилей, сделавших вынужденную остановку в поселке Бежаницы. И все это на

виду у гитлеровцев, с риском для жизни. Сколько раз, услышав окрик «Ком мит цум комендант, шнель!» («Идем к коменданту, быстро!»), Ланькову охватывал цепкий страх, но она оборачивалась с обворожительной улыбкой и протягивала патрулю дновский паспорт или, залившись слезами, объясняла «пану солдату», что ищет больного отца-беженца.

Разведка, о которой напомнил Злотников на совещании, была и дерзкой и особо результативной. В разведотделе фронта располагали сведениями о каком-то большом, таинственном вражеском складе горючего то ли в самом городе Локне, то ли в его окрестностях. Но чтобы он находился рядом с железной дорогой, совсем недалеко от вокзала, — этого никто не предполагал. Гитлеровцы открывали склад только по почам, весьма искусно маскировали его и крепко, но незаметно для постороннего глаза охраняли.

Ланькова и Елена Соколова (наставница Татьяны на первых порах) появились в Локне днем. Зашли в несколько домов и со слезами на глазах расспросили хозяев про лагерь военнопленных, где якобы находились их мужья. Узнав местонахождение лагеря, а попутно и многое другое, они до вечера бродили по улицам. В городе накануне остановилась крупная воинская часть. Ее неосторожные интенданты и помогли разведчицам определить, откуда идет снабжение бензином войск, отправлявшихся к Ленинграду. Когда Злотников доложил радиотрамму Шимчика об обнаруженном складе начальнику развед-

ки фронта, тот немедленно взялся за трубку полевого телефона и вызвал командира авиационной части... Огромное черное пожарище долго напоминало гитлеровцам о точности ударов советской авиации.

Оправдала возлагаемые на нее надежды отважная пятерка и осенью 1942 года. Группу удачно выбросили вблизи глухой псковской деревушки Коты. Ланькова смело отправилась в крайнюю избу, назвалась Тосей из... партизанского отряда, попросила хозяйку кое-что рассказать. Та поверила разведчице, и ее «кое-что» оказалось богатыми сведениями, нужными для подхода к участку железной дороги Порхов — Карамышево. Вскоре на стол Злотникову легла радиограмма: Иванов, Сорокин, Ланькова и Мамаев подорвали воинский эшелон в 48 вагонов, набитый до отказа солдатами вермахта. В их составе было около батальона СС...

В Ленинградском партийном архиве хранится наградной лист на старшего сержанта Татьяну Ивановну Ланькову. В нем сказано: участвовала в подрыве пяти вражеских эшелонов, уничтожала телеграфно-телефонную связь противника. Позже, уже командуя группой подрывников, проникла за реку Великую, где пустила под откос эшелон с боевой техникой фашистов на дороге Остров — Резекне.

До поздней осени 1942 года наступательные действия войск Ленинградского, Волховского, Северо-Западного фронтов, бойцов незримого фронта ослабляли силы врага. Гасили операцию «Северное сияние» и мо-

ряки Краснознаменного Балтийского флота. И прежде всего неотразимыми ударами своих подводных лодок.

Фашистские адмиралы заверили Гитлера, что в летнюю кампанию ни одна советская субмарина не преодолеет смертельных минных барьеров и не появится в водах Прибалтики, не говоря уже о Германии. В одном из иллюстрированных немецких журналов была помещена карта ближайших морских подступов к Ленинграду. Вдоль и поперек ее испещряли условные знаки минных заграждений с устрашающими названиями: «Тигр», «Носорог», «Морской еж», «Медведь». Тысячи якорных и магнитно-акустических мин были выставлены против советских кораблей. На разных глубинах вблизи друг от друга притаилось множество «рогатых смертей»¹. Легкий удар корпусом или днищем корабля — и две сотни килограммов взрывчатки превратятся в огненный таран дьявольской силы.

Тридцать шесть раз летом и осенью 1942 года, всем смертям назло, прорывались балтийские подводные лодки в открытое море. 56 кораблей и судов врага были потоплены ими на коммуникациях и базах противника. Шведская газета «Дагенс нюхетер», анализируя ход войны на море, 20 октября писала: «Советские подводные лодки, управляемые отважными и отчаянными командирами, несомненно, прорываются через узкие, зами-

¹ У большинства морских мин на шарообразной поверхности имелись рогообразные колючки.

нированные и чрезвычайно тщательно охраняемые воды Финского залива... не дают возможности немцам наладить твердые коммуникации».

Вторую военную осень во всеоружии встречал и сам город-герой. В кратчайшие сроки была проведена эвакуация 300 тысяч жителей и части промышленных предприятий. Люди, пережившие зиму, когда голодная смерть косила сотни человек ежедневно, не хотели уезжать на Большую землю. Но так было нужно для обороны города и для подкрепления опытными кадрами специалистов восточных районов страны. Ленинград послал более 4300 специалистов на авиационные заводы, около 6400 — на судостроительные и до тысячи на танковые. Вместе с ними отправлялось и различное промышленное оборудование, в том числе 17 тысяч станков.

Дружно вышли ленинградцы на строительство дополнительных оборонительных рубежей. Их руками было сооружено более 7 тысяч амбразур для пулеметов и 1100 для пушек, новые противотанковые рвы, окопы, баррикады на случай уличных боев.

Огромная роль в укреплении города в те дни принадлежит Ладоге. До самого ледостава продолжалась навигация. С западного берега на восточный и в обратном направлении шли пароходы с баржами на буксире, военные и речные суда. Шли ночью и днем, в штормовую погоду, какой богато озеро, под неистовыми бомбежками фашистской авиации. В Ленинград было доставлено 703,3 тысячи тонн груза.

Многогранная титаническая работа ленинградцев под руководством партийной организации превратила город в военную крепость. Ее защитники имели не только армии, корабли, самолеты, но и такое сильное оружие, как непоколебимая вера в победу правого дела советских людей.

Клавдия Назарова

Людмила Филипова

Александр Митрофанов

Олег Серебрянников

Островские молодогвардейцы

*...О, камни!
Будьте стойкими, как люди!*

ЮРИЙ ВОРОНОВ

Встать, суд идет!
Эти слова раздавались ежедневно в зрительном зале Новгородского драматического театра с 7 по 18 декабря 1947 года. Услышав их, вздрагивали сидевшие на помосте 19 воен-

Александр Козловский

Лев Судаков

ных преступников — 19 вешателей, фашистских палачей, убийц и грабителей. Это по их приказу гитлеровцы пытали, расстреливали, вешали советских людей, сжигали новгородские и псковские деревни, разрушали древний Новгород. Это они, следуя человеконенавистническому утверждению своего фюрера «Совесьть — химера», упивались кровью ни в чем не повинных женщин и детей.

Председатель трибунала вызывает:

— Подсудимый Карл Зассе.

Комендант 822-й полевой комендатуры, размещенной в первые годы войны в городе Острове. Страшен реестр его жертв: 516 расстрелянных советских граждан, 17 повешенных, 70 умерших после пыток в подвалах тюрьмы... На суде он не похож на того Зассе, чье слово решало судьбу человека, попавшего в руки тайной полевой полиции. Исчезло надменное выражение лица. И голос сник, напоминает карканье старой вороны.

— Я — солдат. Я действовал по приказу свыше.

Песня известная. Ее не раз исполнял на Нюрнбергском процессе один из главных военных преступников, начальник Зассе и ему подобных — фельдмаршал Кейтель.

Ровно пять лет назад в такой же морозный декабрьский день 1942 года по приказу коменданта 822-й полевой комендатуры Зассе в Острове были повешены славная дочь советского народа, руководитель молодежного подполья города Клавдия Ивановна Назарова и трое ее ближайших помощников. На суде

Зассе никак не может вспомнить, за что он обречен на казнь четверых юных советских патриотов. Именно он.

Прокурор спрашивает Зассе: «И вы их приказали повесить без всякого суда?» — «Без суда», — отвечает подсудимый.

Суд над палачом... Сбылись предсмертные слова непокоренной комсомолки: «Красная Армия придет!» Она пришла в Остров и принесла одним освобождение, другим возмездие...

Резец ваятеля увековечил образ героини в гранитном монолите. Одета камнем, она стоит на главной площади города, там, где фашистская петля оборвала ее жизнь. Взор Клавы устремлен в сторону Великой — реки ее детства и комсомольской юности. На постаменте высечено: «Герою Советского Союза, руководителю Островской комсомольской подпольной группы, старшей пионервожатой К. И. Назаровой. 1918—1942. От пионеров и молодежи».

Годы неумолимо отодвигают от нас прошлое. Бессмертная Клава перешагнула не только Великую, но переплыла и широкую реку времени. Однако далеко еще не все мы знаем о молодогвардейцах ленинградского комсомола, как по праву можно называть Назарову и ее товарищей по подполью. А их было немало — вчерашних школьников, не сломленных бурей фашистского нашествия.

В предвоенные годы весенней порой, когда островские улицы одевались в кружева яблоневых садов, на главной городской площади звучала дробь барабанов, залихватисто пели

пионерские горны. Это Клава Назарова, старшая пионервожатая школы имени Ленина, приводила сюда своих питомцев. У могилы героев гражданской войны, обрамленной густыми кустами сирени, припускалось алое знамя. С затаенным дыханием слушали пионеры рассказы о солдатах революции — первом председателе Островского Совета Матвее Егорове, о партизане Николае Порозове.

А ребят постарше неугомонная Клава уводила в походы по речным дамбам Великой или к лазурной глади Гороховского озера. В прохладных водах его купались. Под шум корабельных сосен делились мыслями с товарищами, мечтали. Частыми гостями школьников во время таких походов были воины в зеленых фуражках. И тогда у костров на всю ночь поселялась романтика пограничной службы.

«Никогда не забуду тот день, когда 1 сентября на площади, у братской могилы, мы, ученики пятого класса, стояли в строю и давали клятву на верность Родине, на верность нашим отцам, геройски павшим за Советскую власть. Тогда же Клава повязала каждому из нас пионерский галстук.

А в нятом классе Назарова стала нашей вожатой. Мы всегда хотели рассказать ей свое самое сокровенное, делились своими ребячьими тайнами и часто ревновали, когда она была такой же внимательной, дружной, доверительной с ребятами других классов. Клашу — так называли Назарову в школе — любил не один наш отряд, а вся школа, все

пионеры», — вспоминает Вероника Александровна Жатова.

Да и как было не любить такую! Там, где появлялась Клаша, исчезала скованность, скука. Каких только игр не придумывала она со своими пионерами! Каких только песен не знала!

«Хорошо помню Клаву: маленького роста, ладно и крепко сложенная, с чистым и выразительным лицом — вся кипучая жизнь души отражалась в нем, темные волнистые волосы, заплетенные в две длинные косы. Обычный костюм: синяя блузка и юбка, тщательно наглаженный пионерский галстук, расшитая шелком тубетейка на темных волосах. Была очень подвижна и ловка в движениях. Природные силы били в ней ключом.

Училась Клава всегда хорошо, интересовалась всеми предметами. Когда ее спрашивали, выходила быстро и начинала отвечать сразу, с поворота. Горячее участие принимала в школьной самодеятельности: ребят организовывала и сама любила выступать: танцевать на сцене, декламировать... Вот читает она стихотворение Некрасова «Генерал Топтыгин». В ход идут все средства голоса, мимики, жестикуляция, она успевает показать внешний вид, а главное — переживания простоватого ямщика, бородатого Трифона и лапуганного, дрожащего перед генералом зрителя станции. В нужный момент на почтительно склоненной голове оказывается форменная фуражка с кокардой. «Поспешил фуражку снять» — и фуражка уже лежит на протянутой руке, да и не просто, а кокардой

к воображаемому генералу. Этот номер пользовался исключительным успехом, его нередко приходилось повторять по просьбе зрителей». С такой теплотой и симпатией характеризует Клаву Назарову преподаватель русского языка и литературы Василий Афиногенович Весский.

О том, какой неутомимой, энергичной, веселой и серьезной могла быть Назарова, рассказывает преподаватель географии Александр Васильевич Сергиевский.

«Бывало, иду по школьному коридору — вижу, появилась Клава, вожатая. И сразу вокруг нее дети и так стайкой за ней, не отпускают. Очень ее любили ребята. Я думаю, что их привлекала сама личность Клавы — такой обаятельной, спортивной, сердечной. И, конечно, за то, что она, как никто другой в Острове, умела проводить пионерские сборы. К участию в них Клава привлекала и меня. Очень хорошо помню, как по ее просьбе я проводил на пионерском сборе беседу о событиях в Испании. Грозные события там волновали тогда всех. И мне запомнилось, как горячо выступали ребята, как страстно говорила Клава. Испания была для них примером мужества, интернациональной дружбы и в то же время наглядным уроком того, что такое фашизм.

Бывал я и на других сборах, которые проводила Назарова. Проходили они дружно и весело. И меня всегда радовало, что Клава не только увлекает детей, но и сама искренне с ними танцует, играет.

В дни советско-финляндской войны Наза-

рова уехала в Ленинград в Институт физической культуры имени П. Н. Лесгафта учиться в школу тренеров. Но через год вернулась. Сразу же зашла в родную школу, и мы увидели, что Клава срезала свои косы и стала какая-то необычно серьезная.

— Ты чего косы отрезала? — спросил я.

Она ответила без обычной для нее шутки, очень-очень серьезно:

— Так надо.

Мне запомнилось это «так надо». Клава словно внутренне готовилась к чему-то очень важному»¹.

Срезала свои косы Назарова в институте, когда настойчиво просила отправить ее в формируемый лыжный отряд лесгафтовцев, тот самый, которым в ходе боевых действий на Карельском перешейке командовал майор-разведчик Деревянко. Клаву не взяли, хотя она и была хорошей лыжницей. Отряд состоял только из спортсменов-мужчин. Гибель товарищей, возвращение раненых, полувоенная обстановка суровой зимой 1939/40 года в Ленинграде не могли не повлиять на впечатлительную натуру Клавы. Девушка почувствовала дыхание войны, глубже осознала ответственность своего поколения за сохранность всего того, что дала людям Советская власть.

А в Остров Назарова вернулась вынужденно. Обучение в институте в то время было

¹ Воспоминания о Клаве Назаровой островских учителей и ее соучеников записал и собрал бывший секретарь Псковского обкома ВЛКСМ В. А. Дмитриев, ныне преподаватель Академии общественных наук при ЦК КПСС.

платным, а дома — больная мать да младшая сестра. Жить им было нелегко. Райком комсомола охотно направил Клаву работать в пионерлагерь в Елино, что в нескольких километрах от города.

Время испытаний наступило быстро. Уже на пятый день войны в Острове появились беженцы — вестники огромного горя, катившегося к берегам Великой. Начались налеты вражеской авиации. А в первые июльские дни на улицах города взметнулись к небу черно-бурые фонтаны земли от разрывов артиллерийских снарядов, на окраинах, захлебываясь, застучали немецкие пулеметы и автоматы. Гитлеровцы рвались к Ленинграду.

Геройски отстаивали рубежи на островском направлении воины 111-й стрелковой дивизии. Когда фашисты ворвались в Остров, части 3-й танковой дивизии Северо-Западного фронта получили приказ выбить врага. Танковая рота Владимира Платицина¹ первой вступила в неравный бой. Двое суток шли ожесточенные бои. Советские танкисты подбили и сожгли 40 фашистских танков, несколько десятков орудий, уничтожили до полка пехоты противника.

6 июля 1941 года во второй половине дня гитлеровцы овладели почти всем городом. Три сборных отряда красноармейцев прикрывали отход наших частей в северном направлении. В одном из них находилась Назарова.

¹ Владимир Васильевич Платицин отличился в последующих боях. Был тяжело ранен, удостоен звания Героя Советского Союза.

Она появилась среди бойцов с санитарной сумкой в разгар боя. Никто не спрашивал девушку, кто она и откуда. Клава перевязывала раненых, подносила воду к пулеметам. Когда начало темнеть, красноармейцы короткими перебежками стали продвигаться к насыпи железной дороги.

— Уходи с нами, дочка, — позвал Клаву пожилой командир.

— Спасибо, товарищ, но мне необходимо остаться здесь.

Скрылся последний красноармеец, исчезла в темноте и Клава. Но путь ее лежал не в город. С детства знакомыми тропками пробралась, она в деревню Сенькино, где жили ее родственники. Клава надеялась встретить здесь кого-нибудь из старших товарищей, направившихся в лес соседнего Сошихинского района. Клава не сомневалась, что до скорого возвращения Красной Армии она будет активно действовать против оккупантов, а вот какими методами вести подпольную борьбу, знала лишь по книжкам. Из-за столь быстрого появления фашистских войск у Острова руководители города не успели (да и опыта не было) организовать подполье, как это было сделано в городах Гдове, Порхове, Луге и во многих районных центрах Ленинградской области.

Несколько дней через Остров шли части 18-й немецкой армии. Шли днем и ночью. Выдрагивал, как живой, прогибался знаменитый цепной мост через Великую. Грузовики с солдатами. Тягачи с пушками. Танки. Крытые фургоны. С оглушительным ревом по

улицам проносились мотоциклисты-автоматчики.

Казалось, страх парализовал город. На улицах не было видно ни прохожих, ни крестьянских телег. Даже русской речи не слышно. Лишь лающие слова команд да самодовольный гогот солдатни.

Но город не вымер, только жил он теперь ночью, и жизнь эта была особой. Под покровом темноты кто-то проколол скаты у многих машин из колонны, остановившейся на отдых в бывшем военном городке. Кто-то обстрелял патруль у цепного моста. Вспыхнул пожар в солдатской казарме. Не без помощи островичан бежала группа пленных красноармейцев из полевого лагеря, обнесенного колючей проволокой. Город не хотел покоряться врагу.

Дни, проведенные у родственников, помогли Клавде Назаровой в какой-то мере свыкнуться с мыслью «старой жизни временно пришел конец». Гитлеровцы в первые недели оккупации держались ближе к городу и шоссе, не расползались сразу по деревням. В Сенькино заскочили фуражиры-грабители раза два, похватали, что попало под руку, и помчались догонять свои части. Но на душе у Клавды было беспокойно. По ночам она долго не могла уснуть, задавая себе один и тот же вопрос: «Кто отважится из близких товарищей пойти рядом на смертный бой?» И невольно мечтала: «Вот если бы были в городе подружка Мила, славные, преданные ей мальчишки Олег, Саша, Лева... Мальчишки? Уже юноши, у всех за плечами 10 классов. Саша Митрофанов и Лева Судаков, наверное, стали

курсантами. Незадолго до начала войны поехали в Ленинград поступать в военное училище. А Мила должна была эвакуироваться с трехлетней Инночкой... Вот если бы...»

Милой островская молодежь звала Людмилу Филиппову. Круглолицая, со стриженными темными волосами, спадающими на лоб, с веснушками на лице, с почти неизменной улыбкой, Мила вся светилась добротой и притягивала к себе сверстников. Многие из них были влюблены в нее. Как и Назарова (они были одного возраста), Мила активно участвовала в самодеятельности, в каждом крупном спортивном мероприятии.

В семейной жизни девушке не повезло. Полюбила, да, видимо, не того, кого следовало... Но и оставшись с ребенком на руках, Филиппова по-прежнему была жизнерадостной и отзывчивой к людям. Работала Мила корректором в редакции районной газеты. В 1940 году вместе с погранотрядом в качестве вольнонаемной служащей уехала на остров Сааремаа... На третий день войны ее вызвал к себе комбриг. «Завтра мы эвакуируем с острова детей и часть женщин, — сказал он, — поедете и вы с ними. Не возражайте. Я знаю, что вы против этого, но у вас дочь, и то, что я говорю, — приказ». Так Филиппова опять очутилась в Острове...

Клава вернулась в Остров, когда схлынул поток частей вермахта, проходивших через него, а на заборах и специальных щитах застрелили приказы военного коменданта, регламентирующие жизнь в оккупированном городе. Были они все на один манер: вверху

бумаги свастика в лапах орла, малограмотный текст, запрещающий то одно, то другое, и в завершение угроза: «За неповиновение — расстрел».

Запричитала Евдокия Федоровна, увидев в дверях дома дочь:

— Зачем вернулась, Клашенька? Пересидела бы осень да зиму в деревне. А там и наши подоспели бы.

— До зимы, мама, еще далеко. А вернулась, — Клава обняла мать, — чтобы тебе полегче было жить.

— Какая тут жизнь! Кругом полно нелюдей с паучьими знаками на шапках и рукавах.

— Эти знаки пострашнее паучьих будут. Свастикой называются.

— Поосторожней жить надо, Клашенька. Тебя в городе многие знают. Вожатой была как-никак.

— Старшей, мама, — поправила Клава многозначительно и повторила: — Старшей. Вот такой я и буду для своих пионеров.

— Твои пионеры, Клашенька, уже женихами стали. Вот вчерась видела Митрофанова. Хмурый. Клеил что-то на заборе да все оглядывался.

— Ой, мамочка, — обрадовалась Клава, — что ж ты раньше об этом не сказала!

— Да когда говорить было-то. И Людмила твоя в городе. Перехватил немец дорогу на Порхов. Не дал к своим уйти. Заворотил всех назад.

— А Инночка?

— Живехонька. Куда ж ей без матери. Дите малое.

— Сбегаю к ним, проведу.

— Сиди уж. Сама кликну. Недалече ведь. ...Они долго стояли обнявшись. И плакали.

— Ну, чего ты разревелась? — первой пришла в себя Клава.

— А ты чего? Или забыла, — лицо Филипповой расплылось в улыбке, — что слезы — удел старух.

— И что слезы колосом не всходят, — подхватила Назарова, — так ведь, кажется, внушал нам с тобой когда-то Барков.

Людмила вспомнила случай, когда девушки на уборке урожая не поладили с бригадиром колхоза. Тот обидел шефов, и Клава с Милой, тогда еще школьницы, расплакались. А тут на велосипеде подъехал секретарь райкома комсомола Трофим Барков. От него им и попало за слезы.

— Где-то сейчас Трофим? — посерьезнела Мила. — Слышала, что в лес ребят постарше увел¹.

— Объявится. А мы должны не слезы лить, а бороться и звать на борьбу других. Согласна? — твердо сказала Клава.

— «Бороться и звать на борьбу других», — как эхо повторила Филиппова.

Сначала они собрали самых надежных ребят. На первую встречу пришли трое. Неугомонный, порывистый Олег Серебренников, не менее темпераментный Лева Судаков и сдержанный, всегда спокойный Саша Митрофанов. Они были неразлучными друзьями.

¹ Трофим Барков погиб в одном из первых боев партизан с немецко-фашистскими захватчиками.

Троица пользовалась авторитетом среди сверстников. И за душевную щедрость, и за умение, коль надо, постоять за себя. К Клаве и Миле они относились по-рыцарски, а для Левы его вожатая стала первой большой любовью. Товарищи знали об этом и никогда не позволяли шуток в его адрес.

Разговор во время первой встречи носил поначалу сумбурный характер. Юношам хотелось поделиться с Клавой и Милой пережитым. Олег рассказывал об истребительном отряде, возмущался тем, что, разбитый на малые группы, он не смог участвовать в уличных боях. Лева, перебивая товарища, пытался поведать о виденном на дорогах, когда вместе с Сашей, возвращаясь из Ленинграда, они пешком шли от Пскова до Острова, о том, как фашист стрелял в него, но промахнулся. Митрофанов вскоре прервал друзей:

— Хватит трагических воспоминаний. Поплакались в жилетку, и хватит. Не за тем пришли, Клава,— обратился он к Назаровой,— говори, что делать будем?

— Ну а ты как разумеешь?

— Быть вместе. Бить врага.

— Правильно, Саша. Все мы друг друга знаем. Верим друг другу. Вот вместе и будем сражаться с фашистскими гадами.

— До самой смерти! — горячо воскликнул Судаков.

— Зачем, Левушка, до смерти,— мягко поправила его Мила.

— До победы нашего правого дела, как сказал товарищ Сталин.

— Будем считать, что с сегодняшнего дня

мы отряд Красной Армии в тылу врага, — продолжила свою мысль Клава. — Отряд действующий. Задач у нас первоочередных три: добыть оружие, наладить выпуск листовок и привлекать новых бойцов.

— Оружие достать нетрудно, начнем собирать его на окраинах города, — предложил Судаков, — да и выкрасть у врага не возбраняется.

— Только действовать не так, как это сделал ты, — прервал его Митрофанов. — Выхватить винтовку у зазевавшегося часового днем — дерзко, но неумно. Не обижайся, Левка.

— И листовки расклеивать днем тоже не дело, Саша. Не обижайся, дружок.

— Клава, откуда ты знаешь об этом?

— А ведь могла и не одна я узнать. Так что давайте все будем соблюдать конспирацию, как в фильмах о Максиме большевики ее соблюдали. Ну а кого пригласим на наш второй сбор?

— Сашу Козловского из Ногина, — назвал первую кандидатуру Серебренников, — парень отчаянный, да и отец у него партизан гражданской войны. Саша вместе с Аней Ивановой из Радобжи помогал детдомовцев через Великую перевозить, когда фашисты к городу подошли, а потом раненых красноармейцев перенавливали.

— Козловский нам ни в чем не уступит, — поддержал Олег Митрофанов, — и друзья его закадычные Костя Дмитриев и Коля Михайлов — настоящие ребята. Летчиками мечтали стать. Знаю, что все трое после окончания

занятий в школе подали заявления в авиационное училище.

— А Ванюшка Панфилов? — вопросительно посмотрел на товарищей Судаков.

— Молчун какой-то, школу бросил, — с сомнением в голосе отозвался Серебренников.

— Не все такие говоруны, как мы с тобой, — парировал Лева, — а школу он не бросил, а ушел из-за семьи. Работать стал в МТС.

— Я — за. Пусть Лева поговорит с ним, — предложила Мила. — А сейчас решим еще один вопрос. С сегодняшнего дня мы, как правильно сказала Клава, — отряд Красной Армии, действующий в тылу врага. В каждом армейском подразделении есть командир. Должен быть он и у нас.

• — Клава, — в один голос сказали Саша, Лева, Олег.

— Ну, коли так, — Клава встала с подоконника, — слушайте внимательно: наша пятерка — штаб. Собираться вместе будем редко. Мы с Милой на днях поступим на работу к гитлеровцам. Чтобы бить врага наверняка, надо знать его планы, его карты. Позже пойдете работать и вы. А теперь по домам. Зря рисковать не надо. Скоро комендантский час. Но перед уходом споем, — Назарова и Филиппова приобняли ребят. — Мила, начинай. Только тихонько.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Клава, Лева, Олег, Саша подхватили песню:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война!

В доме над Великой песню пели негромко, но с каждым ее словом все громче стучали сердца молодых патриотов, поднявших первыми в древнем городе знамя борьбы.

И она началась, эта борьба, неприметная поначалу, но настойчивая и упорная. Оккупанты насадили к этому времени и в городе и на селе органы местного самоуправления, которые занимались в основном передачей населению приказов военного коменданта и хозкомендатуры, а также контролем за их исполнением.

В полицейские команды, на должности старост и волостных старшин гитлеровцы набирали и назначали бывших кулаков и всякий уголовный сброд, а в городах бургомистрами и служащими управ старались брать предателей из «образованных». В Острове таким отщепенцем стал преподаватель немецкого языка одной из школ Дембский. В сентябре в городе появилась целая серия распоряжений начальника уезда Дембского. Они требовали от островичан «сдать портреты коммунистических и большевистских деятелей», уничтожить «все книги по русской истории с 1917 года». И вот с некоторых пор с распоряжениями начальника уезда стали по ночам приключаться всякие превращения: то на тексте появляются написанные крупно красным карандашом слова «Смерть оккупан-

там!», а то вовсе сверху наклеивалась советская листовка.

Однажды в управе перепутали документы, и в городе были вывешены распоряжения, адресованные старостам деревень. В них предписывалось все могилы германских офицеров и солдат обнести «оградой из березового дерева». Читали новый приказ горожане с неизвестно кем сделанной припиской: «Вместо креста вбить в землю осиновый кол».

Дембского вызвали в ГФП. Обер-лейтенант гестаповец ткнул ему под нос бумагу и, задыхаясь от злости, закричал:

— Вот чему ты учил свой ученик!

Дембского чуть не хватил удар, он едва пролепетал:

— Нет, нет. Писал бандит из леса.

Обер-лейтенант был ближе к истине. Приписку сделал Олег Серебренников, правда, учился он в другой школе.

Листовки, сброшенные с советских самолетов, попадались редко, другая информация о положении на фронтах была скудной. Но Назарова требовала от своего штаба не прекращать распространение «Листов правды». Так называли в Острове и в пригородных деревнях сообщения подпольщиков. Главным составителем их был Судаков. Клава наставляла его:

— Наши сообщения — взрывы гранат для врага. А ты лучше всех можешь написать сильные, зажигающие слова, когда у нас нет новых данных. Надо призывать к неподчинению оккупационным властям, рассказать о непоколебимой стойкости Ленинграда. Го-

род-то наш питерский, а мы комсомольцы ленинградские. Старайся, Левушка, ведь ты у нас почти поэт.

И Лева старался. Листовки и впрямь «пахли порохом», как однажды точно подметила Мила.

Подпольщики хорошо вооружились. Главными поставщиками винтовок, гранат, штыков, кинжалов были Козловский, Дмитриев, Михайлов. Александр Козловский оправдывал репутацию отчаянного храбреца. Однажды он вез в город на велосипеде в портфеле несколько гранат. У ценного моста его остановил гитлеровец и стал автоматом показывать на портфель: покажи, дескать. Александр расстегнул его, достал яблоко, протянул солдату и, тыкая себя в грудь, спокойно сказал:

— Я есть полицаи. Везу яблоки господину офицеру. Он приезжал в нашу деревню. Полицай я.

Немец надкусил яблоко и, не поняв ничего из того, что говорил ему Козловский, кроме слова «полицаи», махнул автоматом в сторону моста:

— Гут, полицаи, гут.

Вечером дома, выслушав рассказ сына, Николай Семенович спросил:

— Ну а если бы солдат заставил тебя вытрясти портфель?

— Я выхватил бы гранату. Конец ему...

— И тебе, сынок.

— Скорее всего.

— Так вот, Саша, не отвага это, а чесотка нервов. И себя угробил бы, и товарищей подвел. Обязательно нужно было ехать днем

и через цепной мост? Нельзя было утречком и на лодке?

— Можно, — тихо ответил Александр, — виноват, папа.

Отец и сын Козловские были большими друзьями. В молодые годы Николай Семенович партизанил в лесах под Лугой, бил белых, сражаясь под командованием Яна Фабрициуса. Он знал круг интересов сына и умело направлял их. Не только разрешал малолетнему Саше прыгать с откоса в воду, но и построил специальную вышку для него и его товарищей. Другие ребята еще с санками расстаться не могли, а Саша уже шагал рядом с отцом на лыжах. В 16 лет он легко переплывал в непогоду Великую, был призером на районных лыжных соревнованиях.

Отец и сын прочли вместе много книг, особенно любили произведения Н. А. Некрасова. Саша еще мальчиком выразительно декламировал отрывки из его стихотворения «Крестьянские дети». Николай Семенович часто говорил о сыне: «Сашок-мужичок, в больших рукавицах, а сам с ноготок!»

Александр сказал отцу о своем участии в подпольной комсомольской организации. С тех пор Николай Семенович, ни разу не спросив сына, кто его товарищи, стал их советчиком. Да и не только советчиком. Должность старшего Козловского до войны была скромной — техник-строитель, — но имела свои преимущества; со многими людьми свела в свое время. Осенью сорок первого Николай Семенович осторожно возобновил некоторые

знакомства. Через верных людей в сошихинские леса отправлялось оружие, собранное подпольщиками. Удалось надежно укрыть нескольких красноармейцев, пробиравшихся к линии фронта. В доме Козловских нашли приют до выздоровления двое раненых: красноармеец и лейтенант медицинской службы.

Установить контакты с ранеными воинами Красной Армии подпольщикам помогала мать Олега Серебренникова — Анастасия Ивановна. Жена большевика с 1918 года (Александр Александрович Серебренников ушел на фронт в первые дни войны), врач по профессии, она не могла бросить на произвол судьбы людей, которых оккупация Острова застала на больничной койке, и продолжала работать в больнице. Анастасия Ивановна знала, что больница стала убежищем для раненых красноармейцев. Отважная женщина уничтожила их форму и составила истории «болезней». Когда они выздоровели, Клава и Олег принесли им гражданскую одежду, вооружили и ночью вывели за город.

Впоследствии с помощью Серебренниковой многие юноши и девушки (в первую очередь подпольщики) избежали угона в Германию. Анастасия Ивановна выдала им справки о заразных заболеваниях.

Иногда в городскую больницу гитлеровцы направляли некоторых военнопленных. Назарова устроилась работать туда медицинской сестрой с целью наладить с ними связь. Однако появляться подпольщикам в больнице, встречаться с Клавой стало рискованно —

уж слишком много было любопытных глаз. И тогда Назарова ушла из больницы и зарегистрировалась в полиции как ученица частной портновской мастерской Семеновой.

Оккупационные власти поощряли частнособственническую инициативу, разрешали кустарные промыслы. Мастерские и различные артели росли в городе как грибы — несколько десятков портняжных и сапожных мастерских, четыре жестяные, четыре бондарные, три слесарные, пять парикмахерских и другие ремесленные предприятия. Лучше что-то мастерить и этим добывать средства на жизнь, чем работать в учреждениях «нового порядка» или попасть на торфоразработки — так рассуждали жители города.

Филишова стала работать в столовой хозяйкомаендатуры. Фельдфебель, занимавшийся подбором работниц, считал, что обслуживать хозяев города должны только симпатичные девушки. Ее взяли на работу охотно.

Нелегко дались Миле первые дни работы. Среди подобранных фельдфебелем женщины были и такие, которые гнались не за куском хлеба, а за расположением господ офицеров. Их не следовало гнушаться, чтобы не вызвать подозрений. На улице многие знакомые ребята перестали здороваться с Филишовой, а то отпускали и нелестные эпитеты. «Фашистская прислужница» — наиболее мягкое выражение из тех, что слышала Мила.

Филишова будто не замечала колючих взглядов, словно не слышала обидных слов. С утра до вечера она пропадала на кухне, изо всех сил старалась угодить шеф-повару:

часами убирала грязь, скребла полы, чистила картофель, выносила помои, на грубость отвечала улыбкой. Усердие молодой женщины было замечено и вознаграждено: вскоре Филиппову перевели в офицерский зал. Мила стала официанткой и получила ночной пропуск.

В городе по распоряжению коменданта должна была начаться демонстрация кинофильмов для населения. Огромные афиши обещали островичанам «путешествие в сказочный мир на земле». Большинство лент было сфабриковано ведомством Геббельса и предназначалось для показа в оккупированных гитлеровцами странах. Они восхваляли жизнь в рейхе, мощь немецкого оружия, фюрера.

Показ фильмов, однако, не состоялся. На складе, где хранились ленты, вспыхнул пожар. Погасить его не удалось, хотя недавно постукивший в кинотеатр молодой механик Судаков очень старался. Осеннее пальто юноши прогорело в нескольких местах. Леше, конечно, было его жаль, но лучшего алиби не придумаешь.

Второй, более крупной диверсией подпольщиков в 1941 году стал поджог в декабре здания родной школы. В ней разместилась полицейская часть, прибывшая в Остров для борьбы с партизанами. Сгорело не только здание, но и военное снаряжение, боеприпасы карателей.

Пожар совпал с ударами партизан, чекистских и армейских спецгрупп на железных дорогах Дно — Псков и Резекне — Остров —

Псков. Начальник тылового района группы армий «Север» приказал командиру 281-й охранной дивизии Байеру (ее штаб находился в Острове) принять чрезвычайные меры. На всех станциях были увеличены гарнизоны солдат численностью до роты, усилена патрульная служба. По свидетельству американского историка Хауэлла, «дивизию охватил такой страх, что было приказано к 15 января 1942 года всеми силами укрепить район, прилегающий к Острову».

Организация островских молодогвардейцев росла. Она не делилась на «пятерки» или «десятки» во главе с руководителем, как это было в подполье крупных городов. Филиппова, Митрофанов, Серебренников, Судаков, Иванова, Козловский, Михайлов и Дмитриев имели каждый в своем активе двух-трех надежных товарищей, и те при надобности выполняли задания организации.

Конспирация соблюдалась строго, а ведь только Назаровой и Филипповой было больше двадцати. Все остальные — чуть постарше ребят, сидящих в наши дни за партией в школе, носящей имя Героя Советского Союза Клавдии Назаровой. Чуть постарше и чуть построже. Юность в приграничном городе, дружба с бойцами принесли свои плоды: умение стрелять по-ворошиловски, хранить тайну, быть бдительным — все пошло подпольщикам на вооружение. В небольшом городке трудно остаться незамеченным, не вызвать подозрения у многочисленных агентов абвера, ГФП, у офицеров охранных войск. А ведь ни одна явка подпольщиков, ни один склад ору-

жия не были обнаружены. Ни разу организаторы диверсий (забегая вперед, скажем — их было немало в 1942—1943 годах) не попали в руки полевой жандармерии.

Собирались вместе редко. В 1941 году два раза: первый — все ядро на квартире Назаровой, второй — только члены штаба у Анастасии Ивановны Серебренниковой в день рождения Олега.

Филиппова, убирая зал после очередной попойки интендантов охранной дивизии, среди бумажного мусора обнаружила страницу ленинградской газеты «Смена» с отчетом о комсомольско-молодежном митинге в Таврическом дворце. Газета была двухнедельной давности, но сообщения, напечатанные в ней, свидетельствовали о несокрушимости Ленинграда. Как раз в эти дни фашистская газетенка с кощунственным названием «За родину» напечатала статью «Танки фюрера на улицах Петрограда». Узнав о находке Милы, Клава дала сигнал к «большому сбору».

К приходу товарищей Клава положила на стол лото и карты. Заглянет немецкий патруль — молодежь развлекается играми, разрешенными властями.

Когда сядились за стол, Николай Михайлов вынул из кармана горсть серебряных монет.

— Какая же игра без денег? Проверят — не поверят господу полицаи.

— Где ты насобирал столько? — удивилась Филиппова.

— Это гонорар мне и моим компаньонам

от начальника уезда Дембского, — с напущенной важностью ответил Николай.

— Да не темни ты, Колька, — не выдержал Судаков, — говори толком.

— Читать приказы начальства нужно. Что сказано в последнем распоряжении господина Дембского? Не знаете? А там есть пункт о необходимости пачать борьбу с крысами. Не угодили они новым властям. За каждый сданный крысиный хвост и выдается пятьдесят копеек серебром. Вот я и охотился с ребятишками за крысами. Тяжелая охота. Это тебе, Лева, не динамку в кино крутить.

— А толк какой, — не унимался Судаков, — деньги небольшие.

— Толк у меня в кармане. Записка нашему старосте от уездного начальства, чтобы он меня в пример другим ставил. Значит, я теперь самый что ни на есть благонадежный человек.

— Ну, Колька, ты даешь! — сдался Судаков.

— Это еще не все, — лукаво улыбнулся Козловский, — рассказывай, что дальше было.

— А дальше состоялась приятная встреча. Только я вышел из управы, а на дороге офицер стоит. Толстый как бочка и важный как индюк. А в том же распоряжении Дембского есть приказание под номером 25. Оно обязывает население кланяться при встрече с немецкими офицерами. Что делать? Не поклонись — худо, за мной из окна наблюдают. Деваться некуда. Шагнул к офицеру и говорю: «Гутен таг, паскуда вонючая. Чтоб тебя разорвало, бегемот несчастный, вместе

с твоим Гитлером». Первые слова и последние сказал громко, остальные вполголоса. И поклонился низко. Он мне в ответ как гаркнет: «Хайль Гитлер!» Я аж подскочил.

Все рассмеялись. В комнату вошла Евдокия Федоровна. Клава попросила ее:

— Пойди, мама, погуляй около дома, пожалуйста. Гости наши собрались все. Предупреди, коль незваные появятся.

Когда мать ушла, Клава обратилась к товарищам:

— Друзья, у нас сегодня радость. Есть точное подтверждение — Ленинград не по зубам фашистам. Вот газета наша молодежная. Она сообщает о митинге молодых ленинградцев в Таврическом дворце. Рядом в саду упала фашистская бомба, но наши товарищи под грохот разрыва дали клятву:

«Город наш не станет подневольным,
Будет вновь он песнями звенеть.

Будет вечно красный флаг над Смольным
Гордо и победно пламенеть».

Это и наша с вами клятва, друзья. Пусть газету прочтет каждый, поделится дома радостью с родными, а завтра на работе ненароком опровергнет вранье гитлеровцев о падении Ленинграда.

«Смена» долго ходила по рукам, все перенимали пламенные слова из выступления на митинге писателя-балтийца Всеволода Вишневского: «Будьте достойны высоких героев, которые умели биться за Родину, честь и правду, умели идти в огонь, на муки и испытания... Так вперед же, товарищи, вперед, юность! Вперед, ленинградцы! Вспомним о

том, чье имя носит великий город: о неустрашимом Ленине, и ринемся вперед, всеми силами. Мы можем победить! Должны! И победим!..»

Зима в тот год наступила рано. Ледяной покров быстро сковал и Великую; на дорогах снежные наметы. Запахнулись в белоснежные шубы сошихинские леса.

Вьюжная декабрьская ночь. На улице не видно ни зги. Город словно вымер, и только в помещении, где ужинают гитлеровские офицеры, светло и шумно. Из-за столиков несутся пьяные крики и приказания официантке:

— Фрейлейн Мила, еще пива!

— Фрейлейн, бифштекс!

Филиппова быстро скользит между столиками. Улыбаясь, подает пиво, коньяк, горячее.

Наконец кутеж окончен. Перемыв посуду, Филиппова уходит из столовой. В руках у нее ночной пропуск и сверток — «ужин официантки». Долгий и странный путь к дому проделывает «фрейлейн Мила». И с каждой новой улицей сверток становится меньше и меньше... Утром следующего дня сотни людей с радостью читали расклеенные по городу листовки о разгроме фашистских войск под Москвой.

...Неделю гуляет метель по Псковщине. Замела она сугробами не только проселочные дороги, но и шоссе. А из Острова в Опочку нужно доставить срочно снаряды. Хозяйственная комендатура отправила в ночь конный обоз в несколько десятков подвод до Новгородки, где его встретят машины. В число

отобранных ездовых «случайно» понал Костя Дмитриев.

Путь не близкий — добрых 30 верст. Трое солдат, сопровождавшие обоз, держатся вместе — партизан боятся. Один из них «случайно» обнаружил на подводе Дмитриева бутылку самогона. Позвал приятелей погреться. А у охраны, десятка полицаев, тоже нашлось чем глотку смочить. Сбились кучкой, стакан за стаканом потягивают. Крепчает мороз. Кутаются в рваные шубы ездовые. А Дмитриев только этого и дожидается. Осторожно в снежные сугробы скатываются снаряды с одной подводы, с третьей, с пятой... Риск, как известно, пьянит, но Костя помнит строгий наказ Филипповой: «Рискуй, но не до безрассудства». На его подводе все снаряды целы, и он на глазах солдат. Не придерешься...

Весна принесла на берега Великой новое горе. Гитлеровцам не помогли пропагандистские ухищрения в их вербовке рабочей силы на заводы Германии и батраков в юнкерские поместья. В Островском и соседних с ним районах изъявили согласие единицы, а требовались тысячи. И тогда появился приказ — отправку производить в принудительном порядке. Началась охота на людей. «Завербованных» таким образом размещали в бывшем лагере для военнопленных. Последних частично уничтожили, а основную массу направили в концлагерь.

Штаб подполья решил попытаться помочь угоняемым в Германию. Назарова предложи-

ла Козловскому и Ивановой пойти с этой целью на службу в полицию.

— Тебе легче втереться в доверие к этим ублюдкам-полицаям, — говорила Клава Александру. — На гармошке играешь — раз. Истории всякие «заливать» можешь — два. С оружием обращаешься не хуже армейского старшины — три.

— Раз надо, так надо, — согласился Козловский.

— А я не хочу работать у фашистов, — сердито заявила Иванова. — Ведь каждый честный человек будет полицейской шлюхой называть. Не смогу я притворяться.

— Должна научиться. Ты думаешь, Филипповой легко. Ее обзывают наши люди по-разному. Ей очень обидно, но она терпит.

Аня прочла в глазах подруги немой укор, вздохнув, сказала:

— Согласна, Клава. Прости. Это так просто с языка сорвалось.

Через неделю Козловский с винтовкой за плечами уже ходил вокруг лагеря, покрикивал на горемык, загнанных за колючую проволоку. В охране было еще двое. Пожилой полицай, глядя на Александра, зло процедил сквозь зубы:

— Ишь старается стервец. Грехи комсомольские замаливает.

— Чего шипишь, — заступился за Козловского второй страж. — Тебе-то своих грехов не замолить. Парня не трожь. Его сродичи Дембского прислали. Да и на гармошке он наяривает здорово, когда наш брат шансом немецким совесть заливают.

— Надо ж, какой ты совестливый.

— Да уж не тебе чета.

— Это почему ж?

— Сословия мы разного. Я хоть вор, но не предатель, как ты. Красноармейцев немцам не выдавал. Крови нет на мне.

— Ну ты, смотри у меня.

— Смотри и ты. Маслину в бок — и амба.

Полицаи, переругиваясь, повернули за угол. Козловский быстро приоткрыл дверь проволочной ограды... Когда стемнело, несколько парней бежали из лагеря.

Перед отправкой в Германию сотни юношей и девушек были переведены в пересыльный Симанский лагерь на берегу Великой. Пополнялся он ежедневно. Филиппова подслушала за обедом разговор двух гитлеровцев с начальником железнодорожной станции о дне отправки. Сообщила Козловскому. Александр решил посоветоваться с отцом.

— Кто будет конвоировать отправляемых и время выхода их из лагеря? — спросил Николай Семенович.

— Отправка рано утром, чтобы родители городских не увязались провожать. А конвой — полицаи, значит, и сын твой.

— Не горячись, Саша. Это как раз и хорошо, что не гитлеровцы, а полицаи будут в конвое. И сын мой тоже.

— Что ж тут хорошего, отец?

— А то, что в вашей казарме в ночь перед отправкой не обойдется без пьянки. Утром конвоирам потребуется опохмелиться. А где они шнапс или самогон найдут так рано? Тут ты и объявишь: «Обнаружил, хлопцы, пять

бутылок, спрятал в пустом патронном ящике какой-то сукин сын». А пьяные конвоиры уже не конвоиры. Пусть разбегаются ребята и девчата, не мешкают. Только...

— Что «только»?

— Рисковать придется, сынок. Ночью с оружием конвоя повозиться следует...

Все так и получилось, как предполагали Козловские. После выхода из лагеря пьяные конвоиры держались кучей. Некоторые уселись на подводы с немудреными вещичками угоняемых в Германию. Зато усердный полцай Козловский бегал то с одной, то с другой стороны колонны.

— Шнель! Шнель! — раздавались его громкие повелительные окрики, но кое-кто слышал и другие слова, сказанные тихим шепотом: «За базарной площадью разбегайтесь. Винтовки конвоя испорчены».

Замысел подпольщиков удался. Большинство конвоируемых удалось скрыться. Исчез и ящик со списками угоняемых и другими документами. Об этом позаботилась Иванова, помогавшая лагерному начальству их оформлять. Сама Аня осталась вне подозрений. Вскоре она перешла работать в управление дорог. У подпольщиков появилась возможность взять под наблюдение основные шоссейные магистрали: Остров — Опочка — Невель (Ленинградское шоссе) и Остров — Каунас.

Ушел из полиции и Козловский, сославшись на болезнь матери. И почти сразу отправился вместе с Владимиром Алферовым в далекий путь — во Вторую бригаду ленин-

градских партизан. Александр дружил с Владимиром давно, знал о его рейде с тремя товарищами по деревням вокруг Острова. Более того, целую неделю укрывал Владимира у себя дома, когда гитлеровцы проводили обыски в поисках смельчака, нападавшего на их пособников в сельской местности. Однако в разговорах с приятелем Козловский хотя и говорил о делах подпольщиков, но о штабе подполья не рассказывал. Клава в свое время предупредила: «Алферов — парень отважный и честный, но у него свой круг знакомых. Их мы хорошо не знаем. Подождем полностью раскрываться».

Весной 1942 года начальник тылового района группы армий «Север» генерал Рокк отдал приказ подразделениям «Пропаганда компании» (своего рода роты пропаганды) поднять шум вокруг декларации Гитлера о земле. Она объявляла замену общинного землепользования индивидуальным. В многочисленных листовках, в плакатах-воззваниях, в газетах оккупационных властей этот акт расценивался как благодеяние фюрера русским крестьянам. В Пскове, Порхове, Поворжеве, Опочке в церквах священники (в большинстве своем из белогвардейского отребья, заранее подготовленные в Риге) отслужили благодарственные молебны во здравие Гитлера.

Оглашение декларации о земле в Острове было приурочено к религиозному празднику троица. После богослужения в храме на площади согнанным жителям был зачитан гитлеровский манифест. На следующий день в

фашистских газетенках «Островский вестник» и «За родину» появились отчеты под хлесткими заголовками «В возрождающемся Острове». Некто Петрович, захлебываясь от собачьей преданности к оккупантам, перестарался. Он писал: «...за рядами германских войск толпа островичан и соседних с городом крестьян...» Ничего не скажешь — хорош манифест, коль рядами войск пришлось отгородить благодетелей от «счастливых» обладателей земельных наделов.

Волостные старшины и старосты деревень, выполняя волю оккупантов, принуждали крестьян начать весенне-полевые работы. Тем, кто согласится работать, гитлеровцы обещали помочь машинами и сельскохозяйственным инвентарем. С этой целью в здании бывшей машинно-тракторной станции была организована ремонтная мастерская. Пришел заниматься туда и Иван Панфилов.

— Что умеешь делать? — спросил начальник мастерской пожилой немец из фольксдойч.

— Слесарь я, могу быть и сварщиком.

— Ты комсомол, — кольнул его недобрым взглядом немец.

— Все мы раньше кем-то были, — ответил спокойно Иван.

— Будешь слесарем. Старайся. За хорошую работу получишь паек.

— Благодарствую. Буду стараться, — пообещал Панфилов.

И он старался. В конце каждой недели сообщал Назаровой через Серебренникова, сколько тракторов, отремонтированных с его

помощью, не дойдут до места назначения. Знал технику Панфилов преотлично и умел оставить незамеченной такую неисправность, которая через некоторое время выводила машину из строя. Пайка Панфилов не получил и летом был уволен, как значилось в приказе, «за плохое знание методов ремонта».

В дни подготовки гитлеровцами второго штурма Ленинграда Остров был забит полевыми войсками. Действовать подпольщикам теперь приходилось в особо трудных условиях. Кроме охранной дивизии и тайной полевой полиции в городе обосновались контрразведывательная группа абвера и эмиссары зондерштаба Р («особый штаб Россия»). В их задачу входило выявлять подпольные антифашистские группы, советских разведчиков. Действовали они под маской сотрудников различных хозяйственных и культурных учреждений, пытались создать своего рода «пятую колонну» среди населения оккупированной территории.

Тыловой базой войск, сосредоточенных в Острове, стал на это время город Опочка. Туда прибыли дополнительные подразделения охранной дивизии и эмиссары зондерштаба Р. Представительство его находилось в Пскове.

Генерал Рокк приказал коменданту Острова Карлу Зассу: «...в городе должны быть идеальный порядок и спокойствие». Но спокойствия не было. Листовки, наклеенные поверх распоряжений гитлеровских властей, частые перебои в подаче электроэнергии в воинские части (дело рук Серебrenникова

и Судакова), порча средств связи (удалось даже вырезать кабель, подведенный к штабу охранной дивизии) убедительно свидетельствовали: есть сила, противодействующая оккупантам.

В городе между тем каждый день по вечерам в офицерском казино и ресторане играла музыка. Офицеры, ждавшие со дня на день отправки своих частей к Ленинграду, желали веселиться. Сотрудники ортекомендатуры, организуя им развлечения, с пог сбивались в поисках дам для танцев. Однажды Серебренников, вызванный для исправления повреждения световой проводки в ресторане, увидел, как веселятся господа офицеры. Рассказывая об этом, он с отвращением говорил Филипповой:

— Повидал заморских красавиц со свастикой на гимнастерках и платьях. Видел, как они демонстрировали свои бедра. Ну черт с ними, они — немки. Но и наших было несколько штук. Намазанные и под хмельком. Как можно так, Мила?

— И хуже бывает, Олежка. Ты ведь много книг прочитал. Мне Анастасия Ивановна говорила об этом на твоем дне рождения. Значит, должен знать, что в трудные времена всегда находились люди, насовавшие перед тяжелыми испытаниями. Вот и в нашем городе нашлось несколько девиц, не устоявших перед соблазном.

— Знать-то знаю, Мила, да никак не вяжется их прошлое с настоящим. Была там одна интересная девушка, держалась достойно, но танцевала охотно.

— Не знаешь, кто она?

— Говорил мой напарник — будто фольксдойч, не то Маргер, не то Байгер.

— А, Байгер, — улыбнулась Филиппова.

— Точно. А ты чего улыбаешься?

— Просто так. Подумала: не влюбился ли наш гордый Олег в фольксдойч Байгер.

— Да ну тебя, — смутился Серебренников...

Разведчицы Круглова и Бойкова попали в Остров без большого труда. У Зины на руках была справка о болезни и документ канцелярии воинской части о том, что она работала в Рессонах и ей разрешен проезд к родным в Остров в связи с болезнью. У Кругловой оставалась старая легенда. Брат Бойковой служил охранником в тюрьме. По настоянию отца он помог девушкам прописаться.

Получив паспорта, разведчицы устроились на работу: Бойкова — уборщицей в воинскую часть, Круглова — в бюро по найму рабочей силы. Зоя на другой день своего появления на службе охотно приняла приглашение на танцы от сотрудника ортскомендатуры. Под вечер следующего дня ее видели на улице в компании гитлеровских офицеров, шумно вывалившихся из казино. Она заразительно смеялась, сидя в автомобиле рядом с майором, приехавшим в Остров из штаба фронта. Даже переводчик военно-полевой комендатуры, рьяно исполнявший свои холуйские обязанности, не выдержал и завистливо бросил:

Ну и дока.

По роду службы Круглова вместе с начальством биржи труда (так в городе называли

бюро, где работала Зоя) выезжала в окрестные деревни. Там она собирала дополнительную разведывательную информацию. Но передать ее в Центр было исключительно трудно. Дом Бойковых стоял на низком месте. Приходилось выбрасывать антенну на крышу и поднимать на шест. Ночной эфир был наполнен радиосигналами. Времени на установление связи оставалось в обрез — патрули гитлеровцев пронизывали город вдоль и поперек. И все же удалось передать в Центр четыре радиограммы, содержащие данные о местонахождении крупных складов боеприпасов, о наличии в Острове до 20 тысяч солдат, о подразделениях дивизии «Бранденбург»¹, о количестве самолетов на главном аэродроме, номера частей и фамилии их командиров, отправленных в первую очередь к Луге.

Круглова, помня указание Злочевского, решила побыстрее встретиться с Филипповой. Мила в свою очередь, узнав от Серебренникова о появлении в Острове Байгер, жаждала этой встречи и... боялась ее. Однажды, за полночь, когда она, усталая, возвращалась с работы, ее окликнули из подъезда полуразрушенного дома:

— Фрейлейн Филиппова.

Мила машинально достала ночной пропуск. Потом, сообразив, что вряд ли патруль знает ее фамилию, опасливо подошла к подъезду. Там стояла Байгер. В тусклом свете луны

¹ Дивизия предназначалась для карательных акций. Основные ее части по плану операции «Северное сияние» должны были начать кровавый террор в Ленинграде.

лицо ее светилось, как тогда при первом знакомстве у вражеского аэродрома в перелеске. Байгер спросила:

— Узнаешь?

— Узнаю.

— Верила, что найду тебя.

— Да. Ты от наших? — бросила пробный камушек Мила.

— От своих, — поправила Круглова. — А ты чего так поздно?

— Раньше не отпускали. Комендант устроил проводы офицерам из дивизии «Бранденбург», — бросила второй камушек Мила.

— А мне это ни к чему, — спокойно ответила Круглова.

— А ты передай это нашим.

— Кому «нашим»?

— Ну, своим, — Мила не выдержала и горячо сказала: — Не надо так. Ты ведь...

— Фрейлейн Байгер, — не дала ей договорить Круглова и, взяв под руку, предложила: — Я тебя немножко провожу.

Минут пять молчали. Потом Мила спросила:

— Ты веришь мне?

— Да. Но больше об этом никому ни слова. Даже в портновской мастерской Семеновой. Встречаться нужно чаще. И на людях. Не избегай увеселительных вечеров, ведь их сейчас разрешили проводить. Так надежнее.

— Кому? — уже продолжая «игру», спросила Мила.

— Нашим! — Круглова обняла Филиппону, крепко поцеловала и быстро исчезла за углом дома.

В условиях особого режима начала осени 1942 года штаб подпольщиков собирался редко. Серебренников, Судаков, Митрофанов поодиночке приходили в портновскую мастерскую к Назаровой для передачи важной информации. Встретаться Клаве с Милой было легче. У подпольщиков накопилось много ценных разведданных, но они не могли их передать — не было рации, да и некуда было передавать. Связь с партизанами сложилась неустойчивая. Местность вокруг Острова на многие километры безлесная, и партизанам базироваться здесь было трудно. Посланной Ленинградским областным комитетом партии весной 1942 года в районе Острова партизанами не удалось установить контакт с Назаровой и ее товарищами. Клава с нетерпением ждала возвращения из партизанского края Александра Козловского и Владимира Алфёрова.

Как-то в разговоре Саша Митрофанов с горечью сказал Назаровой:

— Вот бьемся мы тут, как рыба об лед. Никто ни в армии, ни в Ленинграде не знает о делах наших. Обидно.

— Знают, — возразила Клава, — военнопленные, которых мы переправили к партизанам, рассказали про нас. Да и Козловский у них сейчас.

— И все же нужно послать за линию фронта наш отчет за год борьбы.

— Кому?

— Мы же отряд Красной Армии в тылу врага, как ты говорила, значит, командование армии, — ответил Саша.

Назарова передала разговор с Митрофановым Филипповой.

— Идея неплохая, — поддержала Мила предложение, — тем более что у нас скопилось много новых сведений. Можно послать также чистые бланки немецких документов, пригодятся для наших разведчиков. Попробуем?

— Попробуем, — согласилась Клава.

И вот впервые в 1942 году Назарова устроила «большой сбор». Пришли Филиппова, Серебренников, Судаков, Иванова, Митрофанов, Михайлов, Дмитриев, Панфилов. Окна наглухо зашторили. Разговаривали вполголоса. Предложение о письме всем понравилось. Судаков зачитал его текст, составленный им по поручению Клавы. То было письмо-донесение о делах подполья, письмо-клятва не уронить знамя борьбы. Минуты две ребята сидели молча. Потом зашпорили все разом: как переправить письмо через линию фронта.

— Знаю, каждый из вас согласится отправиться в опасный и далекий путь, — сказала Клава, — но пойдет тот, кто его уже преодолел успешно. А вот, кажется, и он.

Раздался условный стук в дверь, и в комнату вошел Козловский. Ребята бросились его обнимать. Клава с Милой стояли в стороне, улыбаясь. Они уже виделись с Сашей.

— Ты немножко опоздал, — обратилась к Козловскому Клава. — Скоро комендантский час. — Расскажи ребятам о главном, позже узнают о твоём походе подробнее.

— Добирались мы до партизан с трудом, —

начал свой рассказ Козловский. — карателей уж больно много близ партизанской зоны. Пришлось оружие в ход пускать. Партизаны в это время отражали крупную карательную экспедицию. Но самое важное известие, которое я вам принес, следующее: Красная Армия здорово фашистов бьет под Старой Руссой, Демянском. А Ленинград держится стойко. Зимой там было очень голодно, а сейчас стало полегче. Мои устные сведения о немцах в Острове пригодятся нашим. Мне об этом сказал начальник разведки партизанской бригады. Спасибо велел всем вам передать.

Клава встала:

— Спасибо и тебе, Сашок, за добрые вести. И готовься снова в путь-дорогу. Вот прочти это письмо. Его нужно доставить командованию Красной Армии с некоторыми документами.

— Да я хоть завтра пойду! — воскликнул горячо Козловский, быстро пробежав глазами текст письма. — Здорово придумали. Спасибо, ребята, за доверие. Оправдаю его.

— Не спиши, — Назарова бережно положила письмо в конверт. — Пойдешь через неделю. И не один. За линию фронта или к партизанам нужно переправить Еву Хайкину — дочь известного нам врача. Здесь ей грозит неминуемая гибель. И двух военнопленных — Овчинникова и Воронова. Они одному верному человеку говорили о большом желании вырваться из города.

— Ну, положим, они могли бы и раньше подумать об этом, — заметила Мила, — небось

не в лагере сидят, и надзор за ними не такой уж строгий — полупьяные полицаи. Михайлов, кажется, видел их. Что скажешь, Николай? Можно ли им верить?

— Не из боевых. Один столярничает, другой то ли сапожник, то ли парикмахер. Овчинников неразговорчивый. Воронов, напротив, язык за зубами некрепко держит.

— Значит, отправляем четверых, — подвела итог разговору Назарова, — а сейчас быстренько, поодиночке по домам. Встречаемся у Козловских в день отправки, все, кроме Милы, Олега, Ивана и Саши Митрофанова.

Накануне ухода Козловский попрощался с родителями. Они решили перебраться на время из Ногина в другую деревню к родственникам. Так для безопасности семьи настоял Александр. Надежда Дмитриевна горько плакала и все время повторяла:

— Храни тебя бог, сынок.

Николай Семенович подал сыну вчетверо сложенный лист кальки:

— Спрячь подальше. Это — труд последних дней, моя помощь Красной Армии — план Острова с точным нанесением всех укреплений и огневых точек.

— Как ты только сумел, папа! — восторженно воскликнул Александр.

— Я ведь все-таки строитель, сынок. А теперь мой тебе совет и просьба: если будут оставлять в армии — оставайся и воюй до победы, а вернешься, коль нас с матерью не застанешь в живых, береги брата и сестру. Мил Витяшка еще, а Маргарита к нашему делу душой прикипела — всякое может случиться.

Дом Козловских стоял на берегу Великой окнами и к реке и в сад. Зайти в него можно было незаметно. Ева Хайкина пришла в сумерках. Маргарита накормила ее и уложила спать. Подойдя к брату, который чистил наган, ласково сказала:

— Иди поспи хорошенько, а я посижу, на всякий случай покараулю.

— Спасибо, Маргарита, твоя правда, выспаться в дорогу надо. Не забудь утром проверить, на месте ли лодка. На ней в полдень перевезешь к нам Назарову. Я из дому выходить не буду.

— И Назарова с вами! Вот как хорошо, — лицо Маргариты расцвело в улыбке, — а я-то, дуреха, думала, что она забыла, кем раньше была.

— Думала-передумала. Смотри не проговоришься кому-либо. И Клаву перевези без всяких вопросов. Ясно?

— Ясно, товарищ командир! — шутливо отдала Маргарита честь брату.

В полдень на следующий день в Ногино почти одновременно пришли Овчинников и Воронов. Назарова с Судаковым наблюдали за ними с противоположного берега. Затем Клава села в лодку, Лева спрятался в кустах. Вскоре подошли Иванова, Дмитриев, Михайлов. Они решили проводить группу подальше за деревню. Назарова с Козловским уточнили маршрут. Клава рассказала ему, какие сведения о подполье следует передать за линию фронта, уточнили пароли, явку.

В поведении Овчинникова и Воронова чувствовалась какая-то неестественность.

Назарова подошла к окну, возле которого они сидели, чуть-чуть насмешливо спросила:

— О чем печальтесь наши воины? Чай к своим идете.

— Да, так просто, — тихо ответил Овчинников, — знамо, к своим.

— К своим-то своим, да фронт далече, — с надрывом заговорил Воронов, — куда ни кинься — везде немец! Голова не крыша, сорвет — не приставишь.

— Не берите такие мысли в дорогу. Все будет хорошо. Саша — надежный проводник, — сдержалась Клава и, обращаясь ко всем, предложила:

— Присядем по доброму русскому обычаю.

Посидели минуту молча. Пожав руки Козловскому, Овчинникову и Воронову, Клава обняла Хайкину и шепнула ей:

— Держись, девочка...

Более двух часов прождал Судаков Назарову. Едва лодка коснулась берега, Клава легко выпрыгнула из нее и тихо позвала:

— Лева.

— Здесь я, — отозвался Судаков.

— Пошли.

— Подожди. Клава, сейчас мы одни, и я давно хотел тебе сказать... Ты не представляешь... — Лева говорил сбивчиво, горячо, опустив голову, — что значишь для меня...

— Левушка, не надо, — девушка мягко коснулась ладонью его губ. — Прошу: не надо. Левушка, друг мой милый, подними голову, и пусть будет все по-прежнему. Нужно думать о главном в нашей жизни. Все остальное — борьбе помеха.

Он отвел руку Клары и горько промолвил:

— Пошли в город.

И все же, если бы юноша поднял голову и посмотрел в глаза любимой, он увидел бы в них ответное чувство.

Спустя несколько дней после ухода группы Козловского Круглова, встретившись с Филипповой, спросила:

— Слышала об исчезновении двух военнопленных из города. Твоих друзей работа?

— Моих. Двумя бойцами на фронте будет больше. Разве не так?

— Быть может, и так. Однако мои друзья о таких военнопленных имеют особое мнение. — Раз человека не отравили в концлагерь или на работу в Германию, а расконвоировали, значит, он чем-то угодил фашистам или понадобился по какой-либо причине, пока неизвестной.

— Нельзя так строго, Зоя. А если он врач, как тогда? Кто-то ведь должен лечить наших больных, раненых.

— А разве те двое, кому вы помогли уйти, — медицинские работники? Нет. Когда твои товарищи, Мила, отправляли в лес военнопленных из-за колючей проволоки, из больницы — большое дело делали. А сейчас... Ну да что говорить, сделанного не переделаешь. Давно хотела спросить тебя — что за человек Нина Бережито? Некоторые твои друзья близко знакомы с нею.

— Нина появилась в городе с потоком беженцев. Рассказывала о гибели родителей в дороге. Жили они не то в Латвии, не то в Литве. Работает в немецкой воинской части.

Пользуется большим расположением одного из адъютантов командира. Но думается мне, — Филишова лукаво посмотрела на Круглову, — Нина такая же беженка, как ты фрейлен Байгер. Хочешь познакомиться?

— Пока нет. Однако заболтались мы с тобой, пора по домам. Вот возьми, — Зоя протянула Миле большую коробку, — побалуй дочку сладеньким. А под конфетами найдешь ленинградскую газету от 18 октября и свежую сводку Совинформбюро. Прочти и расскажи, кому следует. Газету уничтожь. Тяжелые бои идут сейчас на Волге. Но защитники Сталинграда клянутся не пропустить врага, стоять насмерть, как ленинградцы.

— Спасибо, Зоя. В праздник Октября давай встретимся, хоть на волчасенка.

— Постараюсь, Мила...

Встретиться Филишовой и Кругловой не удалось. Утром 6 ноября 1942 года неожиданно была арестована Назарова. Первым узнал об этом Серебренников и, несмотря на запрет приходить к Филишовой в столовую, прибежал туда. Мила по его лицу поняла: случилось что-то страшное.

— Взяли Клаву, — вымолвил, отдышавшись, Олег, — что будем делать?

— Нужно предупредить Леву, Сашу, Нечасва. Пусть исчезнут на время из дома. Сделаю это Олег, немедленно. А я попытаюсь связаться с Аней. Она передаст Косте и Николаю наше решение.

Хорошо, Мила.

Не успел уйти Серебренников, как в столовую буквально ворвался Судаков. Возбужденно заговорил:

— Мила, надо спасать Клаву! Ее увезли жандармы в машине.

— Остынь, Лева, надо спасать прежде всего организацию,— твердо сказала Филиппова.— Только так и поступила бы на нашем месте Клава. Домой сегодня не приходи. Что будем делать, скажу завтра, если не арестуют и меня. А теперь иди!

Филиппова дождалась, когда шеф-повара вызвали к начальству, и позвонила в хозяйственную часть полиции, куда в последнее время перешла работать Аня. В ответ на просьбу позвать к телефону Иванову услышала шепот:

— Не звоните сюда больше. Ее увезли жандармы.

В полдень были арестованы Дмитриев, Михайлов, Надежда Дмитриевна Козловская. Николая Семеновича задержали на базаре двое агентов ГФП в штатском. В тюрьму была брошена и мать Клавы. Прошло трое суток, но новых арестов не последовало.

Почему взяли одних, а других не тронули? Этот вопрос задавал себе каждый из оставшихся на свободе. Первым ответил на него Судаков. Арестовали тех, кто присутствовал при отправке группы Козловского в советский тыл. Что же тогда случилось с группой? Обстановку несколько прояснила записка Кругловой, переданная через надежных лиц Филипповой. В ней была одна лишь фраза: «В тюрьму привезли ночью В. и О.». Брат Зины Бойковой проболтался об этом дома за ужином.

...Козловский, не раз ходивший на связь

с партизанами и за линию фронта, вел группу уверенно. Шли ночью лесными тропами, пробирались сквозь кустарник у больших дорог. Днем отсыпались в ельнике. Александр осторожно разведывал обстановку. В деревне заходили изредка, хотя Воронов и Овчинников настаивали на отдыхе в избах. Козловский помнил наказ отца: «Вы не местные партизаны, группа маленькая, в деревне может случиться и непредвиденное».

Под Демянском, ближе к фронту, стали чаще попадаться у дорог черные пятнышки — нецелища деревень, уничтоженных карателями. Уже была слышна далекая артиллерийская канонада, когда группа нарвалась на засаду. Дежурным был Саша, остальные снали. Он первым услышал голоса людей, окружавших место их дневки в небольшой роще. Уходить было бесполезно. Козловский разбудил Овчинникова, Воронова и Хайкину. Приказал:

— Открываем огонь по поляне, а потом бегом, отстреливаясь, по ее кромке из рощи к лесу.

Укрывшись за ветвями молодой елки, Саша выстрелил несколько раз по мелькнувшим в кустах фигурам. В ответ раздалась автоматная очередь. И шорох шагов впереди и слева.

— Стреляйте, стреляйте! — зло крикнул Козловский в сторону, где затаились Воронов и Овчинников.

И опять автоматная очередь. И шаги. Теперь уже и справа. «Хотят взять живьем», — мелькнуло в голове. Саша подбежал к кусту, где спряталась Хайкина.

Девушка лежала неподвижно. В руке раздавленная ампула. В стороне, где находились Овчинников и Воронов, послышалась возня, кто-то вскрикнул. У Саши мелькнула мысль: «Наверное, попали снова в плен, трусы несчастные». Бросился опять к молодой ели. Выстрелил. Лихорадочно выхватил из кармана ватника пакет (в нем находились письмо-донесение и план отца), разорвал его. А гитлеровцы уже рядом. Идут трое в полный рост. Чувствуют — нет больше патронов у партизан. Прижался Саша к елочке. Приобнял левой рукой, будто сказать хотел: «Не сердись, что боль причиню», правой гранату к груди прижал и выдернул чеку... Огненным вихрем встретила карателей лесная красавица, не дала притронуться к доверившемуся ей юноше богатырю...

На допросе в штабе карателей Воронов (об этом стало известно позже из единственной записки, переданной Николаем Семеновичем Козловским на волю) рассказал, кто они, куда шли, выдал всех, провожавших их из Ногина. Овчинников сначала отмалчивался, но после допроса с применением резиновых дубинок подтвердил многое из показаний Воронова. Командир карательного отряда по телеграфу сообщил коменданту Острова фамилии подпольщиков. Зассе приказал начальнику отделения ГФП произвести немедленно аресты и обыски.

Обыски ничего не дали. Склад оружия ищeyки из ГФП не обнаружили. Первые допросы не принесли гитлеровцам желаемых результатов. Арестованные молчали.

Полковник Зассе остался недоволен докладом начальника ГФП.

— Вы, Мейер,— приказал он одному из своих приближенных,— помогите тушицам из тайной полиции. Все арестованные за связь с бандитами-партизанами, за помощь военнопленным, как и сами эти негодяи, не оценившие милости, подлежат смертной казни. Но пока с ней подождем. Применение сильных мер физического воздействия и посулы разного характера заставят их говорить, и мы сможем получить нити, которые приведут к другим врагам рейха. В помощь себе возьмите Лантревца. Он, как переводчик, хорошо умеет ласковым тоном убеждать и отлично прижигать,— гаденькая улыбка расплзлась по лицу Зассе,— сигаретой девичьи груди.

Комендант. Помощник. Переводчик. Троица, достойная друг друга. Зассе, хоть и кадровый военный, в прошлом служил в полиции. Прибыв на фронт в 1942 году, стажировался как палач на Украине. Пролил там немало крови невинных людей. Начальник отделения лейтенант Бено Мейер был сначала переводчиком фельдкомендатуры. Участвовал в допросах двухсот советских граждан с применением пыток. Став помощником Зассе, получил в подчинение три ортскомендатуры: славковскую, сошихинскую, налкинскую. По его приказу из этих районов в Германию отправлялась вся молодежь, начиная с четырнадцатилетнего возраста.

Зондерфюрер Александр Лантревц родил-

ся и вырос в России. Учился в Петербургском университете, окончил военное училище. Минули годы, и подпоручик Лантревич стал истязателем на допросах и вешателем. В октябре 1942 года в совхозе «Городище» он казнил подростка Колю Ершова — сына командира Красной Армии — за распространение нелегальных листовок.

Почти месяц заплечных дел мастера истязали подпольщиков. Целыми днями простаивали у тюремной стены родственники Ивановой, Дмитриева, Михайлова, Козловских, пытаюсь узнать что-либо о своих близких. Свиданий не разрешали. Передач не принимали.

Неожиданно выпустили мать Клавды Назаровой. Была ли это провокация с целью выследить, с кем она свяжется, или демагогический трюк: дескать, германское командование не карает тех, кто не причастен к побегу военнопленных, — однозначно ответить нельзя. Скорее и то и другое. Но Филиппова и Круглова поняли, что пытки не сломили узников, имена товарищей по подполью они не назвали. Мила предупредила Митрофанова, Серебренникова, Судакова и Нечаева с Евдокией Федоровной Назаровой пока не встречаться, помощь оказывать через людей, не связанных с организацией.

Вторая половина ноября принесла полковнику Зассе много дополнительных хлопот. Переход в наступление русских на Волге вызвал значительный отлив частей вермахта из-под Ленинграда (первым оттуда убрался штаб Манштейна), многие из них двигались

через Остров. Обострилась обстановка и на стыке групп армий «Север» и «Центр» — под Великими Луками. И все же Зассе нашел время для личного допроса Клавы Назаровой и Николая Семеновича Козловского. Предварительно он дотошно расспросил Дембского об их довоенной жизни. Чтобы сломить упорное молчание Назаровой, начальник тюрьмы получил приказ разрешить ей минутное свидание с матерью.

Вид истерзанной, почерневшей лицом дочери острой болью пронзил сердце Евдокии Федоровны.

— Что они сделали с тобой, Клашенька! — охнула она и зарыдала.

— Свидание окончено, — объявил пьяный надзиратель. — Погляделись, и будя.

— Держись, мамочка. Спасибо за все! — крикнула Клава, вырываясь из рук двух дюжих охранников.

После свидания с матерью Клаву сразу же отвезли в комендатуру и ввели в кабинет Зассе.

— Садитесь, — предложил ей полковник. — И разрешил вам свидание с матерью. Мне стало жаль старушку. Пожалейте ее и вы. Да садитесь же (Клава продолжала стоять), мы, немцы, — народ культурный.

И эти палачи тоже? — кивнула головой Назарова в сторону стоявших у стола Мейера, Лантревца.

Последний скривился. Зассе заметил это и приказал:

— Переведите, Лантревца, точно. — Усманов перевод, мягко сказал, обращаясь к

Клаве: — Очевидно, люди из полиции вас мучили излишне, но...

— Излишне нельзя, — перебила коменданта Клава, — а просто мучить позволительно?

— Не перебивайте меня, Назарова! — в голосе Зассе послышалась злая досада. — Еще раз повторяю: пожалейте мать и себя. Ведь семья ваша была добропорядочной, отец пострадал от Советов.

— Не смейте трогать моего отца! — не выдержав, крикнула Клава. — Он был предан Советской власти!

— Я понимаю, — продолжал Зассе, — ваши увлечения общественными делами — потребность юности. Такой грех мы легко прощаем. Простим и за Воронова, Овчинникова и других, но вы должны, Назарова...

— Ничего я вам не должна! — не дала Клава договорить полковнику. — Не продолжайте дальше. То, чего добиваются от меня на допросах, я не знаю. А если бы и знала, то не сказала бы никогда!

— Гадкий змееныш! — Лицо Зассе побледнело. — Мейер, займитесь этой девкой сейчас же! Уберите ее отсюда!

Снова пытки, муки,
Снова пальцев хруст.
И опять ни звука
Из девичьих уст¹.

Николая Семеновича Козловского Зассе встретил целой тирадой:

— Ты, Козловский, есть старый вояка.

¹ Из поэмы Н. Щербакова «Слово о Клаве Назаровой».

Мы знаем, что ты был красный солдат. То было давно, и вы, русские, воевали между собой — красные, зеленые, белые. Я закрываю на это глаза. Но сейчас ты пошел против великой Германии. Тебе надлежит принять пулю — пуля по-вашему. Но добрый друг твой — господин Дембский говорил, что ты прилежный крестьянин, добросовестный строитель и виноват лишь в том, что стал помогать непутевому сыну. Он сейчас у нас, был ранен, его лечат немецкие врачи. Если хочешь, чтобы сын был жив, если хочешь работать на собственной земле, дарованной вам фюрером, скажи, кто научил сына идти за линию фронта, где прячется этот человек.

Зассе говорил выспренно, делая плавные жесты руками в такт словам, явно любуясь собою. Козловский стоял молча, наклонив голову, а когда Зассе окончил свою речь, выпрямился и твердо ответил:

— Зря ты, господин комендант, языком чесал. Дембский не мой друг, а мерзавец и твой холуй. Землю же нам дала Советская власть, а не твой паршивый фюрер. — При этих словах Зассе подскочил к Козловскому и ударил его массивным пресс-папье по голове. Николай Семенович качнулся, но удержался на ногах, вытер рукой кровь с разбитого лица, глубоким, сильным голосом продолжал: — Это твои выкормыши — упыри и ублюдки, а мой Сашок был настоящим человеком и погиб геройски. Это я его научил бить вас, гитлеровских недоносков!..

С того часа Козловского истязали ежедневно...

12 декабря 1942 года подпольщиков казнили.

О последнем часе руководителя островского молодежно-комсомольского подполья сохранилось несколько версий. Сошлемся на наиболее достоверную. Очевидец казни Клавдии Назаровой Виктор Иванович Федоров, подполковник запаса, проживающий ныне в Ленинграде, свидетельствует:

«День тот был морозный. Мы, несколько подростков лет тринадцати — пятнадцати, мостили булыжником мостовую вблизи площади. На ней стояла свежевытесанная виселица. Кого казнить будут, никто не знал. Перед этим на днях фашисты казнили двух партизан. Неожиданно на площади появилось много гитлеровцев в касках и с бляхами на груди. Они погнали нас и всех, кто был на базаре, к виселице. Сразу же к ней подъехала крытая грузовая машина. В девушке, на которую набрасывали петлю, я узнал нашу пионервожатую Клашу Назарову. Она рванулась из кузова, что-то говоря. Хорошо слышал слова «город», «прощай». Палач ударил Клаву, но она еще успела крикнуть: «Красная Армия придет!» Все мы стояли как окаменелые...»

Мужественно приняла смерть и боевая подруга Назаровой — Аня Иванова. До последней минуты девушки держались за руки. Крикнуть прощальное слово Ане не удалось — ледяная петля захлестнула шею.

Немного поодаль от толпы, согнанной на казнь, стояла хорошо одетая девушка. Лицо ее было закрыто мягким пуховым платком.

Когда в морозном воздухе прозвучали последние слова Клары, девушка на какой-то миг спикла, но, услышав за собой шаги, мгновенно выпрямилась.

— Любуешься, красотка? Со всеми вами так будет. — Говоривший был навеселе, он нахально оглядел собеседницу с головы до ног.

— Со мной такого не случится, господин обер-лейтенант, — по-немецки ответила девушка.

— О, прошу прощения, фрейлейн...

— Фрейлейн Байгер, — с достоинством добавила незнакомка. Скинув платок с головы, она снисходительно посмотрела на загулявшего обера. — Сразу видно, что вы проезжий. То-то я вас не встречала у нас в комендатуре.

— Опять эта Байгер офицерику подхватила, — с неприязнью заметила стоявшая неподалеку пожилая женщина. — И в такой день... И впрямь: рыбак рыбака видит изда-лека.

Не успели люди разойтись с места казни, как по площади к цепному мосту двинулась устрашающая процессия. Так распорядился полковник Зассе. Под усиленным конвоем на санях везли связанных родителей Саши Козловского, Костю Дмитриева и Николая Михайлова. Белые лошади, конвоиры в белом, впереди палач в саване с петлей в руке. Шархались в сторону люди. Кто посмелее, останавливались, снимали шапки. В Острове многие знали и уважали Николая Семеновича Козловского.

Миновав ценной мост, процессия направилась за город по полевой дороге к берегу Великой... Ногино. Полицай, идущий рядом с санями, на которых восседал офицер-гестаповец, сделал знак. Все остановились у дома Козловских. В окне мелькнуло испуганное лицо Маргариты. Девушка выбежала во двор в одном платье, бросилась к саням:

— Папка!

— Швайген! — грубо оттолкнул Маргариту в снег солдат-конвоир.

В сани к Надежде Дмитриевне прыгнул десятилетний Вова Яковлев, ее крестный сын. Он давно бежал сбоку:

— Крестная, вставай, я тебя спрячу!

Удар приклада вышиб мальчонку из саней. На слегах недостроенного сарая палач ловко прикрепил петли. Первой повесили потерявшую сознание Надежду Дмитриевну. Когда надевали петлю на связанного Николая Семеновича, фельдфебель — старший конвоя подошел с фотоаппаратом вплотную, чтобы получше снять момент казни.

— Получай, паскуда! — крикнул Козловский и ударил гитлеровца ногой в челюсть.

Снимок у фельдфебеля не получился — пришлось выплевывать выбитые зубы... Процессия двинулась в деревню Радобжа.

Николаю Михайлову и Константину Дмитриеву перед смертью была уготована еще одна пытка. Их заставили смотреть на казнь Назаровой, Ивановой и Козловских. Вдруг дрогнут — попросят пощады, расскажут, цепляясь за жизнь, то, что не выдали их това-

рищи. Но радобжинские комсомольцы произнесли лишь по два слова перед смертью:

— Прощай, Коля!

— Прощай, Костя!

Весь вечер 12 ноября в Острове падал снег. Ночью в лунном свете, окутавшем площадь, снежинки на телах повешенных искрились каким-то фосфорическим светом. Солдаты, охранявшие виселицу, боялись приблизиться к ней, вздрагивали при каждом шорохе и повторяли: «Гот мит унс» («Бог с нами»).

Не спали в эту ночь и члены подпольного штаба. Они понимали, что бессильны были что-либо сделать для спасения товарищей. Не находил себе покоя Лева Судачков:

— Я должен был быть рядом с Клавой. Крикнуть ей ободряющее слово. Наконец, застрелить палача.

— И Клаву не спас бы и себя погубил, да и нас тоже. Нет, Лева, — убеждала его Мила Филиппова. — так нельзя. Лучшая память о погибших наших товарищах — это продолжать общее дело, помнить всегда и везде, что мы — отряд Красной Армии, действующий в тылу врага. Действующий, Лева! Сегодня, завтра, послезавтра, до победы.

Не спала в своей комнатке Зоя Круглова. При свете керосиновой лампы она писала. Как удивилась бы женщина, так плохо отозвавшаяся о Байгер утром на площади, если бы увидела эти записи! Зоя зашифровала для передачи советскому командованию важные сведения о передвижении танковых

войск. Их она почерпнула из документов, находящихся в сумке загулявшего обер-лейтенанта, которого вечером проводила к поезду.

С помощью предателей враг нанес подполью Острова большой урон. Однако в допесении в штаб группы войск эту «удачу» начальник ГФП приписывал только себе: аресты Назаровой и ее помощников объяснялись упорной ревностной работой сотрудников полиции. И хотя в приказе, подписанном полковником Зассе, говорилось, что подпольщиков казнили «за связь с партизанами и помощь пленным красноармейцам», все они были объявлены «агентами коммунистических разведок».

Спустя три дня после похорон Назаровой начальник ГФП, войдя утром в свой кабинет, затрясся от гнева. На своем письменном столе он увидел рукописную листовку. Она начиналась словами: «Немецко-фашистские войска терпят поражение под Сталинградом...» А еще через два дня вблизи станции Остров в товарные вагоны с боеприпасами врезался пассажирский поезд, в котором находились гитлеровцы, отирававшиеся на отдых. Были жертвы. В адрес военного коменданта полетели грозные денеси из штаба охранных войск. Полковник Зассе был вне себя от гнева.

Казнив Назарову, Козловских, Иванову, Михайлова и Дмитриева, абверовцы и жандармы ГФП считали, что ликвидировали ядро подполья и им остается лишь взять тех, кто был тем или иным образом связан с его

участниками. Предусмотрительность руководителя подпольщиков, не разрешившего членам штаба провожать группу Козловского, спутала их карты.

Гибель товарищей не сломила волю молодых патриотов. Работать становилось все опаснее и опаснее, но подпольщики Острова продолжали борьбу.

Алла (слева) и Анфиса Шубины

Раиса Гаврилова

В поединке с «Пантерой»

*И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу...*

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Наступал 1943 год. В борьбе и тревоге встречали его советские люди. Их окрыляло надеждой огненное слово — Сталинград. Легендарный город уже подводил итоги одержанной победы: 6 недель непрерывного

В. П. Ерова

Оганес Васильян

наступления, 36 разгромленных дивизий врага, 1589 населенных пунктов, очищенных от фашистской нечисти. События на Волге не могли не сказаться на положении защитников Ленинграда. Противостоящие им силы противника стали слабее. Командующему группой армий «Север» Кюхлеру пришлось вернуть дивизии, данные ему для участия в операции «Северное сияние».

Нес 1943 год большую радость и ленинградцам, но о ней в канун нового года знал лишь ограниченный круг лиц в обкоме ВКП(б), в штабах Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов. 28 декабря 1942 года в Смольном была получена телеграмма: «Ставка Верховного Главнокомандования утвердила ваше предложение о сроках готовности и начала операции «Искра». Речь шла о крупном наступлении войск двух фронтов с участием артиллерии и авиации Краснознаменного Балтийского флота с целью деблокады Ленинграда. Планировалась она на середину января 1943 года.

А в двухстах километрах от Острова шел ожесточенный бой на улицах Великих Лук. Советские войска завершали борьбу за плацдарм, разрекламированный ведомством Геббельса как «западный редут фюрера». Плацдарм имел теперь не только оперативное, но и стратегическое значение. Активные действия наших войск, как вспоминает Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, «должны были дезориентировать противника, создать впечатление, что именно здесь, а не где-либо в другом месте мы готовим зимнюю опера-

цию»¹. Замысел удался. Гитлеровское командование начало стягивать к берегам Ловати крупные силы. Танковая, моторизованная и пехотная дивизии были переброшены сюда из-под Ленинграда по приказу ставки Гитлера. Фюрер обещал новому начальнику гарнизона фон Зассу (бывший начальник генерал Шерер покинул берега Ловати) в случае успеха назвать древний город его именем. Гарнизон сопротивлялся упрямно, но деблокировать Великолукский плацдарм гитлеровцам не удалось. К 1 января оставалось лишь два очага вражеского сопротивления: сильно укрепленная старинная крепость и железнодорожный узел. Но они вскоре были ликвидированы. К 20 января 1943 года Великолукская операция была завершена. В приказе Верховного Главнокомандующего она была названа в ряду важных событий на рубеже 1942—1943 годов.

В связи с боями в районе Великих Лук фашистские гарнизоны в Острове и Опочке значительно поредели. Из Острова к Великим Лукам было направлено несколько танковых частей, однако это обстоятельство не помешало оставшимся в городе офицерам веселиться в новогоднюю ночь. В казино и ресторане гремела музыка, звенели бокалы, пенилось шампанское.

За час до полуночи Филиппову по ее просьбе сменила панарница. У Милы была больная дочь. Отказавшись от приглашения двух фельдфебелей из ортскомендатуры поужи-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 1983, т. 2, с. 291.

нать с ними, она поспешила домой. Обычно ворчливая бабушка встретила ее приветливо:

— Намайлась, голубушка, поешь да выспись хорошенько под новый год-то. С днем рождения тебя.

— Спасибо, бабуля. Как Инночка себя чувствует?

— Полегче ей стало. Все возилась с игрушками, что твоя знакомая немка принесла.

— Зоя?

— Она самая. Уж так она Инночку ласкала, так баякала, что я, дура старая, всплакнула даже. Ишь как бывает: немка ведь, а добрая душа.

— Так она, бабуля, лишь наполовину немка, — улыбнулась Мила и чуть потише добавила: — А на четыре четверти русская, да еще какая!

Уснуť Людмила не смогла. Разве можно заснуть в новогоднюю ночь, да еще накануне дня рождения — 1 января ей исполнилось 22 года! Она долго лежала с закрытыми глазами, пытаясь отогнать невеселые думы.

Скинув старенькое одеяло, встала. Подошла к окну. На улице пустынно, тихо, огня нет. Вспомнилось... Четыре года назад, в канун 1939-го, на улицах Острова кружила метель. В самую полночь они с Клавой Назаровой танцевали в клубе матлет. Это был их «коронный номер» еще со школьной скамьи. В бескозырках, в матросских блузах с широкими синими воротниками они плавно и легко скользили по залу. Им долго аплодировали.

Клаша! Подружка родная! Как живая, стояла она перед глазами... Ее лицо с озорны

ми черными глазами, с улыбкой, в ответ на которую нельзя было не улыбнуться.

Особенно сейчас Миле было горько вспоминать довоенное мирное время. Но от воспоминаний на душе становилось спокойнее... Вот от здания райсовета Осоавиахима отъезжает конная группа. На гнедом коне Клаша, рядом Спичка — закадычная подружка Милы Катюша Спирина, Вера Алексеева и она — Людмила Филишова. Сегодня конно-спортивные состязания. Участвуют бойцы воинской части и члены кружка «ворошиловские всадницы». Сколько было радости, как гудел стадион, когда они стали призерами! Зачастили потом в их школу кавалеристы. Бывал в ней и сам командир полка, чем-то похожий на Тараса Бульбу, в годы гражданской войны буденовец. Зачарованно слушали его рассказы и молодые красноармейцы, и учащиеся школы... А как любили девчата, собравшись вместе, петь русские народные песни и романсы, и особенно Клавину любимую — «Орленок».

И снова невеселые мысли о завтрашнем дне оттеснили светлые воспоминания. На кого опереться сейчас? Что следует сделать в первую очередь для комсомольского подполья? Это должна подсказать Зоя. Обязательно нужно с нею встретиться... С этим решением Мила забылась в коротком предутреннем сне.

Но встретиться с Зоей Филипповой удалось не сразу. Круглову послали в командировку. Когда она вернулась, Зина Бойкова рассказала ей о двух странных случаях. На днях в

комнату, которую она убирала, неожиданно вошел незнакомый пожилой капитан и попросил включить радиоприемник, настроив его на волну Москвы. Зина ответила, что не умеет этого делать. Капитан усмехнулся и сказал: «Неужели, а мне говорили, что вы частенько им пользуетесь. Сегодня как раз ожидается интересная передача русских. Давайте я включу, послушаем вместе». Зина поблагодарила и, отказавшись, ушла.

Второй случай был связан с вызовом Бойковой в городскую полицию. Два ее сотрудника довольно вежливо расспрашивали Зину о ее довоенной подруге, жительнице Острова, Вере Михайловой. Ничего особенного в этом могло и не быть, если бы Михайлова не являлась радиеткой одной из разведгрупп. Бойкова вместе с нею проходила тщательную подготовку.

Когда обо всем этом Бойкова рассказала Зое Кругловой, та расценила случай с радиоприемником как примитивную провокацию. А вот вызов Бойковой в полицию насторожил. Очевидно, какие-то сведения попали в руки вражеской контрразведки, и она через городскую полицию бросила «пробный шар».

Поразило Зою другое, то, в чем не сразу призналась ей Бойкова. Вернувшись домой после разговора со следователем полиции, она попросила отца бросить ночью рацию в реку. Правда, питание почти кончилось, и все же это был проступок: Зина струсила.

— Ты почему молчишь, Зоя? — тоскливо спросила Бойкова после признания.

— Почему молчу? — нахмурилась Кругло-

ва, — ведь так недалеко докатиться и до предательства.

— Зоя, да как ты такое могла сказать! — возмутилась Бойкова. — Я никогда не нарушу присяги!

— Ты уже сделала первый шаг к этому, — холодно ответила Круглова. — То, что я скажу тебе сейчас, воспринимай как приказ: никаких контактов с нашими помощниками, ограничишься службой и домашними делами. Если тебя арестуют, вторую нашу легенду без моего сигнала не раскрывай.

Тревога Кругловой усилилась после увеселительного вечера на второй день после возвращения из командировки. Ее пригласили, как ей показалось, с определенной целью. Среди мужчин-гостей было только трое русских. Одного из них хозяйка сразу же познакомила с Зоей.

— Борис Врангель — наш продовольственный бог, представитель торгового общества по снабжению германской армии.

— Врангель?! — удивленно переспросила Круглова.

— Врангель, — щелкнул каблуками и осклабился «продовольственный бог», — фрейлейн, услышав мою фамилию, наверное, вспомнила песню «Белая армия, черный барон». Так я не из тех Врангелей. Мой дальний родственник был мореплавателем и ученым. Его именем назван остров в Ледовитом океане.

— В комсомоле не состояла. Песни пела более веселые, чем про вашего однофамильца, — прервала речь Врангеля Зоя, — геогра-

фию в школе учила неважно, но про Остров слышала. Зато хорошо осведомлена в танцах.

— Прекрасно, фрейлейн, прошу: бокал вина и танго.

Весь вечер Врангель старательно ухаживал за Зоей, вел непринужденный разговор, щедро подливал вино в бокал. Провожая Зою домой, болтал без умолку, задавал вопрос за вопросом — дескать, в городе недавно, хочет поскорее освоиться, в меру поругивал немцев. Как бы невзначай сказал, что бывал в Кингисеппе, познакомился там с интересными людьми.

— И у нас здесь много достойных людей, — Зоя перевела разговор на другое (по легенде, ее родители в первой половине тридцатых годов жили в Кингисеппе), — я хоть сама недавно перекочевала сюда, но могу познакомить вас, Борис, с милыми женщинами.

— Зачем они мне, когда есть вы. Надеюсь, разрешите поближе узнать фрейлейн Байгер.

— Узнать поближе? — засмеялась Зоя. — Ну что ж, разрешу, если будете таким же рыцарем, как ваш дед...

— Мореплаватель Врангель, — быстро добавил Борис.

— «Мореплаватель», — повторила Зоя, и вдруг у нее непроизвольно вырвалось: — А говорите вы с чуть заметным акцентом.

Врангель сразу надулся и сухо ответил:

— Вы очень наблюдательны, фрейлейн. В жилах моих течет и русская и шведская кровь.

— Прекрасное сочетание, — смягчила свой тон Круглова. — А теперь добрых вам сновиде-

дений. Спасибо за хороший вечер. Вот и мой дом.

Врангель попытался обнять девушку, но она отвела его руки:

— В другой раз. Будьте рыцарем, Врангель.

«Подсадная утка», — решила Зоя, проанализировав поведение и разговоры своего кавалера. И она не ошиблась. Борис Врангель был одним из сотрудников зондерштаба Р. Птица хищная, хотя и некрупная.

В части родословной Врангель, естественно, соврал. Отец его был помещиком в Петроградской губернии, а дядя — тем самым «черным бароном» Врангелем — лютым врагом молодой Советской республики. Племянник же белого адмирала всего-навсего служил платным агентом в ведомстве Розенберга, а затем абвера¹.

Начальник отделения абвера в Острове в конце января 1943 года получил точные данные: немка Зоя Байгер, бывшая на хорошем счету в комендатуре, посетительница многих увеселительных вечеров гитлеровских офицеров, — советская разведчица Круглова. 8 февраля Круглову и Бойкову арестовали. За час до ареста Людмила Филиппова увидела, как Зоя дважды прошлась у здания столовой. Выбежала навстречу, но услышала строгое:

— Не подходи. За мной, кажется, следят.

¹ В конце войны Борис Врангель — помощник резидента зондерштаба Р бежал вместе с гитлеровскими войсками, но застрял в Курляндии. Был опознан и арестован.

Холодно ответив на приветствие, скороговоркой прошептала:

— Действуйте смелее. Главное теперь — разведка и информация. Запомни, придет женщина и скажет: меня зовут Аня. Это пароль.

Зою Круглову посадили в городскую тюрьму. На первом допросе ее не били и даже не кричали на нее. Следователь заявил, что уважает разведчицу за смелость, обещал жизнь взамен некоторых сведений о разведотделе штаба Северо-Западного фронта.

— Будьте сговорчивее, Круглова, нам все известно, — убеждал он.

Глядя в его холодные, колючие глаза, Зоя спокойно отвечала:

— Нам не о чем сговариваться, господин лейтенант, я ни в чем не виновата. Вы путаете, я не Круглова, а Байгер.

Несколько дней продолжался поединок. Девушка все отрицала. Сдали нервы у кровавых дел мастера. На одном из допросов он с криком: «Ты у меня заговоришь, русская девка!» — зверем набросился на Зою. Бил чем попало. Она потеряла сознание. Когда очнулась, увидела над собой похожего на стервятника гестаповца.

— Ну а теперь скажешь, кто же ты?

— Зоя Байгер, я же вам говорила. Байгер! — тихо ответила девушка. Глаза ее сухо блестели. В них было столько ненависти, что следователь не выдержал и крикнул:

— В камеру!

Следующий допрос вел капитан, приходивший «слушать радио» в комнату, которую

убирала Бойкова. Был он, как и многие другие контрразведчики адмирала Канариса, дотошным в доказательствах, любил щегольнуть загадочными названиями, но главную мысль свою на допросе высказывал сразу, «рубил сплеча».

— Вот тут я должен по долгу службы возиться с вами, — снисходительно говорил он Кругловой. — А в это время мои коллеги участвуют в операции «Зимнее волшебство» против лесных бандитов-партизан. Я рвусь в леса Белоруссии, а вынужден вести допрос. Он утомляет и вас и меня. Пойдемте же друг другу навстречу, не ускоряйте своим упрямством такое печальное событие, как смерть. Нам известно, что ваша группа вылетела с прифронтового аэродрома, готовил группу к отправке пожилой капитан Смирнов, радистка Бойкова обучалась вместе с Верой Михайловой, Анной Коковцевой... Мы знаем даже такую деталь: Бойкова в ожидании посадки тренировалась в стрельбе из пистолета, в небольшой сук стреляла. И вы, Круглова-Байгер, знали об этом не хуже меня. Ну так как, убедил я вас, что нам очень многое известно?

— Разрешите подумать, господин капитан.

— Вот это другое дело. Я всегда говорил, что перед такими, как вы, нужно ставить чистокोल доказательств, а не действовать кувалдой, — самодовольно изрек следователь и вызвал конвойного.

Разведчица пришла к выводу, что их группу выдал кто-то из находившихся на аэродроме (эта догадка после войны подтвердилась),

ибо данные у абверовцев были ограничены информацией о временном пребывании разведчиц в том месте. На допросах не назывались имена Ани Дмитриевой, Милы Филипповой, да и легенда о родителях Байгер взята под сомнение, но не опровергнута. Упоминаемые следователем имена радисток тоже ни о чем не говорили. Михайлова — уроженка Острова, знакомая Бойковой, про нее спрашивали Зину до их ареста. Что касается Коквцевой — тут неясность. Надо быть осторожной...

В изнурительном поединке с тюремщиками нужен и защитный панцирь. Им-то и должна стать вторая легенда, о которой они договорились заранее... На следующий день ранним утром тюремная уборщица сунула Бойковой записку. В ней было всего два слова: «Держись. Разрешаю».

И Зина, переносившая побои менее стойко, чем Круглова, «сдалась» — заговорила... Да, ей дал задание капитан (фамилию его не знает) вести наблюдение за прибывавшими в Остров немецкими частями. Она согласилась — родителей хотела увидеть. А встретилась с ними, узнала, что они довольны новой властью, сама в этом убедилась и решила: задание выполнять не будет. Сказала напарнице, а та ответила, что и не собиралась заниматься разведкой. Почему молчали? Боялись.

Не обошлось без излюбленного абверовцами провокационного приема. Следователь поместил Круглову в комнату рядом с той, где вел повторный допрос Бойковой. Двери

были приоткрыты, и Зоя могла слышать, что говорит Зина. Когда Бойкову увели, капитан ехидно сказал:

— Слышали, как вас выдала подруга. Вот теперь вам нет смысла запираяться. Говорите все начистоту.

— Неправда, господин капитан. Девчонка обо мне ничего не сказала, да и не подруга она мне, — с напускным равнодушием ответила Круглова. — Ведь действительно ее родные вполне прилично живут, а брат в полиции служит. С какой стати она им и себе яму рыть будет.

— А вы, Круглова, будете?

— Перестаньте, господин капитан, играть с моей фамилией! Да, я Круглова по матери. А по отцу — Байгер. И немецкой крови в моих жилах предостаточно.

— Так почему же вы стали советской разведчицей?

— А разве у вас есть тому доказательства? А как бы я, интересно, могла иным путем в Остров попасть, — перешла в наступление Зоя, — или в Кингисепп, например, которым так недавно интересовался мой новый знакомый Врангель, правда не барон, но служащий нашего фатерланда. Не ищите того, чего нет.

— Упрямый у вас характер, Байгер, — следовательно говорил теперь жестко, — костюправы гестапо в Пскове ломают его.

— У меня характер отца! — В словах разведчицы прозвучал вызов.

Кругловой заинтересовались в псковской абверкоманде. В апреле ее увезли в Псков.

Зину Бойкову отправили в Германию, где

она некоторое время сидела в дюссельдорфской тюрьме, а затем была переведена в концлагерь...

Операция советских войск «Искра», завершившаяся прорывом блокады Ленинграда, ослабила группу армий «Север». Гитлеровцы потеряли 10 дивизий. Пять из них были разгромлены полностью, остальные понесли трудновосполнимые потери. Советские войска на Северо-Западном фронте сковывали и перемалывали части 16-й немецкой армии под Демянском, который гитлеровцы не без основания называли «маленький Верден». Их потери здесь исчислялись десятками тысяч.

Чтобы пополнить фронтовые дивизии, Кюхлер весной 1943 года приказал сократить численный состав тыловых и обслуживающих подразделений. Не были обойдены фельдкомендатуры и ортскомендатуры. Все это значительно ослабляло охрану оккупированной территории. Оголялись многие ее участки, в том числе и в районе реки Великой.

Этот район, как и в дни подготовки фашистами операции «Северное сияние», вновь привлек внимание советской разведки. Здесь гитлеровцы форсировали строительство огромной по длине и глубине оборонительной линии, начатое сразу после отказа от второго штурма Ленинграда. «Пантера» — так экзотически называли ее генералы вермахта, имея в виду сильного, с агрессивными повадками, коварного зверя.

Весной 1943 года гитлеровцам срочно требовалось укрепить подступы к Прибалтике,

не дать советским войскам ворваться в Латвию и Эстонию, а кораблям Краснознаменного Балтийского флота выйти в открытое море на широкий оперативный простор.

Интенсивное сооружение «Пантеры» продолжалось весь год. Руководили строительством фортификаторы из организации Ф. Тодта — министра вооружения и боеприпасов фашистского рейха. По приказу начальника охранных войск тыла группы армий «Север» генерал-лейтенанта Рокка (осенью 1943 года его сменил генерал пехоты фон Бот) сюда в качестве рабочей силы направлялись сотни жителей оккупированных территорий Ленинградской и Калининской областей, а также бетон, древесина, кирпич и другие строительные материалы.

Змеей вилась линия «Пантера» от Псковского озера по холмам Псковской возвышенности, огибая десятки населенных пунктов, и, вплотную прижимаясь к Великой и ее притокам, уходила к Идрице. Бетонные блиндажи, доты, противотанковые рвы, орудийные гнезда под бронеколпаками, в болотистых местах заборы с замаскированными пулеметными точками. 10—12 дзотов, 8—10 бронеколпаков на один километр! Все это прикрывалось огромными минными полями. Между ними — проволочные заграждения и 4—6 колов и спирали «бруно», потаенные колодцы с взрывными «сюрпризами».

В одной из радиограмм наша разведка сообщала Центру: «Установлено, что на рубеже Псковского озера... строятся блиндажи, возводятся доты из бетонных плит, уложен-

ных в землю на глубину в три метра. Для перекрытий используются тавровые балки. Поверх бетона — слой земли, накат бревен и снова земля. К проволочным заграждениям, прикрывающим доты, подведен электроток».

Несокрушимым валом обороны назвал «Пантеру» в своих крикливых речах Геббельс. Действительно, это был во всех отношениях труднодоступный рубеж, но у советских войск уже имелся опыт сокрушения и более мощных преград. Однако время для наступления на «Пантеру» еще не пришло. А пока нужно было проникнуть в ее тайны, найти слабые звенья, помешать строительству, создать в районе работ тревожную обстановку.

В поединок с «Пантерой» вступили калининские и ленинградские партизаны, подпольщики Острова, Опочки, Пушкинских Гор, спецгруппы чекистов, разведотделов Северо-Западного и Ленинградского фронтов. Заработал незримый «прожектор». Он начал «освещать» правый и левый берега Великой на линии Псков — Остров — Опочка — Пустошка. И тайное становилось явным для командования советских войск.

Ветка железной дороги, соединяющая Опочку с Полоцком, была основательно разрушена при отступлении частей Красной Армии в 1941 году. Взрывы партизанских мин в 1942 году окончательно вывели ее из строя. Основной артерией от города Себежа и железнодорожного узла Идрица в район строительства «Пантеры» стал большак Себеж —

Опочка. По нему с весны 1943 года потянулись вереницы автомашин со строительными материалами, двигались инженерные части вермахта.

Поначалу все шло хорошо: и грузы и солдат благополучно доставляли к берегам Великой, но вскоре на дороге загремели взрывы. Все чаще и чаще партизаны устраивали здесь засады. В штаб охранных войск полетели тревожные депеши. И почти в каждой из них было загадочное слово «Марго».

Марго. Имя партизанского комбрига живет в легендах голубого озерного края у старой латвийской границы, в рассказах о совместной борьбе партизан трех братских республик — Белоруссии, Латвии, России... Их было 14 коммунистов, когда в августе 1941 года они появились на лесных хуторах Осынщины и совершили первые диверсии. Их было 67, когда летом 1942 года Владимир Марго вторично привел отряд на оккупированную территорию к железной дороге Себеж — Идрица. А весной 1943 года — уже несколько сот — целая бригада отважных партизан.

24 подорванных железнодорожных эшелона, 196 разрушенных мостов, 15 разгромленных гарнизонов — вот далеко не полный перечень итогов боевых операций Марго и его товарищей.

Оценивая действия подрывных групп на дорогах к «Пантере», заместитель командира бригады по разведке П. Н. Петрович говорил Марго:

— Ребята, Владимир Иванович, потрудились что надо. Но ведь и комендант Опочки

не лыком шит. Усилит конвои, уже началось патрулирование дороги на броневиках.

— Что предлагаешь, Павел Никитич?

— Крепче связаться с Опочкой. Нужно добиться информации опережающей, а не констатирующей время прибытия грузов. Нам следует все знать заранее. Хочу послать разведчиков искать своего человека в немецкой хозкомендатуре.

— Ну что ж, дело говоришь. Себежское направление у нас более или менее освоено. Опочецкое — новое, но, по всем данным, вскоре может стать прифронтовым.

П. Н. Петрович был опытным конспиратором и добрым советчиком. За его плечами служба в царской армии, участие в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде в 1917 году, фронты гражданской войны. Как никто другой в бригаде, старый большевик понимал: для боевого успеха очень важно иметь в стане врага своих людей. И поиски их в Опочке Петрович начал незамедлительно.

Студентку уральского вуза Раису Гаврилову война застала у матери в Опочке. Пока решала — уезжать не уезжать, город захватили фашисты. Гаврилова не знала Круглову, но было в ее натуре то, что наставники Кругловой называли «природным даром разведчика». После долгих раздумий Рая сказала матери:

— Пойду немчуре служить. Семье кусок хлеба не помешает.

— Не ходи, доченька, — попросила Пелагея Тихоновна, — перебьемся как-нибудь.

— Служить, мама, можно по-разному.

Можно и так, чтобы служба моя нашей армии пригодилась.

Красивая, умная, вежливая, но без подобострастия, мало с кем знакомая в Опочке, девушка понравилась начальнику отдела хозяйственной комендатуры Мюллеру. Он доверил Гавриловой обширную документацию. Когда убедился в ее нежелании заводить знакомства с русскими служащими комендатуры, сделал своим секретарем-переводчиком.

Разведчики из партизанской бригады Литвиненко, проникнув в Опочку, рискнули на откровенный разговор с Гавриловой и дважды получали ценнейшую информацию. После ухода от берегов Великой Второй особой бригады Рая затаилась. Когда оккупанты и их ставленники стали склонять на все лады имя Марго, девушка начала искать связь с партизанами, а те в свою очередь — с человеком из хозяйственной комендатуры. Данные, получаемые от Гавриловой, были абсолютно достоверными, не случайно Петрович вскоре дал ей конспиративную кличку Абсолют.

Не ошибся начальник партизанской разведки. Сведения, которые передавала Гаврилова через связных, отличались не только исключительной точностью, но и большой полнотой. В одном из донесений она называла номера семи воинских частей, проследовавших к Острову с остановкой на день в Опочке. При этом были сообщены: род оружия, количество солдат, вооружение, фамилия командира каждой части.

В другом донесении разведчица сообщала дату прибытия в город армейского штаба.

В третьем содержались копии требований комендатуры администрации кирпичного и деревообрабатывающего заводов на поставку для строительства «Пантеры» кирпича и брусов, с указанием сроков их привоза. Транспорт с кирпичом и брусами был отправлен вовремя и вовремя встречен партизанами.

К сбору разведанных Раиса Гаврилова привлекла двух женщин, которых в городе не знали, что было немаловажно для разведки. Одна из них двоюродная сестра Раисы — Анна Чугурмина, жена командира Красной Армии, знала немецкий язык. Детство и юность ее прошли в Чехословакии, где она училась в гимназии. Когда переехала к родственникам в Опочку, зарубежную жизнь Ани было решено сохранить в тайне...

Анна работала в офицерском казино. Коньяк развязывал языки его посетителям. Некоторые офицеры болтали лишнее. Им и в голову не приходило, что услужливая официантка понимает каждое их слово.

Второй помощницей Гавриловой стала жена генерала Оленина Мария Федоровна. В первые месяцы войны она с малолетним сыном Игорем прошагала сотни километров от пограничной крепости Осовец до берегов Великой. Тернист был этот путь. В Опочке Мария Федоровна скрыла, кто она, зарегистрировалась в городской управе под девичьей фамилией Андреева. Поначалу Мария Федоровна работала служащей квартирного отдела хозкомендатуры, а потом на электростанции, куда крестьяне привозили торф. В разговорах с ними разведчица Олень (под таким

именем знали Марию Федоровну в бригаде Марго) многое узнавала о ходе строительных работ по сооружению «Пантеры».

Петрович создал в Опочке небольшую, но крепкую разведывательную сеть. Анна Чугурмина, сестры Люба и Тоня Алексеевы, учительница Надя Литвиненко, работавшая прачкой в воинской части, фельдшер Маша Кузьмина помогали партизанам не только сбором и передачей разведанных, они пересылали в отряды чистые бланки немецких документов, соль и табак, ценившиеся в лесу на вес золота.

Однажды от Анны пришел сигнал о готовящемся походе карателей к местам предполагаемого базирования партизан. Она сообщила маршрут трех батальонов охранных войск, количество приданных карателям танкеток и легких орудий. Партизаны встретили ничего не подозревавших гитлеровцев пулеметным и минометным огнем. Каратели были вынуждены отойти с большими потерями.

На опочецкий узел «Пантеры» нацелились и другие формирования калининских партизан. Бригада Федора Бойдина вышла к реке Великой еще осенью 1942 года. Сильно потрепав фашистские гарнизоны в населенных пунктах Щукино, Артюхово, Глубокое, она обосновалась на некоторое время в Идрицком районе. Большую диверсию на железной дороге ее отряды совершили накануне рождественских праздников, широко отмечаемых оккупантами. Уводя бойцов из лагеря на операцию, начальник штаба бригады Дмитрий Халтурин пошутил:

— Это мы им вместо гуся с яблоками. Только яблоки заменим лимонками.

— Во! Во! — загорелся комбриг Бойдин. — Хорошего гуся подложите. С рождественским партизанским приветом.

«Гуся» выбирали долго, но выбрали стоящего — эшелон большой и груженный. Взрыв был сильный: вместе с миной партизаны взорвали несколько килограммов тола. А чтобы не подошли сразу ремонтные поезда, взорвали рельсы впереди и сзади места крушения.

Как и предполагал Халтурин, фашисты бросились преследовать подрывников. Отходили быстро. Когда оторвались от врага, немного отдохнули в лесной деревушке.

— А теперь по коням! — скомандовал Халтурин.

И вот девять саней (на каждых по три бойца) скользят в сторону «железки». Шустро бегут лошади. Напряженно всматривается вперед Халтурин. Выход дерзкий, но вряд ли гитлеровцы предполагают повторный налет.

Расчет оправдался. Удалось приблизиться к месту крушения метров на восемьдесят — сто. Крича и стреляя из автоматов и ручных пулеметов, храбрецы бросились к полотну железной дороги. Оставшиеся у подорванного эшелона солдаты растерялись, и их сопротивление было непродолжительным.

Паровоз оказался неповрежденным. Его заминировали. Уцелевшие вагоны подожгли. У полотна валялось более сорока новеньких велосипедов.

— Что с ними делать? — подбежал к Халтурину командир подрывников.

— Жечь!

— А с двумя опечатанными вагонами?

— Сбить замки. Устроить «таможенный досмотр».

В вагонах оказались рождественские подарки для офицеров вермахта: печенье, сигареты, конфеты, шнапс. Подорвав паровоз, партизаны с трофеями вернулись в лесную деревушку. В избу, где остановился Халтурин с командирами отрядов, набились женщины, дети.

— Часть рождественских пакетов — в бригадный госпиталь, остальное — детям, — распорядился начштаба.

Неисповедимы пути военного лихолетья. Старший сержант артиллерист Дмитрий Халтурин дрался с гитлеровцами с первых дней войны. В сентябре 1941 года часть, где он служил, попала в окружение. В живых осталось несколько человек. Более двух месяцев красноармейцы пробирались по вражеским тылам, пытаясь выйти к своим. Шли глухими тропами. В сапогах — слякоть. В желудках — пусто. Постель — хвоя под заснеженными елями. Проскочить через линию фронта не удалось, но вблизи — на берегах Ловати повстречали таких же, как и сами, «окруженцев», но уже образовавших партизанский отряд. Присоединились к ним.

Основательно встревожило противника в районе строительства «Пантеры» и неожиданное появление 10-й Калининской партизанской бригады. Она пришла в январе 1943 года из советского тыла в район между-речья (территория между Великой и двумя

ее притоками — реками Иссой и Синею), где пролегали дороги из Латвии через Красногородск к Опочке. Поселок Красногородск был своего рода филиалом Опочецкой базы, снабжавшей части вермахта боеприпасами, провиантом, фуражом.

Засады, взрывы на дорогах не удивили бы так комендантов Опочки и Красногородска, начальников абвергруппы и тайной полевой полиции, как «первые шаги» прибывшего из-за линии фронта партизанского соединения. Его отряды с ходу «нанесли визит» в имение Синьозерье в разгар офицерской рождественской пирушки и совершили налет на деревню Александрово, где волостное начальство собрало старост деревень. Не успели новоявленные синьозерские господа осушить по второму бокалу за здоровье фюрера, как пришлось вспомнить молитву за спасение души.

— Господ расстрелять! Хлеб, скот раздать населению! — приказал комбриг, выслушав доклад командира отряда о бескровном захвате имения.

Эта партизанская операция в Синьозерском имении имела большой резонанс. Приободрились люди, — значит, жива Советская власть и на оккупированной территории, раз карает врагов и предателей. Возрос саботаж экономических мероприятий оккупантов, участились случаи невыполнения распоряжений волостных правлений о выходе на строительные работы.

Бригада калининцев под командованием Николая Вараксова из Великих Лук обживала район. Весной 1943 года ее отряды провели

11 боевых операций. Когда позже фашисты форсировали строительство самого крупного отрога «Пантеры» — линии «Рейера», подрывники взяли «под свою опеку» эту побочную ветку. Взрывы партизанских мин отодвигали сроки окончания строительства, вызывали панику среди солдат вспомогательных частей вермахта.

В то время как спецгруппы и калининские партизаны наносили удары по «Пантере» и маневрировали по левобережью Великой, правым берегом реки занялись разведчики и подрывники 3-й Ленинградской партизанской бригады. Командовал ею Александр Герман. Там, где появлялись его летучие отряды, словно огненным ветром выжигало фашистские гарнизоны.

Кадровый военный, разведчик по профессии и характеру, прошедший «партизанскую академию» у Литвиненко (был его заместителем по разведке во время пятимесячного рейда по тылам врага), Герман хорошо знал цену оперативно переданного разведдонесения для армии. В бригаде были созданы глубокая и близкая разведки. На основе представленных ими данных в штабе разрабатывались, а затем успешно осуществлялись боевые операции. Развединформация, представляющая интерес для фронта, передавалась незамедлительно.

Комбриг торопил своих разведчиков активизировать работу в городах Порхове и Новоржеве, оживить связи в районе Пушкинских Гор с надежными людьми, помогавшими Второй особой бригаде в первую военную

зиму. Особое внимание было обращено на Остров. Герман знал о делах молодежного подполья и искал с ним связь.

— Найдите мне во что бы то ни стало Регину,— наказывал он своим помощникам по разведке Сергею Пенкину и Ивану Костареву. Это кличка разведчицы, осевшей в Сошинском районе. Фамилия ее Дмитриева, а вот деревни, где она живет, не знаю.

В один из весенних дней в Гостенах спешили два всадника. Тот, что был постарше, направился к дому Дмитриевой. Аня узнала своего школьного учителя истории Григорьева.

— Александр Григорьевич, вы?!— удивленно воскликнула она.— Откуда?

— Из леса, вестимо,— улыбнулся Григорьев.— Иль боязно лесных пришельцев принимать?

— Что вы, что вы!— смутилась девушка.— Милости просим! Просто растерялась я. Заходите.

Дмитриева начала быстро собирать на стол.

— Не хлопочи,— предупредил Григорьев.— Сыт я. Задерживаться не могу. Заскочил мимоходом. Просто захотелось узнать, как живет моя примерная ученица.

— Ой ли,— засмеялась Аня.— Хитрите вы что-то, Александр Григорьевич, да и сами говорите, что задерживаться нельзя.

— А ты наблюдательная,— развел руками Григорьев и, пристально посмотрев на девушку, добавил: — Регина.

Аня встрепенулась.

— Не ожидала такого сюрприза? А теперь

успокойся и коротенько расскажи, что видела и слышала интересного, как жилось в последнее время. Партизанскому комиссару можно довериться...

Прощаясь, Григорьев еще раз напомнил:

— Любой ценой организуй связь с Островом...

Декабрьский удар по островскому подполью не сломил духа оставшихся на свободе. Под руководством Людмилы Филипповой в конце зимы Митрофанов, Серебренников, Судаков, Панфилов продолжали распространять листовки, уничтожать фашистские распоряжения, плакаты и афиши, расклеенные по городу. Серебренников, устроившись электриком на лесопильный завод, сумел взорвать трансформаторную будку электростанции. Город на несколько дней остался без света.

С весны 1943 года явочной квартирой подполья стала жестяная мастерская Ивана Нечаева. Он показывался в ней часа на два-три, что-то мастерил, лудил... Власти разрешали «хозяину Нечаеву» ездить по деревням для распродажи своих изделий. Это был удобный предлог для распространения листовок и сбора нужных сведений.

Филиппова тяжело переживала арест Зои Кругловой. Их встречи были для нее не только источником информации, но и своеобразной отдушиной в условиях оккупированного города. Мила думала над смыслом слов, сказанных ей Зоей перед арестом, и хоть она не совсем поняла их, но надеялась, что вскоре все прояснится. И вот как-то в конце марта

в хозкомендатуру, где теперь работала Филиппова, забежала соседка:

— Мила, тебя какая-то молодуха спрашивает. Стоит на улице.

Людмила неторопливо вышла. От угла здания к ней направилась молодая женщина. Одета по-деревенски. Фигура стройная. Брюнетка. Красивое лицо. Чистый, открытый взгляд.

— Меня зовут Аня, — мягко, параспев вместо приветствия произнесла незнакомка.

Филиппова отпросилась домой. Не прошло и получаса, как она с жадностью слушала Дмитриеву.

— Партизанам и нашей армии сейчас очень нужна правдивая информация об Острове, — говорила Аня. — Фашисты начали строить какие-то инженерные сооружения. Надо узнать, где и для чего? Какие части используются на строительстве? Что везут по шоссе и железной дороге в сторону Ленинграда? Из какого места? Развейдите максимально все, что сможете, — такова боевая задача для вас от штаба партизанской бригады. Разведка и еще раз разведка, — повторила Дмитриева фразу, не раз слышанную от своих наставников.

— Сделаем все, что в наших силах! — горячо заверила Филиппова.

— Не сомневаюсь. Но все же побеседуйте с товарищами, обсудите задачу. Я приду через неделю. Встречусь только с самыми близкими вам людьми.

Мила протянула разведчице кусок обоев:

— Здесь нанесены все военные объекты го-

рода, базы, склады. Чертеж не ахти какой, но точный. Проверяла сама.

— Спасибо, Мила. Мне пора. До свидания.

— До свидания. Только приходите обязательно!

С нетерпением ожидали члены подпольного штаба «товарища из леса». Регина не подвела. Ровно через неделю она пришла на квартиру матери Олега Серебренникова. Олег, Саша и Лева засыпали Дмитриеву вопросами. Мила сдерживала своих товарищей:

— Хватит расспрашивать. Давайте ближе к нашим делам.

Ребята согласились заняться усиленной разведкой. Договорились о времени и местах встречи с Региной или другими связными, наметили пароли. Распределили объекты разведки: железная дорога и станция укреплялись за Судаковым, местные воинские части и госпиталь — за Серебренниковым, Митрофанов должен был держать под контролем движение на шоссе на дорогах и строительство на берегах Великой. Филиппова взяла на себя сбор сведений в военно-хозяйственных учреждениях, добычу чистых бланков немецких документов и копий распоряжений хозяйственной комендатуры.

Условились, что все разведанные передаются Филипповой, она их обрабатывает, подшивает «Катя». После этого Митрофанов, Судаков или Серебренников встречаются со связным и передают ему материалы. Конспиративные имена получили и другие подпольщики. (В одном из донесений партизанского командования в Смольный — документ хра-

нится ныне в фондах Ленинградского партийного архива — против фамилии Серебренников стоит имя Вера, Митрофанов — Тит. Несколько раз встречается конспиративное имя Филипповой Катя.) Донесения подпольщиков Острова командованию 3-й Ленинградской партизанской бригады весной и летом 1943 года были самыми разнообразными. В одном из них, например, сообщалось о прохождении через станцию Остров в направлении к Ленинграду трех товарных составов, груженных боеприпасами. В другом указывалось время приезда в поселок Гораи генерала для инспектирования хода строительства оборонительной линии «Пантера». В третьем донесении партизан извещали о прибытии карателей с указанием маршрута их следования. Все эти сведения были подписаны именем Катя.

Подпольщики взяли под наблюдение дороги. Из Острова на Опочку прошли 70 грузовых машин с одним и тем же опознавательным знаком. Но как узнать, что у них в кузовах под слоем соломы? Улучив момент, Паша Корныльев цепляется за борт последней машины — и через короткое время в донесении указывается: машины везут крупнокалиберные артиллерийские снаряды.

Почти каждый раз связной на явке получал от Митрофанова и Судакова кроме разведдонесений немецкие рабочие паспорта, вкладыши для паспортов и несколько писем юношей и девушек, угнанных в Германию, своим родным. Почти все они не доходили до адресатов. После просмотра в одном из отделов коменда-

туры уничтожались. Филипповой удавалось спасти некоторые из них. Стала известной правда о рабском труде и ужасном положении советских людей в «проклятой неметчине». Дмитриева передавала подпольщикам советские газеты и листовки, а однажды и деньги — 17000 рублей. Они были истрачены на приобретение немецких документов через подставных лиц и частично на самогон. Многим немцам и полицаям он развязывал языки.

Активизации подполья способствовали не только связь с бригадой Германа, но и усиление партизанского влияния в соседних районах. Оно было результатом деятельности Островского межрайонного партцентра (руководитель В. В. Павлов), развернувшего среди населения агитационную и пропагандистскую работу. Островской партцентр был одним из одиннадцати, созданных Ленинградским обкомом ВКП(б). Его члены выпустили два номера газеты, несколько листовок, провели собрания во многих деревнях Сошихинского, Островского и Славковского районов.

Гитлеровцы хищнически грабили лесные богатства Псковщины. На левом берегу реки Великой они построили крупный лесопильный завод. Летом 1943 года он выполнял заказы строителей «Пантеры». По заданию Филипповой Иван Панфилов устроился на завод электросварщиком. Возле бака с горючим ему удалось оголить электропроводку. Вокруг были заботливо припасены легковоспламеняющиеся материалы. Во время обеденного перерыва, когда все разошлись, произошло ко-

роткое замыкание. Бак с горючим взорвался, гасить пламя было некому. Завод сторел дотла.

Несколько человек арестовали, в том числе и Ивана Панфилова. Арестованных избили, но из-за отсутствия улик выпустили. Администрация характеризовала Панфилова как усердного работника.

Не имея сведений от группы Кругловой и не зная о ее судьбе, заместитель начальника разведотдела Северо-Западного фронта подполковник Злочевский весной 1943 года приказал забросить в район Острова разведчика Алферова и радиста Преснякова. Молодой разведчик хорошо справился со своим первым заданием по установлению связи с осевшими на берегах Великой двумя спецгруппами. Теперь ему доверили самостоятельную работу.

Приземлились в Славковском районе. Пешком добрались до деревни Бельково, где временно нашли приют в семье Михаила Туманова. По установленной в сарае радиции в эфир полетели первые позывные Ванюшки — Алферова. Разведчик сообщал о комплектовании пехотных частей северо-западнее Острова, о прибытии в военный городок на отдых гитлеровцев из-под Великих Лук.

Алферов быстро восстановил старые связи. Его ближайшими помощниками в сборе разведывательной информации в Острове стали шестнадцатилетний Олег Дивинский и подпольщик Павел Корныльев, чья мастерская по ремонту гармоний (Павел сам прекрасно играл на гармошке) использовалась для

явок. Сюда не раз наведывалась Валентина Васильевна Васильева, бывшая учительница. Работала она в паспортном отделе комендатуры и довольно смело снабжала советских патриотов необходимыми документами.

Помогала Владимиру Алферову и мать. Тайная полевая полиция дважды арестовывала Антонину Германовну, а затем выпускала — авось объявится сын. Зверски избивали жандармы советскую учительницу. Ее лицо заливала кровь, ноги не держали истерзанное тело, но на вопросы следователя о Владимире она неизменно отвечала:

— Если вы знаете, где он, скажите мне, и буду вам благодарна.

Однажды ранним утром Антонину Германовну нашли в петле на тюремной решетке...

Радию группы Алферова фашисты запеленговали. Разведчики перебрались на остров большого болота вблизи деревни Песчаный Бор. Жили в шалаше. Добывать разведданные стало труднее, и все же несколько радиogramм о «Пантере» Центр от Алферова получил.

И в группе абвера и в зондерштабе Р чувствовали — в городе действует подполье. Но одно дело чувствовать, другое — конкретно знать. Агенты ГФП с ног сбились в поисках инициалы, которая привела бы на явочную квартиру или отдала бы в их руки кого-либо из подпольщиков.

И опять врагам помог случай. В августе 43-я Ленинградская партизанская бригада проводила крупные диверсионные акции на двух железных дорогах. Ее отряды в это вре-

мя были разобщены, разведчики тоже. Дмитриева не вернулась с задания, а пришло время посылать связного в Остров. Туда направили неопытную партизанку. Это была ошибка. По дороге ее задержали полицейские. Девушка ступсевалась. Начался допрос с избиением. Связная не выдержала и рассказала все, что знала.

Агенты тайной полевой полиции первым схватили Судакова, ждавшего связную. В ночь на 21 августа был арестован Олег Серебренников, утром следующего дня — Саша Митрофанов. Затем Людмила Филиппова. Взяли ее на работе. Помощник начальника хозкомендатуры удивился:

— Здесь какое-то недоразумение. Фрейлейн Мила — отличная сотрудница.

— Красная шляха она, а не фрейлейн! — вскипел абверовец.

Филиппова посмотрела на его багровое лицо, поняла — провал, но виду не подала и как можно спокойнее сказала:

— Не мерьте всех на свой аршин, господин лейтенант.

На первом же допросе и очной ставке членов подпольного штаба гитлеровцы избили их до полусмерти. Налютовавшись, они бросили Серебренникова, Судакова и Митрофанова в камеру. Первым очнулся Олег. Он долго лежал с открытыми глазами, боясь пошевелиться. Чтобы облегчить страдания, вспоминал все то, что было дорого ему в довоенной жизни: посещение пушкинских мест, семейное торжество по случаю двадцатилетия вступления отца в партию, девушку, ласково

называвшую его Олежком (ее имя стало его конспиративной кличкой)... Тяжело расставаться с жизнью, но враги не должны знать об этом!

Олег заставил себя подняться. Очнулись и встали рядом Саша и Лева. И неожиданно в камере, откуда доносились раньше лишь стоны да крики, раздалось:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!..

Тюремщики опешили. А голоса узников звучали все громче и громче...

Идет война народная,
Священная война!

В тот вечер гестаповцы прокололи Олегу язык, всех троих пытали каленым железом.

Первые дни Филиппову не истязали, но заставляли смотреть на избитых до полусмерти товарищей. Однажды окровавленного Леву Судакова несли мимо на рогоже. Он поднялся, судорожно глотая воздух. Хотел что-то сказать, но в изнеможении упал.

— Ну как, фрейлейн, нравится? — спросил следователь.

Не сдержавшись, ответила с ненавистью:

— Так издеваются над людьми только палачи!

После этого ее сильно избили. А потом прибегли к более изощренному приему. Неожиданно в полночь в камере появился один из помощников коменданта — Бено Мейер. Вышел. Вежливо посадил в «мерседес» и привез на свидание к... дочурке.

Увидев худенькую Инночку, услышав ее тоненький голосок: «Мамочка, родненькая, ты вернулась!» — Мила не выдержала — впервые разрыдалась. Мейер что-то говорил о жизни, предлагал какие-то условия. Она не слышала его, смутно понимала, что говорила ей бабушка, и только жадно смотрела на дочь. На комодѣ стояла рамочка с фотографией. Схватила и быстро написала на обратной стороне:

«Милой, дорогой моей дочурке от крепко любящей ее мамульки.

Милая моя крошка, храни эту карточку, ибо она тебе напомнит мать, будешь большая, вспомнишь ее...

Расти, моя милая, будь счастлива.

Мама».

Рыдая, к Миле подошла бабушка:

— Прощай, внученька! Гибнешь за что, Милушка!

— За счастье людское, бабуся! За счастье Инночки и всех моих товарищей! — Мила прижалась к старушке...

В камере, где сидела Филишова, сохранилась на стене надпись:

«Филишова Мила. Камера № 24. Сижу с 23/VIII—43 г. Сегодня 1.IX—43 г. Допросы кончились, ужасно били. Сижу одна. Жду приговора. Думаю, что расстреляют. Да, жить еще хочется».

В Ленинградском партийном архиве хранится донесение начальника разведки бригады капитана Николая Панчежного в штаб партизанского движения. «Всю арестованную группу, — говорится в донесении, — пытали

около двух недель, но дальнейших разъяснений гестапо никаких не получило».

Незадолго до ареста Филипповой и других подпольщиков в Остров под усиленным конвоем привезли Зою Круглову. Привезли не из псковской тюрьмы, а из лесной деревушки у Сороти. Разведчица совершила из Пскова дерзкий побег. История его в какой-то мере связана с комендантом города генерал-майором Ремиленгером.

Генрих Ремиленгер начал военную карьеру еще при кайзере Вильгельме. С приходом к власти гитлеровцев армейский подполковник сменил службу — стал комендантом тюрьмы в Торгау. Вскоре он создал в ней такой образцовый режим пыток и казней, что был замечен фюрером. Посыпались награды, чины.

В 1943 году, будучи военным комендантом Пскова, Ремиленгер не забывал своей второй профессии: часто посещал тюрьму, присутствовал на допросах с истязаниями, поучал коменданта тюрьмы Якоба Креммера:

— Враги фюрера, даже те, кого ожидает казнь, не должны бездельничать. Пусть отрабатывают свою баланду.

И по его приказу ежедневно истерзанные, полуголодные узники под охраной солдат направлялись на рытье котлованов, перемещение камней. Побег были редкостью. Но ближе к осени обстановка изменилась. Командующий охранными войсками высказал недовольство: в Пскове плохо выполняется приказ фельдмаршала Кюхлера о численном сокращении штабов охраны тюрем и концлагерей, комендатур. Фронт требовал пополне-

ний за счет местных резервов. Ремиленгер скрепя сердце выполнил это указание. Заключенных во время работ теперь охраняли полицаи под присмотром нескольких солдат-гитлеровцев старших возрастов.

Круглову тоже часто гоняли на работы. Однажды она встретила Нину Бережито. Измученная пыткой Нина еле держалась на ногах. На другой день девушки снова были вместе. Нина все рассказала о себе.

Да, она — разведчица, по национальности литовка. До войны была вольнонаемной в одной из приграничных частей Красной Армии. При отступлении наших войск капитан из оперативной разведки поручил ей осесть в Острове, обещая прислать связного и радиста. Ждала долго, но не дождалась. Работая в военном городке у гитлеровцев, собирала разведданные. Время шло, и они утрачивали ценность. Тогда некоторые из них стала передавать матери Владимира Алферова в надежде на то, что она сообщит их сыну, а он — партизанам. За ней настойчиво ухаживал адъютант командира части. В один из вечеров она подпоила его и похитила из сейфа план наступательной операции под Ленинградом. Передала его Филипповой.

Выслушав Бережито, Круглова сказала:

— А я, Нина, догадывалась, кто ты. И если бы получила утраченную связь, мы работали бы вместе. А сейчас, — глаза Кругловой за-светились, — бежим, дружок, вместе.

— Как? — восторженно спросила Нина.

— Последние дни меня один охранник обхаживает. Говорит, что облегчит жизнь,

если я... Ну, сама понимаешь, о чем идет речь. Так вот завтра попрошу я этого Карла разрешить нам постирать белье да помыться, раз мы у реки работаем. Пусть полюбуется нашими кровоподтеками да синяками...

Карл разрешил. Девушки разделись. Верхнюю одежду незаметно связали в узелки и занялись стиркой. Посматривая масляными глазками на обнаженных узниц, охранник положил карабин на камень и подошел к Кругловой. Зоя сильно толкнула его, он упал в воду. Нина стремительно схватила карабин и отправила его туда же. Быстро взяв узелки с одеждой, девушки бросились в Великую. И по пословице: как в воду канули.

Отыскался их след через две недели в... Гостенях. Что пережили, как пробирались, лишь «густой кустарник да луна знает», — ответила Зоя на вопрос Дмитриевой. Аня, как могла, приветила Зою и Нину, а когда те немного отдохнули, направила на партизанскую явку. И тут счастье изменило разведчицам. Кругом шли бои, и они попали в другую партизанскую бригаду. А там к просьбе Кругловой связать ее с разведотделом фронта не прислушались. Зое дали новое задание и направили к Пскову.

В деревушку, где Круглова с напарницей-партизанкой остановились на отдых, неожиданно вошла группа лжепартизан из банды Мартыновского. В СД значилась как «Истребительное соединение «Восток» войск СС». Оборотни постреляли полицаев, убили старосту. «Свои пришли», — решили жители и поверили бандитам.

Зоя пряталась на сеновале в ожидании ночи. Услышав выстрелы, проснулась, но поздно. Ее попутчица-партизанка по неопытности уже сказала, кто они. Через час бандиты показали свое истинное лицо. Были схвачены жители, проговорившиеся о своих связях с партизанами. Дома их сожгли, самих и семьи их расстреляли... Утром следующего дня в соседних деревнях только и разговору было: «Как же такое могло совершиться? Неужто и партизаны...» После Мартыновского оставались не только трупы и пепелища, но и ранящие сердце слухи. Это тоже входило по замыслу службы СД в задачу банды Мартыновского.

...Подпрыгивая на ухабах, по дороге мчится машина. Лежа с завязанными руками в ее кузове, Зоя смотрит в звездное небо и плачет — впервые на глазах у врага. Адское невезенье, нелепый провал.

Где-то за мелькающими по обочине кустами угадываются очертания дремучего бора. Как хочется девушке рвануться туда, скрыться от уставившихся на нее конвоиров. «Почему у них у всех такие бесцветные глаза?» — почти с раздражением думает она и, успокоившись, вдруг спрашивает у старшего полицая:

— За сколько продался, иуда?

— Швайген! — взвизгнул предатель.

— Иуда-то повесился, а ты, гад, даже говорить по-русски разучился.

Удар пришелся прямо по лицу. Кровью струйкой потекла по подбородку...

И снова та же тюрьма. Педантичный ко

мендант поместил Круглову в ту же камеру. Допрашивали теперь реже, но били чаще... Мучительно болит истерзанное тело. От боли хочется кричать. Но враги не должны услышать ее стона, увидеть на лице страдания. Зоя закрывает глаза. Как в тумане проплывает перед ней лицо Бориса Ефимовича Балова, и она слышит его голос: «Я верю, ребята, что по велению долга и вы сделаете все, что прикажет Отчизна!» «По велению долга!» Что же велит сделать Родина ей сегодня? Зоя знает: встретить свой последний час, как встретила его Клава...

Рассвело. Залязгали засовы. Кого-то выводят на работу, кого-то ведут на допрос. Преодолев страшное головокружение, девушка подымается к окну. Из камеры звонко несется:

— Наш паровоз, вперед лети!

— Опять эта сумасшедшая Байгер поет, — бормочет конвоир-полицай.

— Молодец дивчина! Ведь каждый день поет, — говорит идущий на допрос старик-партизан.

Трое гитлеровцев бегут к камере Зои...

На допросе 1 сентября 1943 года Зоя узнала: смерть близка. Присутствовавший на нем полковник из псковского гестапо, забыв, что разведчица хорошо понимает по-немецки, уходит, бросил:

— С Байгер кончайте!

Снасти разведчицу теперь могло только чудо, но в чудеса Зоя не верила. Страстное желание овладело ею — переслать письмо на волю. И она выполнила его. Фашисты часто

приводили работать на лесопилку осужденных на небольшие сроки пожилых женщин. Как-то одна из них обратилась к работавшей там уборщицей Дусе Демидовой:

— Не оборачивайтесь, я знаю, что вы Демидова. Поднимете записку, когда я уйду. Это вашей сестре Нюре просила передать Зоя.

С Нюрой Демидовой Зоя часто встречалась на вечеринках. Раза два шли вместе домой. Нюра открыто ругала фашистов и говорила, что не боится, что Зоя ее выдаст, хотя у нее и дурная слава. Круглова не открывалась Демидовой. «Это мой резерв», — думала разведчица о Нюре. И вот теперь «резерв» пригодился.

На свернутой в трубочку бумажке были слова:

«Принесите, пожалуйста, тепленькой картошечки. Хочу поесть перед смертью».

Передачу принесли. Когда Зоя убедилась, что записка попала по назначению, она таким же путем передала и свое последнее послание на волю.

«Здравствуйте, дорогие мои родители — папочка, мамочка, дорогие сестрички Валечка, Панечка, Шура и дорогой братишка Боречка. Пишу, я, милые, вам из тюрьмы последний раз. Получите письмо после моей смерти.

Милые мои, вот уже год, как вы обо мне ничего не получали, никакой весточки, это время я скиталась, но о вас не забывала. Меня в феврале арестовали, и я два месяца с половиной сидела в одиночной камере в тюрьме. Каждый день ожидала расстрела. Мамочка,

мне было очень тяжело, но я перенесла все это. Меня отправили в лагерь в Псков, там я пробыла два месяца и сбежала, попала к своим. Меня снова послали с заданием, и я снова в этой же тюрьме — вот уже второй месяц. Меня били палками по голове. Жду расстрела, о жизни уже больше не думаю, хотя, милые мои, мне очень хочется немножко пожить ради того, чтобы увидеть вас, крепко обнять и выплакать на твоей груди, мамочка, все свое горе. Ведь если бы я не попалась второй раз, в сентябре я была бы дома. Но, видимо, такая моя судьба, на которую я несколько не обижаюсь. Я исполнила свой долг. Милые мои, вы гордитесь тем, что я не запятнала вашей фамилии и своей чести. Умру, но знаю, за что.

Мамочка, ты особенно не убивайся, не плачь. Я бы рада тебя утешить, но я очень далеко и за решеткой железной и крепкой стеной. В тюрьме я часто пою песни, а тюрьма все слушает. Эта песня о моей жизни и печальной кончине:

Ты не плачь, не плачь, родная,
Не грусти, старушка-мать.
Разобьем фашистов-гадов
И придем домой опять.
И погибла, не вернулась
Из островской из тюрьмы,
Ее ночью расстреляли
У тюремной у стены...

Милые мои, обо мне вам расскажут другие подружки, если они будут живы... Еще раз прошу — только не плачьте, не тоскуйте. Мой последний привет тете Лизе, дяде Ване, Лене

Алмазовой, всем, всем моим подругам, друзьям, родным и знакомым.

Целую всех крепко, крепко.

Прощайте навсегда.

Труп мой будет в г. Острове за тюрьмой, у дороги. Будет надето, мамочка, мое шерстяное черное платье, теперь оно выгорело, и тобой купленная трикотажная красная кофточка, русские сапоги.

Ваша дочь Зоя.

Прощайте, прощайте...»

Красная кофточка. Русские сапоги.

Непреклонное желание: «Узнайте! Опознайте!» Не было «фрейлейн Байгер». Была комсомолка из села Мюшенского, советская разведчица Зоя Круглова!

На рассвете 9 сентября 1943 года из ворот тюрьмы выехала крытая грузовая машина. Мать Олега Серебренникова, дежурившая всю ночь с передачей у ворот, услышала голос Милы Филипповой и мельком увидела Сашу Митрофанова. Анастасия Ивановна побежала за машиной, но та скрылась за поворотом... Спустя три дня секретарь бургомистра Казанцев тайком показал Серебренниковой приказ о расстреле. В нем значилось пять фамилий: Филиппова, Судаков, Серебренников, Митрофанов, Байгер.

А по городу пополз гадкий слух. Начало ему положил Борис Врангель. Придя в один из сентябрьских дней в контору, он небрежно бросил:

— Господа, слышали новость?

— Какую? — спросил кто-то из русских служащих.

— Арестованные подпольщики дали слово быть лояльными и попросили отправить их на работу в Германию. Комендант проявил гуманность и выполнил их просьбу.

Эту же версию в разных местах и в разных вариантах распространяли и другие скрытые агенты зондерштаба Р. Провокационные слухи пустили корни.

Связная, провалившая явку и выдавшая Судакова, рассказала на допросе, что заметила Дмитриеву. В абвергруппе Регину знали как разведчицу Аню Черную, и лишь теперь гитлеровцам стало известно, кто скрывался под этой кличкой. Жандармы помчались в Гостены, но Григорьев с товарищами упредил их — он увез Дмитриеву в партизанскую бригаду. Тогда из зондерштаба Р распространился провокационный слух: Дмитриева выдала подпольщиков.

Гитлеровцы пользовались любым предлогом, чтобы очернить советских людей. Из Острова перестала поступать разведывательная информация, но из бригады Германа Ленинградский штаб партизанского движения продолжал получать сообщения об ударах по «Шантере». Разведданные касались ее участка в районе Пушкинских Гор, на берегах голубой Сороти. В одной из радиограмм осенью 1943 года говорилось:

«Агентурой бригады в Подкрестье, кв. 1812, южнее 6 км. Пушкинские Горы взорван действующий кирпичный завод, вырабатывающий продукцию на оборонительные сооружения противника. В райцентре Пушкинские Горы, кв. 2216, сожжен автогараж,

3 автомашины, 3 мотоцикла и до 10 000 литров бензина».

Завод в Подкрестье ежедневно отправлял на сооружение «Пантеры» более 10 тысяч штук кирпича. Подпольщики решили его взорвать. Они получили от партизан 160 килограммов тола и мины замедленного действия и осуществили свой замысел. Взрывом были уничтожены два локомотива, новая гофмановская печь, паровой котел, моторы, мастерская со всем ее оборудованием. Командир диверсионной группы Андрей Копырин так определил результаты операции: «Песенка завода спета».

В пушкинском краю действовало несколько подпольных групп. После прихода к берегам Сороти бригады Германа почти все они с помощью руководителей бригадной разведки Николая Панчежного и Ивана Костарева, а также Петра Бессчастнова и Андрея Копырина установили связь с партизанами, выполняли диверсионные и разведывательные задания. Глубокой осенью группа Копырина совершила небольшой рейд от Сороти к берегам Великой. В письме-донесении в бригаду командир группы сообщал:

«Наши дела не весьма блестящи, но все же можем кое-чем похвастаться. Сначала мы подожгли на льнозаводе тресту, подготовленную для отправки в Германию, затем обстреляли станцию Тригорская. В трех местах поставили мины. В Пушкинских Горах на сенопункте вывели из строя машину для прессовки сена, теперь немцы сено не прессуют. Сделали набег на шоссе Опочка —

Остров, разбили колонну машин, прекратили движение на целую ночь. Сожгли две машины с бензином, по 8 бочек на каждой. Одну машину с трофеями забрали и уехали на ней»...

К дочери старшины поселка Алле Шубиной гитлеровцы относились несравненно лучше, чем к другим служащим их учреждений. Умная, немногословная. Подруг нет. Прилично знает немецкий. На допросах не нервничает. Всем взяла переводчица фельдкомендатуры.

На особом учете была «фрейлейн Алла» и... в штабе партизанской бригады Александра Германа. Лишь несколько человек знали о том, что еще первой военной зимой девушка согласилась стать разведчицей и дважды снабжала ценными данными штаб Второй особой партизанской бригады Северо-Западного фронта. Ко всему прочему, Алла Шубина отличалась большой наблюдательностью. Она догадывалась о другой, подпольной жизни ребят, собиравшихся по воскресным дням для «азартной картежной игры» в каморке больного туберкулезом комсомольца Виктора Дорофеева. Но как войти с ними в контакт, разве поверят они дочери старшины? Пусть руки ее отца не замараны кровью, но ведь он служит оккупантам. Чувствует Алла, что тяготится отец своим положением, но, видимо, боится что-либо предпринять. Нет, не советчик ей отец. Обидно, но это так.

Уйти к партизанам? Исчезнуть из поселка? Имея ночной пропуск, сделать это нетрудно. Но Алла помнила слова «крестного отца»

из бригады Литвиненко: «Ты в комендатуре нам нужнее, чем с карабином в бою».

И Алла ждала. Помощники коменданта не очень утруждали себя будничными делами и частенько перепоручали разбор почты переводчице. Просматривая письма от девушек, «завербованных» на работы в Германию, своим родным, Алла старалась не делать в них цензорских вычерков, некоторые письма-доносы из деревень уничтожала (поди проверь — получен сигнал или затерялся в дороге), а однажды «невзначай проговори-лась»: предупредила двух человек о грозящем аресте. Парни ночью подались в лес.

Был и такой случай. Помощник коменданта обер-лейтенант Дэмайт, недавно переведенный из Опочки в Пушкинские Горы, делал очную ставку двух «добровольцев» из группы, направляемой в армию предателя Власова. Один из них — в прошлом махровый уголовник — тайно сообщил, что его сосед по койке в казарме ругал гитлеровцев. Когда Дэмайт потребовал подтверждения на очной ставке, доносчик, скользкий как угорь, всячески вилял, а обвиняемый, забыв про все на свете, отчаянно ругал и Власова, и осведомителя.

Алла решила помочь парню и перевела так: — Он говорит, что его товарищ — паскудный мужик. Пили вместе, а потом поругались. Теперь тот мстит ему. Да, он не отрицает, что был в Порхове, слушал речь генерала Власова. Рассказывая о своей поездке товарищам, назвал Власова очкастой жердью. Сказал так потому, что немецкие генералы

все солидные, спокойные, а Власов тощий и крикливый.

Дэмайт, услышав перевод Шубиной, засмеялся. В это время раздался телефонный звонок в кабинете коменданта. Обер-лейтенант отпустил доносчика и поспешил к телефону. Оставшийся «доброволец» набросился на Аллу:

— Ты как переводила? Я понимаю немного по-немецки, учился в институте, да не доучился. Придет обер — я все повторю сначала!

— И будешь расстрелян перед строем в наказание другим, — невозмутимо ответила Шубина, — а можно поступить по-другому.

— Получить горсть мятых марок за холуйство. Прислуживать немцам, как ты!

— Получить оружие и с ним уйти к партизанам. Там нужны смелые люди, но уйти лучше с оружием, чем без него.

Парень ошалело посмотрел на переводчицу. Хотел что-то сказать, но вошел обер-лейтенант. Он беззаботно спросил:

— Аллочка, что, по-вашему, надлежит сделать с этим крикливым будущим солдатом непобедимой, — неуважительная гримаса скрывала рот Дэмайта, — русской освободительной армии?

— Власов в самом деле длинный и тощий, господин Дэмайт. А генералы вермахта действительно впечатляют своей солидностью. Этот, — Алла кивнула в сторону «добровольца», — запомнит сегодняшний урок — будет больше думать о службе, чем о росте и очках начальников.

— Точно так, господин капитан! — добавив лишний чин оберу, отрапортовал бывший студент.

Помощник коменданта, как и многие другие офицеры вермахта, поощрял доносы, но доносчиков презирал...

Душно под чужой личиной, а нужно улыбаться, оставаться спокойной на допросах... А как ужасно и больно видеть арестованных девушек и ребят — твоих довоенных товарищей. Но надо держать себя в руках, ни на минуту не расслабляться.

Лишь наедине с младшей сестрой Анфисой Алла оставалась сама собой: вспоминала школьные вечера, экскурсии, почные прогулки с друзьями по берегам Сороти. Однажды перед сном, забравшись к сестре в постель, Анфиса горячо зашептала:

— Аля, милая, ты же славная! Не верю, что ты и вправду служишь фашистам! У тебя есть тайна?

— То, что знает третий, уже не тайна — запомни это, Анфисочка, и давай спать! — ответила Алла.

А Анфисе так захотелось поделиться с сестрой своей тайной: она — подпольщица, в ее группе Нонна Крылова, Тоня Столярова... В бой «за нашего Пушкина!» вступили летом 1943 года и другие юные пушкингорцы: Мария Карпова, Клава Дмитриева, Нина Крылова, Женя Шабохина, Клава Судьина, Лидия Аввакумова, Дия Михайлова, Таисия, Ольга и Валентина Никоновы, Мария Фомина...

Наконец Алла Шубина получила сигнал

из бригады Германа. Эта была словно вспышка молнии в ночи. Все стало на свои места: ее помнят, верят, надеются. С необычайной старательностью и смелостью выполняла Алла полученные задания бригады.

Нужны пропуска в Псков. В городе находится высшее начальство, полно контрразведчиков. Здесь нельзя использовать просто чистый бланк и подделать подпись. Необходимы подлинные документы. Шубина достает их. Две разведчицы с особой миссией отправляются из бригады в Псков. Через две недели они возвращаются. Сведения, добытые ими, были настолько важными, что по рации их немедленно передали в штаб фронта.

Нужно сообщить подробности о карательной экспедиции. Алла передает данные о сроке выхода и маршруте, составе и даже месте ее ночевки. Отряд Андрея Мигрова из засады громит карателей.

Нужно срочно после расстрела второй группы подпольщиков побывать в Острове. Легально. Свободно походить по городу, посетить явку. Документ достает Шубина. Он выписан на имя... Шубиной. Подпись помощника коменданта свидетельствует: переводчица отпущена показаться хорошим врачам. Алла не только справляется с заданием, но и привозит несколько важных чертежей узлового участка «Пантеры». Девушка достала их из сейфа офицера островской комендатуры после увеселительной пирушки.

Удивительное самообладание! А ведь разведчице только восемнадцать. И за плечами никакой спецподготовки. Она человек безза-

ветной отваги... Вот оно, «племя младое», воспитанное Советской властью.

Гитлеровцы для связи Пскова с фронтовыми частями помимо железной дороги и шоссе Ленинград — Киев часто пользовались отходящей от него дорогой на Порхов и далее на Остров. К Порхову подходили большаки от нескольких населенных пунктов. Город в 1943 году все больше и больше приобретал значение крупного опорного пункта. Оккупанты держали здесь большой гарнизон. В городе обосновались оперативная команда СД, абвергруппа и эмиссары зондерштаба Р.

Вражеская контрразведка была активной и сильной, но долгое время не могла раскрыть подполье. А оно существовало в Порхове с 1942 года. Нити от него тянулись к партизанскому краю, а после него — к партизанской бригаде Германа.

Команде СД удалось узнать имена активных подпольщиков. Начались аресты. Первой взяли преподавателя библиотечного техникума Валентину Николаевну Ерову. После допросов и пыток ее расстреляли в Заполянском концлагере (в нескольких километрах от Порхова), словно в насмешку, названном гитлеровцами «Армейским воспитательным лагерем».

Сохранились два документа о жизни В. Н. Еровой и ее борьбе во время оккупации. Первый — письмо к матери, датированное 23 июня 1941 года. Валентина Николаевна писала:

«Дорогая мама!

Настроение тревожное, но ясно, что слу-

чившееся неизбежно. И надо собрать все свои силы, чтобы принести пользу нашей Родине...»

Строчки как клятва, как присяга на верность Отчизне.

Второй документ — короткая запись военного времени, хранящаяся в Ленинградском партийном архиве. Она удостоверяет причастность Еровой к разведывательной деятельности, сообщает о связях отважной подпольщицы с бригадой Германа, рассказывает о поведении В. Н. Еровой на допросе.

— Послушайте, мы знаем: вы не большевичка и не какая-либо фанатичка комсомолка. Почему же вы таскали взрывчатку лесным бандитам-партизанам? — так начал допрос Еровой оберштурмфюрер Тродлер, когда после пытки раскаленными углями его подручные бросили измученную женщину на пол.

Тродлер сам не пытал, но с наслаждением вел после пыток психологическую обработку узников, доведенных муками до крайней степени: страдал еще более ужасными страданиями, сулил райское счастье на земле за предательство, расписывал прелести жизни.

— Вы, Ерова, человек интеллигентный, — продолжал он, — а великая Германия ценит людей полноценных — умных, культурных. Нам известна ваша любовь к цветам, к искусству. Я разделяю ее.

Неимоверным усилием воли узница заставила себя подняться. Вытянув вперед обожженные руки, сказала:

— Калечить людей — вот ваше искусство.

Тродлер поморщился:

— Мой помощник перестарался.

Ерова усмехнулась:

— Скорее наоборот. Не довел до нужной вам кондиции.

— И все же я предлагаю...

— Никаких ваших предложений я не приемлю, — твердо сказала Валентина Николаевна. — Знайте: я — коммунистка по убеждению и по велению сердца! Больше вы от меня ничего не услышите.

Через неделю одна из учениц Еровой принесла передачу в лагерь. Передачу не приняли, сказав:

— Еровой она уже не нужна.

Оберштурмфюреру было многое известно о подпольщице: и то, что Валентина Николаевна все свои 40 лет прожила в Порхове, и то, что она пользовалась любовью учащихся и уважением коллег, страстно любила природу — во время каникул работала в Никитском ботаническом саду в Ялте, в ботаническом саду в Сухуми, выращивала дома прекрасные цветы. «Волшебным уголком» называли сад Еровых в Порхове.

Да, многое знал фашистский контрразведчик. Одного не знал, да если бы и знал, все равно не понял бы. Щедрость сердца, богатство души Еровой не были только данными ей от природы. Эти прекрасные человеческие качества получили свое развитие, достигли расцвета лишь в атмосфере советской действительности. Вот что было главным. И это хорошо понимала Валентина Николаевна.

Поэтому в письме к матери она так точно определила свое место в борьбе против гитлеровских захватчиков.

Руководил центральной группой порховского подполья пожилой агроном-садовод Борис Петрович Калачев, чьими стараниями Порхов в предвоенные годы был превращен в город-сад. Калачев и при оккупантах занимался разведением цветов. Комендант Порхова ценил его услуги и называл его не иначе как «господин профессор». Даже начальник отделения СД Манфред Пехау относился к «чудаку цветоводу» благосклонно. Можно себе представить его ярость, когда случай отдал ему в руки документ, раскрывающий связи Калачева с партийным подпольным центром.

— Мы тебе развяжем язык любой ценой, чертов профессор! — кричал на первом допросе Тродлер. — Если завтра не откроешь явок, никто тебя не спасет. Сдохнешь в страшных мучениях.

— Спасут, — усмехнулся Калачев.

— Кто? — опешил гестаповец.

— Цветы.

— Сумасшедший старик...

Но Борис Петрович Калачев знал, что говорил.

В апреле 1944 года в Смольном состоялся расширенный пленум Ленинградского обкома ВКП(б). На пленуме подводились итоги борьбы в тылу врага на временно оккупированной территории Ленинградской области. Докладчик — секретарь областного комитета партии, начальник штаба партизанского дви-

жения Михаил Никитович Никитин, рассказывая о героях подполья, говорил:

— Агроном-садовод Борис Петрович Калачев — верный патриот — не сдался врагу, не раскрыл ему свою организацию, а, сидя в тюрьме, принял яд.

Изготовлен яд был из цветов.

Обеспокоенное ростом диверсий на коммуникациях 18-й и 16-й немецких армий, командование группы армий «Север» организует во второй половине 1943 года карательные экспедиции с кодовыми наименованиями «Бекас», «Дикая утка», «Волчья охота», «Нора». Однако остановить ширившийся размах народной войны они не смогли. Результаты карательных экспедиций были минимальными. Это вынуждены были признать и сами организаторы походов против партизан. Так, новый начальник охранных войск 16-й армии и комендант тылового района писал в одном из донесений: «В последних боях с 3-й партизанской бригадой хорошо вооруженные разведотряды и отряды отступников понесли тяжелые потери в людях и вооружении, при крайне скромных собственных успехах».

В дикой злобе обрушивались каратели на мирное население. Их вандализм подкреплялся приказом высшего командования вермахта: превратить территорию предполагаемого отхода войск от Ленинграда за линию «Нантера» в зону «выжженной пустыни», население насильно эвакуировать, сопротивляющихся — расстреливать на месте. И они беспощадно расстреливали сотни людей, спе-

циальные команды факельщиков сжигали деревни, села, поселки.

На судебном процессе гитлеровских преступников в Ленинграде фашист Герер признался, что в районе Славковичей лично убил 100 советских граждан. Другой подсудимый — командир особой группы Зонненфельд в деревне Заполье расстрелял 40 советских патриотов, в лесу около деревни Николаев Брод — еще 50 человек.

...Было это осенью 1943 года. На дороге вблизи порховской деревушки Красуха на mine подорвался фашистский офицер. На рассвете следующего дня деревня была окружена карателями. Ничего не знавших о mine жителей, всех до единого, силой согнали в сарай, заперли его и, облив бензином, подожгли. В пламени и от фашистских пуль погибло 280 человек.

Чернобыл над пепелищем
Да густой бурьян,
Оголтело ветер свищет,
Кровью сыт и пьян.

Хоть бы двор какой иль хата:
Пусто впереди.
Только зарево заката
Душу бередит.

Только черные у речки
Трубы, трубы — в ряд,
Как потушенные свечи
Горестно стоят...¹

Автору этой книги в свое время довелось беседовать с единственной спасшейся жительницей Красухи Клавдией Дмитриевой.

¹ Из поэмы Игоря Григорьева «Красуха».

Накануне разыгравшейся трагедии она ушла по делам из своей деревни в соседнюю. Возвращаясь утром, поняла, что творится что-то неладное, и спряталась. Дмитриева видела, как гитлеровцы волокли к уже горящему сараю молодую женщину с двумя детьми. Из последних сил защищала мать своих крошек, цеплялась за сапоги солдат, молила пощадить их. Один из фашистов выстрелил в рот обезумевшей матери, а другой со смехом бросил ребят в огонь. «Этот сатанинский смех и поныне звучит у меня в ушах», — дрожащим голосом говорила Дмитриева.

Теряя все больше и больше надежду удержать свои позиции у стен Ленинграда, осенью 1943 года командование группы армий «Север» неистовствовало в желании разрушить город, уничтожить его население. 3 сентября артиллерийский обстрел продолжался все светлое время суток. Вражеская дальнобойная артиллерия обрушила на жилые кварталы Ленинграда около 600 снарядов. От осколков пострадал 161 человек.

8 сентября в городе разорвалось более 370 снарядов, 14 сентября — 380 снарядов. 28 сентября варварскому обстрелу подверглись улицы и площади Московского района, на которые упало 736 снарядов. Почти столько же выпустили вражеские артиллеристы по Кировскому и Ленинскому районам. Всего в сентябре в городе разорвалось 11 394 снаряда.

Падали снаряды, рвались бомбы, а в городе постепенно налаживалась нормальная жизнь. Начали занятия 200 студентов, принятых на

первый курс педиатрического медицинского института. В Малом оперном театре шел балет «Конек-Горбунок». На выставке, открытой в клубе на проспекте Огородникова, ленинградцы могли увидеть продукцию подсобных хозяйств Ленинского района: кочаны капусты весом более 10 килограммов и другие овощи. 29 сентября состоялся вечер, посвященный 25-летию Ленинского комсомола. С горячей речью на нем выступил Всеволод Вишневский.

Да, было от чего прийти в бешенство гитлеровцам, зарывшимся в бетонные норы в нескольких километрах от великого города Ленина.

Фальсификаторы истории второй мировой войны и по сей день пытаются доказать недоказуемое, уверить новые поколения людей в том, что в зверствах, чинимых гитлеровцами на советской земле, повинны только эсэсовцы и различные команды из ведомства Гимmlера, а не вермахт. Но ведь коменданты Острова, Пскова, Порхова, Новоржева, обречшие на казнь многих советских людей, были кадровыми военными. Тактика «выжженной пустыни» разрабатывалась в армейских штабах и осуществлялась солдатами вермахта.

А сколько крови только на одном генерале Фридрихе Ферче — начальнике штаба 18-й немецкой армии! Это он был инициатором создания «Беззаботинской артиллерийской группы». Она состояла из дальнобойных орудий и систематически обстреливала жилые кварталы Ленинграда. Это Ферч подписывал распоряжения об уничтожении всего живого

на подступах к оборонительной линии «Пантера». Виселицы, руины, пепелища оставались там, где ступала нога солдат 18-й фашистской армии.

Генерал Ферч попал в плен в конце войны на Курземском полуострове у берегов Балтийского моря, где он был начальником штаба войсковой группировки «Курляндия», состоявшей из остатков 18-й и 16-й немецких армий. Какой овечкой прикинулся этот палач в военном мундире! Во время разговора 10 мая 1945 года с начальником штаба Ленинградского фронта генерал-полковником М. М. Поповым он чуть ли не со слезами на глазах говорил:

«Я морально подавлен и совершенно убит... Не только себе, но даже и детям своим мы, немцы, запретим думать о походах на Россию».

Что это — раскаяние? Нет. Лицемерие укрощенного зверя. Фридрих Альберт Ферч, как военный преступник, был осужден на 25 лет тюремного заключения. Через 10 лет его по просьбе правительства ФРГ досрочно освободили. И какой же деятельности посвятил себя «раскаявшийся» генерал? Мирной? Отнюдь нет. Он стал главой бундесвера — западногерманских реваншистских сил, заместителем начальника штаба НАТО. Слугой свастики и доллара!

Пепел сожженных деревень стучал в сердца, звал к отмщению, вел вперед. Поздней осенью 1943 года ленинградские партизаны оседлали многие дороги вблизи Пскова и Острова, спецгруппы проникали за линию «Пан-

тера», на латвийскую землю. Они ликвидировали саперов из организации Тодта, возводивших укрепления, освобождали жителей, насильно согнанных на строительные работы, сжигали завезенные оборудование и материалы. Только подразделения партизанской бригады Леонида Васильевича Цинченко уничтожили в те дни 15 дзотов и сняли 30 километров проволочных заграждений.

Человек энергичный, опытный, партизанский вожак, Цинченко организовал постоянную разведку в Пскове. Начало ей положила молодая разведчица Женя Шкаликова. Вернулась она с задания в точно назначенный срок и принесла ценные сведения о передвижении воинских частей.

— Откуда такие точные данные? — спросил комбриг.

— Из банка, — ответила Женя. — Почти все немецкие части, приходя в город, открывают, а уходя, закрывают лицевой счет в банке, обозначают там свои номера, указывают адреса и характер перечислений. Вот я и познакомилась поближе с этими документами. Помогли друзья и знакомые.

На основе полученных данных в штабе партизанской бригады был разработан план налетов на железнодорожные станции на участке Псков — Остров и Остров — Резекне.

Ценнейшие разведанные из этих районов поступали в Ленинград от спецгруппы Оганеса Васильяна. Так, 12 октября пришла радиogramма с сообщением об отправке из Острова шолонов с зерном, скотом, стройматериалами, о выгрузке на станции кавалерийских

частей. 19 октября Васильян доносил о следовании на Остров воинских составов с войсками, четырнадцати платформ с орудиями. 13 ноября — о дополнительной установке зенитных пушек на станции Остров и по берегам реки Великой. 14 ноября — о размещении в бывших птичниках складов со снарядами.

Спецгруппа Васильяна поначалу состояла из кадровых военных, позже пополнилась местными жителями. Сам командир (заместитель политрука) участвовал в боях с первых дней войны, оборонял Псков, Порхов, Шимск, затем был политруком разведвзвода партизанской бригады. Летом 1943 года получил под свое начало спецгруппу. В деревнях под Островом его знали под кличкой Борода.

Васильяну удалось привлечь к участию в разведке многих советских патриотов на оккупированной территории — Любовь Курганову, Евгению Екимову, Алексея Кирилловича Чудикова и других. К началу 1944 года группа Оганеса Васильяна фактически превратилась в настоящий отряд. Его бойцы пустили под откос семь железнодорожных эшелонов врага, взорвали пять мостов на шоссе, сожгли несколько складов со строительными материалами для линии «Пантера», неоднократно нарушали на разных участках дорог телеграфно-телефонную связь врага, разгромили несколько обозов с оружием и продовольствием, во время налета на конвой военнопленных освободили 45 человек.

Большого успеха во второй половине

1943 года добились и ленинградские чекисты. Им удалось создать филиал оперативной базы в тылу врага, всего в 30 километрах от Пскова! Начальником базы был майор Михаил Федорович Лаврентьев, опытный чекист, награжденный накануне войны именным оружием и знаком «Почетный работник НКВД». Под стать майору подобрались и его боевые помощники. Действовали они умело и отважно, обезвредили многих агентов, засылку которых разведорганы фашистов упорно продолжали, несмотря на частые провалы.

Чекисты раскрыли и немало тайн «Пантеры». Чего стоила одна операция «Краб»!

Вьюжной декабрьской ночью небольшая группа чекистов проникла в деревне Гора на квартиру инженер-полковника — одного из руководителей строительства. Взрыв гранаты сделал свое дело. Смелчаки захватили портфель гитлеровца, в котором находились схемы псковского узла «Пантеры» и другие секретные документы.

На оборонительной линии «Пантера» стал слышен гул артиллерийской канонады. В октябре советские войска освободили крупный опорный пункт и важный железнодорожный узел — город Невель и приблизились к верховью Великой.

Н. В. Бобрусъ

Александр Назаров

Екатерина Долгополова

В направлении главного удара

*Но туда выносят волны
Только сильного душой!*

НИКОЛАЯ ЯЗЫКОВ

А вухмоторный «Дуглас» слегка покачивало. Огненные трассы обозначили в густом ночном мраке линию фронта. Клава зябко поежилась.

— Страшновато? — спросила сидевшая

Владимир Заболотнов

К. Д. Чугунов

рядом черноглазая девушка. — Это оттого, что ты впервые видишь стрельбу на земле с большой высоты. Лучше ни о чем не думай. Повторяй про себя легенду.

Версию, по которой предстояло жить на оккупированной территории, Клава знала на зубок. «Не Алексеева она, а Смирнова. Вместе с подругой пробираются к Острову. Там родственники Люды живут. Работали в комендатуре. Люда писарем, а она уборщицей. Почему ушла из Старой Руссы? Так ведь большевики наступают. С такими, как мы, у них разговор короткий». Мыслями же Клава была в родном Вартавине. Там уже почти год как нет оккупантов...

Гитлеровцы появились на берегах Ловати, что несет свои воды в 10 километрах от Вортавина, в сентябре сорок первого. Жители укрылись в лесу, шалаши построили. Пошастали по домам солдаты, награбили добра разного, для острастки по лесу постреляли и ушли в поселки Поддорье и в Язвици. Осенью бывали наездами: уж очень глухое место это Вортавино.

А зимой партизаны объявились, «хлопцами батьки Литвиненко» себя называли — по имени своего командира. То были бойцы рейдирующей Второй особой бригады штаба Северо-Западного фронта. Загремели взрывы на дороге Холм — Поддорье — Старая Русса. Смелые партизанские налеты потрепали многие гарнизоны гитлеровцев.

Поначалу выпускница Поддорской средней школы Клава Алексеева получила от партизан листовки с сообщением о разгроме фа-

нистов под Москвой. Потом стала связной бригады. Нелегкое это было дело. Морозы стояли лютые, присядешь на пенек — застекленеешь. А идти надо...

После изгнания оккупантов Алексееву пригласили в райком комсомола. Исполнявшая обязанности секретаря ее одноклассница Зина, тоже Алексеева, сказала:

— С тобой тут один майор хочет побеседовать. Ожидает в садике.

Беседа получилась какой-то странной. Майор спросил в упор:

— Нам в госпиталь нужна санитарка. Пойдете?

— Нет. Я хочу на фронт, — ответила Клава.

— Хорошо. Направим вас писарем в полк. Согласны?

— Нет. Я хочу на передовую. У меня есть значок «Ворошиловский стрелок».

— А по ломкому льду вам не приходилось ходить?

Клава опешила от такого вопроса. А майор продолжал:

— Вы идете, а лед прогибается. На поверхности темные трещины, разбегающиеся в разные стороны. И вот уже вода под ногами. Пойдете?

— Нет, не хочу, — отрезала Клава.

— Хочу, не хочу, — майор внимательно посмотрел на Алексееву и примиряюще спросил: — Почерк-то у вас хоть приличный?

— Приличный, — буркнула Клава.

— Вот вам листок бумаги. Напишите что-нибудь.

«Товарищ майор, вы мне не нравитесь», — быстро набросала Клава.

— Зато вы мне нравитесь, — улыбнулся майор, пряча записку. — Вот что, Алексеева, все, что нужно знать о вас, мы знаем. Фронту требуются люди для работы во вражеском тылу. Это потяжелее, чем быть на передовой. Разведчик всегда ходит по ломкому льду. Подумайте. Даю вам двое суток на размышление.

— Я согласна, — Клава поднялась со скамейки, — но...

— Если согласны, никаких «но».

— Согласиться — одно, суметь — другое.

— Думаю, что сможете, — отрезал майор, — предварительно подучим.

Быстро пролетели шесть месяцев напряженной учебы. Клава крепко подружилась с «Северком», «Белкой». И не только с рациями, но и с оружием. Метко стреляла. Научилась ставить мины...

Летчик поднял руку. Капитан, сопровождавший разведчиц, негромко скомандовал:

— Девчата, приготовьтесь!

Первой в ночную темень нырнула Люда, старшая в группе. За нею в открытую дверь самолета шагнула Клава.

Приземлились удачно. Спрятав рацию и парашюты, разведчицы неторопливо зашагали к Сенькино, где на краю деревни жил дядя Люды Анисимовой.

— Откуда, Людмилка? Уж не с неба ли свалилась?! — радостно и удивленно приветствовал племянницу Андрей Анисимович.

Клава насторожилась: «Неужели в деревне

уже знали о парашютистах?» Людмила, заметив тревогу подруги, улыбнулась:

— Нет, дядя. Не дали мне самолета. Не доучилась я в авиаклубе. Из Старой Руссы мы с подругой. И добирались до вас пешком, иногда добрые люди подвозили.

— Заходите в хату. С дороги и поесть не грех.

— Спасибо, дядя. А пожить некоторое время можно?

— И не стыдно спрашивать, Людмила, — открыв дверь, Анисимов крикнул: — Шура, встречай сестренку!..

Анисимова и Алексеева стали новой маленькой ячейкой в разведсети штаба Северо-Западного фронта у берегов Великой в дни, когда после блестящей победы советских войск под Орлом и Курском продолжалось генеральное наступление наших войск. Девушки еще в спецшколе понравились подполковнику Злочевскому, куда он выезжал с чтением лекций. Умные, симпатичные, энергичные, быстро реагируют на изменение ситуации. Присутствовавший на последнем инструктаже начальник разведки фронта вадал им несколько вопросов:

— Люда, а как бы вы повели себя, попав в западню?

— Я бы до конца разыгрывала роль невинной жертвы, а если бы фашисты не поверили этому, предпочла смерть предательству.

— А вы, Клава?

— Я согласна с Людой. Мы ведь сознательно идем на опасное дело, рискуем.

— Главное, — напутствовал полковник, — помните про нас. Помните все время —

и засыпая на ночь, и просыпаясь утром, мы очень ждем ваших весточек. Бывает так, что два-три десятка точек-тире, переданных в эфир, равноценны разгрому вражеского батальона, а то и полка.

И вот в руках Злочевского третья радиограмма.

— Ну, чем порадуешь, Гавриил Яковлевич? — Начальник разведки фронта поднялся из-за стола и подошел к карте. — По глазам вижу — хорошие вести.

Злочевский протянул радиограмму:

— От Анисимовой. Засекли эшелон с танками. Двигается от Острова к Ленинграду. До ночи будет стоять в тунике в районе деревень Сенькино — Тряпино.

— Говоришь, от Острова. Это подтверждает... — карандаш в руке генерала задержался на карте, где у белого кружка змеилась синяя жилка Великой. Быстро повернувшись, он приказал: — Немедленно сообщи авиаторам, — и удовлетворенно добавил: — Молодцы девчата! Третий раз передают, и все важные сведения.

...Тишина и темнота. Чуть тянет холодком. Нервы напряжены. Клава не выдерживает:

— Неужели не прилетят?

— Должны прилететь. Ты ведь не ошиблась — точно зашифровала координаты? — успокаивает подругу Анисимова, но в голосе ее слышатся нотки сомнения.

Все сделала, как надо.

Ожидание... Очень трудно оно для разведчиков.

И вдруг ночь раскололи мощные взрывы.

— Наши бомбят!

Вся семья Анисимовых, бросив ужин, убежала во двор. Андрей Анисимович, дядя Люды, подойдя к Клаве, тихонько сказал:

— Не скрывай доченька, радуйся вместе с нами. Я ведь догадался, что ты прячешь в яме под старым чурбаном. Не проболтаюсь, а коль потребуется помощь — помогу.

У разведчиц были отменные документы, по которым они без особого труда легализовались. Люда устроилась на работу в ортскомендатуру писарем, быстро завела знакомства с немецкими офицерами.

Два раза в неделю, не считая экстренных случаев, отодвигала Клава суковатый чурбан у кладки дров, подключала питание к рации и привычно отстукивала: точка — тире... тире — точка. В Центре эти точки-тире превращались в цифры. Узенькие полоски бумаги — донесения ложились на стол дежурного офицера штаба фронта.

А группу «ВРК» разведотделу Северо-Западного фронта восстановить не удалось. Прибывший на смену Запутряеву радист Геннадий Лукин, порядочно проплутав по вине летчика по лесам и болотам, добрался наконец до Кивернева. Встретились с Озорной ночью. Неодобрным словом помяная в разговоре авиатора, решили, что к месту неудачной выброски, где радисту пришлось спрятать рацию, мешок с питанием для нее и деньги, Лукин пойдет с проводником — двоюродным братом Федоровой — шестнадцатилетним Мишей Васильевым.

Утром Надя рассказала брату о задании, спросила:

— Пойдете завтра. Только, пожалуйста, не проболтайся сегодня случайно об этом кому-нибудь из своих приятелей.

— Ты думаешь, я не догадывался, — ответил Миша, — кого вы с Нюрой в подвале прятали. Однажды тайный жилец наш полез ночью на чердак и проволоку за собой потянул. Я за ним, да поскользнулся. Он меня заметил. Палец к губам приложил — молчи, дескать, а сам стучит на чем-то. Ясно — радирует. Я же молчал, даже тебе не сказал.

— Умница. Вернетесь, он и тебя научит работать с рацией. Будешь заменять его.

— Вот здорово! — обрадовался Миша, — а то по мелочам вредить фашистам для моих лет уже несолидно. Пора стоящим делом заняться.

— Желание похвальное. Только запомни, солидный Мишенька, — улыбнулась Надя, — в борьбе с врагами нет мелочей, особенно здесь у нас, где они считают себя хозяевами.

Не сбылось задуманное. Лукин с Мишей нарвались на засаду вблизи того места, где приземлился Геннадий. Их отвезли в поселок Карамышево. По дороге Лукин успел шепнуть Мише:

— Говори, что я тебя заставил идти со мной. Кто я, не знаешь. Крепко стой на своем — спасешь сестер.

Юноша выдержал испытание. Каждый допрос сопровождался избиениями. Миша не выдал явку. В псковской тюрьме, куда вскоре их доставили, Лукина поместили в одиночку, а Васильева — в общую камеру, где он забо-

лел дизентерией. Последовал приказ начальника тюрьмы:

— Вывезти за город и выбросить на свалку, для такого пули жалко. Подохнет и так.

Но Михаил выжил, хотя остались кости да кожа. И еще — страстное желание отомстить фашистам за себя и за Лукина. Его, как стало известно после войны, гитлеровцы расстреляли. Сестры Федоровы несколько раз пытались найти связника с Центром. Когда не получилось, они ушли в партизанский отряд, появившийся вблизи Кивернева. На партизанских тропах и затерялся их след.

На смену выбывшим из строя разведгруппам за линию фронта уходили новые, подготовленные и оснащенные с учетом успехов и промахов своих предшественников. В лютую стужу, под осенним дождем, ночами из заброшенных сараев, с островков гиблых болот, из лесных чащоб, нередко под пулями и осколками мин и снарядов в эфир летели позывные: «Я — Борец! Я — Борец!», «Передаст Гонтарь! Передаст Гонтарь!», «Я — Лист! Я — Аист!», «Я — профессор Горностаев! Я — профессор Горностаев!» И еще десятки других кодовых имен и названий.

Незримый радиомост был перекинут к разведчикам, действовавшим в 1943 году в тылах фашистских войск группы армий «Север» на территории Новосокольников до Резекне, от Россон до Новоржева, от Себежа до Пушкинских Гор.

Кто укрывался под фамилией Горностаев? Почему профессор? Ответить на эти вопросы помогает «Любовь Яровая» — пьеса Констан-

тина Тренева. Есть в ней интересный персонаж — профессор Горностаев. Он-то не только стал позывными радиста, но и «порекомендовал» его в... разведчики.

А дело было так. В 1942 году в Ярославле учащиеся ремесленного училища занимались в драматическом кружке. Руководил им артист театра имени Волкова Чернышов. Драмкружковцы выступали в госпиталях перед ранеными воинами Красной Армии, выезжали с постановками в колхозы. На приеме спектакля «Любовь Яровая» кроме членов комиссии присутствовали представители общественности и несколько военных. Спектакль был принят с оценкой «хорошо». Наибольший успех выпал на долю шестнадцатилетнего ремесленника Сережи Курзина, игравшего роль профессора Горностаева. После спектакля руководитель кружка сказал, чтобы Курзин зашел в гримировочную, где его ожидает военный. Сережу встретил командир с двумя шпалами на петлицах, расспросил про родителей и комсомольскую работу в училище, а потом неожиданно предложил:

— А что скажет «профессор Горностаев», если мы его возьмем к себе?

— На фронт! — радостно воскликнул Курзин.

— Не совсем. Подготовим и пошлем за линию фронта в тыл врага...

Прошло полгода. И вот молоденький боец-радист Курзин вызван на беседу к своему будущему начальнику — Александру Назарову — командиру особого партизанского отряда калининских чекистов. Невысокого ро-

ста, худощавый, спокойный Назаров не производил впечатления бесстрашного командира партизан, уже дважды побывавшего в тылу врага, о чем наслышан Курзин, но Сергею он понравился. Он чем-то напомнил ему первого заводского наставника Павла Михайловича Кольчугина, открывшего Сережке Курзину многие секреты производства.

— Так, значит, пошел на завод, где отец работает, — говорил неторопливо Назаров. — Это хорошо. Мне тоже пришлось по стопам отца идти. Шахтер он у меня. А в ремесленном чему обучался? Какую специальность приобрел?

— Слесаря, — бойко ответил Курзин, — имею пятый разряд. Могу читать чертежи. Мы станки восстанавливали для цеха по производству мин, — сообщил он точно по секрету.

— Слесарь — это хорошо, — повторил Назаров. — Мне докладывали, что ты жаден до работы. И это хорошо. Рация, на которой ты теперь будешь работать, превосходно обеспечивает дальнюю связь, но требует умелых рук. А в лесу у нас радиомастерской не будет. Ну а с минами мы с тобой встретимся не раз. И с вражескими и со своими.

— Смерти я не боюсь! — горячо воскликнул Курзин.

— А я боюсь, — улыбнулся Назаров. — Это ты, Сережа, зря не боишься. Бояться надо. А коль придется погибать — так только с пользой. «Умирай хорошо!» — говорил Фурманов.

— Это тот, который «Чапаева» написал?

— Он. Ну, иди, готовься к вылету. Работать будешь непосредственно со мной.

Отряд Назарова (в тылу врага его именовали бригадой имени Дениса Давыдова) был небольшим, но сильным по составу. Возраст доброй половины его бойцов не превышал 18—19 лет. Это были ребята, о которых Сергей Наровчатов сказал:

Мальчишки мужали, мальчишки выросли,
И только бы жить начинать сорванцам,
Как их завертели такие метели,
Какие, пожалуй, не снились отцам¹.

Ребята из поселка Кувшиново Виктор Терещатов, Павел Поповцев, Николай Ершов, Виктор Соколов, Николай Орлов, Виктор Колокольчиков до прихода в бригаду уже не раз побывали в «свинцовых метелях». Их небольшой отряд в первую военную зиму рейдировал на лыжах в верховьях Великой, совершил несколько удачных диверсий. Сам комбриг Литвиненко приезжал тогда в деревню, где базировались лыжники, и похвалил их:

— Гарные хлопцы! Дюже гарные!

Партизаны знали: в его устах эти слова — высшая оценка смелости.

Отважно воевали и влившиеся в бригаду юноши из Вышнего Волочка — Игорь Венчагов, Альберт Храмов, Василий Верещагин, Аркадий Черноморцев, Василий Беляков, Вениамин Чуркин, Виктор Болтунов. Не уступала им ни в чем и комсомолка Тася Васильева. Она была и разведчиком, и подрывником.

¹ *Наровчатов Сергей*. Собр. соч. В 3-х т. М., 1977, т. 1, с. 259.

Хорошо вооруженная (в каждом отделении ручной пулемет, снайперская винтовка, у всех бойцов автоматы) бригада Назарова в августе 1943 года была выброшена на планерах и самолетах на белорусскую землю, откуда направилась к линии «Пантера». Не сразу за позывными «Я — профессор Горностаев» последовали сообщения о боевых действиях. Некоторое время бригада «бесшумно» маневрировала в Себежском, Идрицком, Опочецком районах. Оперативным работникам нужно было установить контакты с чекистами-разведчиками, ранее заброшенными в эти и соседние районы Калининской области, наладить разведывательную работу.

Природный такт, деятельный и гибкий ум, значительный опыт чекистской работы помогли Назарову создать добрые отношения (что не всегда бывает легким для отрядов, пришедших с Большой земли) с уже действовавшими вблизи берегов Великой бригадами Марго, Гаврилова, Вараксова, завоевать доверие населения. В деревнях партизан бригады имени Дениса Давыдова окрестили москвичами. Как-то Назаров спросил у одного старика проводника:

— Скажи, отец, отчего меня и моих товарищей ваши деревенские называют москвичами?

— Не знаю, как тебе объяснить, но я так разумею: все, что у нас было до войны хорошего, люди с Москвой связывали. И сейчас от нее, матушки, избавления от нехристианских остатков ждем. Вот появились твои бойцы в наших краях, ребята все боевые, немца и по-

лица не страшатся, ведут себя с населением уважительно — вот и решил народ: Москва вас к нам прислала. А разве не так?

— Все так, — растроганно ответил Назаров, — спасибо, отец, за добрые слова.

«Москвичи» основательно почистили деревни от рьяных пособников оккупантов. Коммунисты Вениамин Новиков, Михаил Кудрявский, Игорь Венчагов, Александр Лопуховский распространяли среди населения сводки Совинформбюро, рассказывали о положении на фронтах, разоблачали ложь о якобы освободительной миссии власовской армии. Последнее было крайне необходимо — в Пустошкинском и Опочецком районах появились эскадроны казаков-власовцев.

С Сергеем Курзиным однажды произошел такой случай. Бригада находилась на марше. Остановились в небольшой деревушке Морозовке. Подходило время выхода в эфир «профессора Горностаева», а тут разведка доложила о приближении карателей. Назревал бой. Назаров приказал:

— Сережа, бери копя и дуй в Симаново! Оттуда проведешь передачу.

Взобравшись на добродушного крестьянского мерина с видом заправского кавалериста, Курзин ударил пятками в бока коня и гикнул:

— Вперед! Галопом!

Мерин не послушался наездника и ленивой трусцой пустился по дороге. Однако доставил седока в соседнюю деревню вовремя. Заметив домик рядом с высоким тополем, Курзин поспешил к нему. Постучал. Никто не отве-

тил. Открыл дверь — тоже никого. Развернув рацию и сев поближе к окну, чтобы видеть дорогу, Сергей успешно провел сеанс, затем сжег в печке бумаги. Решил дожидаться передачи сводки Совинформбюро. И тут скрипнула дверь. Курзин выхватил из кобуры пистолет... Вошла пожилая женщина. Увидев оружие, отвернулась и, подойдя к печке, занялась горшками.

— Хозяюшка, — позвал Сергей и протянул ей наушники, — иди послушай!

Женщина молча взяла их, приложила к ушам. Услышав: «Говорит Москва!», вся напряглась, а потом радостно заулыбалась. Повернувшись к Курзину, спросила:

— Сынок, неужто Москва говорила? Радость-то какая! А как же ты сделал, что я без проводов голос услышала?

Сергей объяснил. Хозяйка засуетилась, принесла кринку молока, несколько ломтей свежееиспеченного хлеба, попросила:

— Перекуси малость и не сердись, сынок, что я тебя молчком встретила. Вначале за полиция приняла. Шлындают тут, все самогона требуют. А ты наш, да еще волшебник настоящий. Всем бабам сегодня про Москву расскажу-то. Всех порадую.

Вскоре Курзину и двум другим радистам (в бригаде было три рации) — Павлу Куликову и Михаилу Кудрявскому прибавилось работы. Стала поступать информация, собранная от населения. Много интересных данных всегда доставлял в штаб бригады командир группы разведки Альберт Храмов. А тут и подрывники подмогли. Полетели под

откос вражеские эшелоны на железнодорожной ветке Лудза — Себеж — Пустошка. В ночь на 11 октября 1943 года, когда партизаны приготовились взорвать поезд с артиллерийской батареей на платформах, в него врезался другой, с живой силой противника. Всего «москвичи» пустили под откос 12 вражеских эшелонов, в том числе один курьеский.

Большой переполох в охранных войсках вызвала дерзкая операция бригады Назарова на шоссе между Опочкой и Пустошкой в районе деревни Болохонцево. Сделав двусторонние засады, партизаны подбили легковую машину, в которой находились подполковник, капитан и два важных чина СС, недавно прибывшие из Берлина. У убитых были захвачены ценные бумаги, связанные с последними работами по укреплению линии «Пантера».

В этой операции особо отличились Александр Николаев, Владимир Смирнов, Евгений Крашенинников и военнопленный Адольф Кос. Австриец по национальности, железнодорожник по профессии, Кос перешел к партизанам и заявил о своем желании сражаться с фашистами. После проверки комбриг стал посылать его на задания. Именно Кос под видом патрульного остановил машину с эсэсовскими чиновниками и чуть было не был убит подполковником, заподозрившим что-то неладное.

Судя по тому, что радио Берлина передало сообщение о гибели в районе Опочки представителей германского командования, начальнику охранных войск 16-й немецкой армии

было сделано серьезное внушение. Гнев его обрушился на начальников фельдкомендатур. Из Опочки, Пустошки, Кудевери и Идрицы на уничтожение «москвичей» были брошены крупные силы карателей. Трое суток, ведя арьергардные бои, петляя и заметая следы, уходила бригада. И в том, что ей удалось прорваться через шоссе Пустошка — Опочка, форсировать реку Великую и на время укрыться в урочище Лоховня, большая заслуга разведчиков Альберта Храмова, Николая Ершова, Василия Бертова и их товарищей, отыскавших безопасные пути отхода бригады.

Исключительно смелую операцию провели разведчики бригады по захвату «языка» из 559-го гренадерского полка, недавно прибывшего в район станции Есенники для охраны подступов к «Пантере» по левому берегу Великой. Двое партизан, переодетых в немецкую форму, и двое с нацепленными на полушубки опознавательными знаками казаков отправились в деревню Лобово, где разместилось одно из подразделений гренадеров. О том, что произошло дальше, рассказал в своих воспоминаниях генерал-майор в отставке Александр Владимирович Назаров:

«Перед тем как отправиться в путь, партизаны соответствующим образом обработали себя самогоном (прополоскали рот и облили одежду), чтобы действительно выглядеть загулявшими казаками-власовцами. К бутылкам самогона были прихвачены две курицы и котелок меду.

При въезде в Лобово группу остановил сто-

рожевой пост. Партизан, выдававший себя за немецкого солдата, поприветствовал гитлеровцев и сказал, что вот, мол, наконец-то он разыскал вечно пьяных «русских свиней», теперь ведет их в свою часть. Все было так естественно, что не вызвало подозрений. Затем он спросил, где можно остановиться на час-другой, чтобы отдохнуть и поесть. Гитлеровцы показали на ближайшие дома, объяснив, что там размещено меньше солдат.

Партизаны зашли в один из домов, где находились два обер-ефрейтора, которые согласились перекусить вместе с «гостями». Николаев поставил на стол самогон.

Началось пиршество. Обер-ефрейторов потчевали усиленными дозами самогона. А на десерт был предложен мед. За едой и выпивкой зашел разговор о том, что в соседней деревне Полихново живут хорошие девчата, у которых есть мед. «Гости» предложили хозяевам съездить туда: эта деревня ведь совсем рядом, за час-полтора можно, мол, управиться.

Обер-ефрейторы согласились. Они быстро оделись, взяли оружие — автомат, карабин и пистолет, а также котелки для меда, сели в сани с Николаевым и поехали в Полихново. Храмов ехал на второй подводе. Он несколько задержался в доме и, пользуясь суматохой, захватил с собой ранцы гитлеровцев.

Как было условлено, партизаны привезли фашистов в деревню Полихново. Сначала им действительно преподнесли угощение — мед в сотах. Они с жадностью набросились на лакомство. Но тут раздалось:

— Хенде хох!

Николаев схватил принадлежавшие фашистам автомат и карабин. Храмов быстро выдернул у одного из кобуры парабеллум. Обер-ефрейторы сначала глупо заулыбались, думая, что это шутка, а затем один из них уронил голову на стол и заплакал. Другой попытался вырваться и выскочить на улицу. Но оба были связаны и уложены в сани.

Вся эта операция проходила среди бела дня и продолжалась чуть более двух часов. Полученная от фашистов ценная информация была настолько обширна, что радистам пришлось немало потрудиться, чтобы передать ее в Центр».

Одним из активных «поставщиков» разведывательных данных с берегов Великой и Сисней стал в те дни Гонтарь. Под этим именем действовал бывший пограничник старший лейтенант Петр Васильевич Бобрусь. Отряд, который он возглавлял, вырос из маленькой разведгруппы.

— Главное — расширяйте разведывательную сеть, — напутствовал Гонтаря начальник штаба партизанского движения Калининской области Соколов. — На Смоленщине вы действовали энергично, но здесь будет труднее. Со взятием Невеля нашими войсками фронт приблизился к линии Себеж — Идрица — Опочка. Район насыщен полевыми частями вермахта. И все же я жду от вас более частой связи.

— Ясно, товарищ подполковник.

— И еще. Смелее проникайте в гарнизо-

ны фашистов на латвийской земле. Там контактируйте с Самсоном.

— Кто это?

— Комбриг. Человек большой отваги и ума. За плечами у него добрая партизанская школа. Явки и пароли получите у моих помощников...

Мороз, Огонь, Фиалка, Краснофлотская, Дубровский, Керчь, Кужель, Курок, Онегин, Дуб — это далеко не полный перечень разведчиков отряда Бобруся, действовавших в городе Опочке. Плотно они обосновались в ортскомендатуре, в подразделениях организации Тодта, непосредственно в гарнизоне и в Красногородске. В Латвию ушла группа Георгия Бойко. Она состояла из наиболее опытных разведчиков, имела свою рацию.

И поток радиogramм в наши штабы усилился. В 1944 году Гонтарь регулярно сообщал о движении немецких войск из Латвии, передал точные координаты 14 отдельных частей, подробную характеристику 281-й дивизии охранных войск.

Абвергруппу и тайную полевую полицию в Опочке очень беспокоила утечка информации из города в отряд Гонтаря. О его существовании и действиях у важных узлов «Пантеры» давно знал начальник абвергруппы гауптман Барцель, но усилия его людей и эмиссаров зондерштаба Р выйти на подпольщиков-информаторов успеха не приносили. Хотя в своем большинстве это были совсем молодые люди (разведчику Огню — Ване Шпилькину не исполнилось и шестнадцати), однако действовали они и дерзко и осторожно, как

того требовали их старшие товарищи. И тогда Барцель отдал приказ: любым путем уничтожить Гонтаря и его группу.

В один из зимних вечеров, когда Бобрусь провожал группу разведчиков в Латвию, в отряд пришла женщина из Опочки, назвалась Поздняковой и сказала, что она связная из спецотряда Чугунова, ей нужно передать Гонтарю устно важное сообщение.

— Можете передать его мне. Я комиссар отряда, — предложил Телятник.

— Приказано только командиру, — настойчиво повторила Позднякова. — Если вы не верите, посмотрите мои документы. Ведь нашла же я вас без провожатых. Значит, знала, где искать.

— Тогда ждите командира. Располагайтесь у нас, — добродушно предложил Телятник.

Комиссар уже догадался, с кем имеет дело. Дня за два до прихода Поздняковой разведчик Моряк (Михаил Молякко) сообщил о предполагаемой засылке в отряд вражеского агента с заданием. За Поздняковой было установлено наблюдение.

На другой день приехал командир. Позднякова сказала ему о просьбе майора Чугунова немедленно встретиться. Указала место встречи.

— А зачем Чугунов хочет меня видеть, не знаете? — снаивничал Бобрусь.

— Связной не положено это знать.

— Больше ничего не просил передать Дмитрий Константинович? — Бобрусь нарочно переставил имя и отчество Чугунова.

— Дмитрий Константинович передал только то, что я сказала, — повторила «ошибку» Бобруся Позднякова.

Пока шел этот разговор, паспорт пришедшей, взятый тайно, тщательно изучали. Комиссар принес его со словами:

— При окурировании и просвечивании обнаружен цифровой пароль.

Позднякова побледнела.

— А теперь отдайте ваш пояс на юбке, — потребовал комиссар, — и рассказывайте все без утайки.

В поясе обнаружили ампулы с ядом. Позднякова созналась: Барцель приказал ей отравить воду в колодце; на явке Гонтаря ждет засада. Когда Позднякову увели, Телятник заметил:

— А все же грубо работает Барцель.

— Не Барцель, а абвер, — уточнил Бобрусь. — Их стиль. Грубо, но настойчиво. Проваливается операция — делается небольшой перерыв, и снова берутся за нее.

— Значит, нам нужно ждать продолжения?

— Обязательно.

— И до каких пор?

— Пока нас с тобой Барцель не уничтожит, — засмеялся Бобрусь. — В общем — гробовая ситуация.

Барцель торопился. Не прошло и недели, как Бобрусь получил письмо. В нем капитан абвера изъявлял желание перейти на службу в... советскую разведку. Для этого он предлагал встретиться рано утром на кладбище неподалеку от Опочки. Охрана с обеих сторон не

должна превышать двух-трех автоматчиков — предупреждал Барцель.

Бобрусь согласился. Правда, взял с собой два десятка бойцов. Как он и предполагал, Барцель на свидание не явился. Пути отхода Бобруся гитлеровцы перекрыли несколькими засадами. Однако они просчитались. Бобрусь повел группу не в лес, а к окраине города. Бойцы спецотряда вышли на большак Опочка — Мозули, по которому и добрались до другого лесного массива. На новом месте они взорвали вражеский склад с боеприпасами, уничтожили мост и подожгли несколько сараев с фуражом. Склад был по счету пятнадцатым, а мост — тридцать первым среди подорванных или сожженных бойцами отряда.

Провокация гитлеровцев в Опочке вновь сорвалась. Опять в эфир летели позывные: «Я — Гонтарь... Я — Гонтарь...» И новые разведданные поступали в штаб партизанского движения Калининской области и в армейские штабы 2-го Прибалтийского фронта¹, войска которого начали вгрызаться (такой термин существовал даже в официальных донесениях) в «Пантеру» со стороны Новосокольников и Пустошки.

Точки-тире «профессора Горностаева», Гонтаря и других разведгрупп и отрядов пробивались к своим через треск и громовой грохот фашистских пропагандистских передаточ, заполнявших эфир. Но третья военная шимма резко отличалась от первой. Пыл у мно-

¹ В ноябре 1943 года Северо-Западный фронт был реформирован; в октябре 1943 года Прибалтийский фронт преобразован во 2-й Прибалтийский.

гих гитлеровцев поостыл. Солдаты вермахта, зарывшиеся в ледяные норы под Ленинградом, научились спасительным словам «Гитлер капут» и жили в предчувствии последней грозы.

И она разразилась. Утром 14 января 1944 года артиллерийский огонь невиданной силы потряс воздух. Это ударили советские орудия с Ораниенбаумского плацдарма. Войска 2-й ударной армии Ленинградского фронта начали наступление.

В 9 часов 20 минут следующего дня орудийные залпы загрели со стороны Ленинграда. Около двух часов вся территория от Финского залива до Московского шоссе пылала огнем. Стреляли полевые пушки. С Невы по врагу били крейсера «Киров» и «Максим Горький». С железнодорожного полотна, поставленные на платформы, вели огонь морские орудия. Серый день стал светлее намного раньше срока. После артиллерийского шквала в атаку ринулись танкисты, пошла пехота.

Шаг за шагом, ломая сопротивление врага, советские воины очищали от оккупантов пригороды Ленинграда и к 27 января завершили освобождение его от блокады. Вечером этого знаменательного дня над Ленинградом вспыхнули незабываемые до сих пор огни. То были огни первого ленинградского салюта. Двадцатью четыремя артиллерийскими залпами из 324 орудий Родина салютовала войскам, разгромившим немецко-фашистских захватчиков у стен города Ленина.

Салют 27 января 1944 года венчал славой

не только героев последнего двенадцатидневного сражения. Это был триумф всей легендарной эпопеи героического Ленинграда.

На берега Невы пришел праздник. «Люди плакали и смеялись от радости, люди смотрели сверкающими глазами, как в блеске салюта возникал из тьмы город своей непобедимой громадой. И шпиль Петропавловского собора, и форты старой крепости, набережные, Адмиралтейство, Исаакий, и корабли на Неве, Невский, все просторы города освещались молниями торжествующей радости», — вспоминал поэт Николай Тихонов.

Перед началом операции «Нева-2» (под таким названием было закодировано январское наступление) Ленинградский обком партии обратился с воззванием к партизанам и населению оккупированных районов: «Бейте врага смертным боем! Ни один поезд не должен пройти по железной дороге, ни один обоз не должен проследовать по шоссе. Выведем все дороги из строя!»

И армия ленинградских партизан вышла на дороги встречать отступавшего врага. Иначе не назовешь 13 хорошо вооруженных соединений. И эта армия всей своей мощью обрушилась на коммуникации противника. Варшавская железная дорога была превращена, по выражению одного из историков вермахта, в «дорогу смерти».

Отступление гитлеровцев превращалось в бегство. Гитлер отстранил от занимаемой должности командующего группой армий «Север» Кюхлера, заменил его фельдмаршалом Моделем. «Львом обороны» называли Моделя

в гитлеровской ставке. Но и «лев» не смог закрепиться на лужском рубеже (в сорок первом году части Красной Армии удерживали рубеж целый месяц), и поток фашистских войск продолжал катиться на запад, стремясь побыстрее добраться до Пскова, под защиту «Пантеры».

Железные заслоны вырастали перед отступавшими гитлеровцами и на стальных магистральных, и на проселочных дорогах. Засадами и взрывами мостов встречали партизаны подразделения вермахта, спешившие к «Пантере» с противоположной стороны — из Прибалтики. На одну из таких засад нарвался и был уничтожен главный руководитель организации Тодта при группе армий «Север» Теодор Браун.

Дерзко, тактически грамотно и с большой пользой для дела совершили налет на станцию Ритупе в феврале 1943 года партизаны бригады Анатолия Кондратьева. Бригада появилась за линией «Пантера» с заданием Ленинградского штаба партизанского движения на зимне-весенний период 1943—1944 годов. Она должна была разведать укрепления гитлеровцев на старой латвийской границе, а также создать агентурную сеть в городе Резекне.

В результате разгрома гарнизона и станции Ритупе на несколько дней полностью прервалось сообщение с Островом. Это были весьма ощутимые потери для врага, если учесть, что накануне 9 февраля через Ритупе в направлении к Пскову проследовало 90 воинских эшелонов.

Наступление советских войск под Ленинградом нанесло тяжелое поражение 18-й и 16-й немецким армиям. Три дивизии врага были уничтожены, 26 — разгромлены и отброшены на 220—280 километров от города Ленина. Гул артиллерийской канонады уже не долетал до его улиц и площадей. Наглухо был закрыт доступ в ленинградское небо и фашистским стервятникам.

Весна 1944 года принесла в северо-западные районы страны освобождение от оккупации. Но враг был еще силен, цепко держался за оборонительную линию «Пантера». В Пустошке, Идрице, Опочке и Острове было полно полевых войск. Разместились фашистские гарнизоны почти во всех деревнях вблизи железной дороги и Ленинградского шоссе. В таких условиях выходить на связь с Центром «профессору Горностаеву», Гонтарю, Борцу и другим нашим разведгруппам и не быть запеленгованными становилось все труднее. А новая обстановка настойчиво диктовала сбор разведывательной информации на главном направлении наступления советских войск — прибалтийском.

Группа Людмилы Анисимовой одной из первых получила указание Центра уходить в Латвию, действовать там совместно с группой Владимира Алферова. На дворе стоял март, когда разведчики собрались в путь. Покидая дом дяди, Анисимова спросила двоюродную сестру Шуру:

— Ты пойдешь с нами?

Тихая девчушка, вспыхнув, ответила:

— Как ты смела сомневаться?!

Двигались на трех подводах под видом беженцев, возвращавшихся на родину. Они избегали больших дорог и населенных пунктов. Четверо суток спутниками разведчиков были только дождь и ветер. Продрогшие до костей, они остановились ночью обогреться на хуторе. Здесь их и настигли каратели.

Услышав выстрелы, Анисимова приказала:

— Клава, прыгай в окно! Любой ценой спаси рацию! Все остальные в лес! Я прикрою. Сбор в овраге...

Утром разведчики собрались в условленном месте. Не пришли только сестры Анисимовы. От местных жителей стало известно: Люда отстреливалась, прикрывая отход товарищей. Последний патрон приберегла для себя. Раненую Шуру добили каратели.

Тяжело переживала Клава Алексеева гибель подруги. Многое припомнилось ей. И завидное спокойствие Люды в минуты опасности. И мальчишеская восторженность при встрече с летчиками (Анисимова до войны работала на одном из ленинградских заводов и училась в аэроклубе) перед полетом в тыл врага. И по-особому душевные рассказы Люды о любимом Ленинграде.

Разведчики под командованием Владимира Алферова начали рейд вдоль железной дороги, по которой теперь круглосуточно шла переброска военных грузов к «Пантере». Часто теперь и Клава, как было под Островом, спрятав рацию, ходила в разведку: считала цистерны с горючим на станциях, танки и бронетранспортеры на шоссе, засекала каждую вражескую часть, появившуюся в районе

Вентспилса. После того как латышские разведчики установили контакты с патриотами-железнодорожниками, работать стало легче. В Центр стала поступать информация о характере грузов.

Неподалеку от группы Алферова на латышской земле несколько раньше начала действовать группа «Быстрый». В тыл «Пантеры» она была доставлена на гидросамолете. Командовал ею по-прежнему Михаил Анипкин.

Этому смелому разведчику после успешных действий в первую военную зиму в районе железной дороги Дно — Новосокольники судьба преподнесла неожиданный «сюрприз». Он был молод, полон сил, награжден орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны. Но за первым тяжелым ранением последовало второе, и врачебная комиссия признала его инвалидом.

Однако таких людей, как Анипкин, «трудно вышибить из седла». Разведчик «исчез» из-под надзора медицинского персонала и добрался до одного из своих наставников — майора Лихайвана. Доложил, как положено, по форме:

— Товарищ майор, командир группы «Быстрый» готов к возвращению.

— Куда? — не понимая, спросил Лихайван.

— К своим ребятам, в тыл врага.

— Ты что, шутишь? Ты же списан подчистую! Для тебя, Михаил, война окончена. Не имею права послать. Не могу!

— Константин Васильевич...

— Сказал не могу, — значит, не могу!

— Можете! Что, врачебная комиссия вынесла приговор? Я же сам медик и кое-что смыслю в этом деле! — упорствовал Анипкин. — Что из того что дважды ранен? Теперь и раненые совсем не те, что в сорок первом.

— Раненый есть раненый.

— И совсем не так. У многих раненых в первые месяцы войны душевный настрой был не тот, что сейчас. Все равно пропадать, — рассуждали они. А ныне думают иначе — выжить во что бы то ни стало и снова на фронт. Я в себе силу чувствую!

— Прямо-таки богатырскую, — иронически добавил Лихайван. — Тебе длительный отдых нужен. Жизнь-то из тебя силу не ложками черпала, а ковшом.

— Вы же сами учили явки, имена связных держать в голове, — пустился на хитрость Анипкин, — а я ведь далеко не все передал своему заместителю.

Майору нравился разведчик. Сам кадровый военный (в армии с 1934 года, в разведке с 1940-го), Лихайван понимал, сколько потребовалось двадцатилетнему фельдшеру проявить энергии, воли, беззаветной отваги, чтобы снискать уважение среди бойцов разведгруппы. Да и ордена, которые он имеет, не так просто получить в зафронтной разведке. Майор начал колебаться. А Анипкин все наседал:

— Щорс был совершенно большим и продолжал командовать дивизией.

— Так то Щорс! — улыбнулся Лихай-

ван.— Ладно уж, убедил. Пойду к начальству, похлопочу...

Через несколько дней на столе Лихайвана лежала радиограмма от «Быстрого»: «...на станции Чихачево находится гарнизон... В Бежаницах — жандармерия... В Суццево, Ашево расположены склады — продовольственные, обмундирования, боепитания...»

И вот Латвия. Первое задание: «...организовать взрыв на складе боеприпасов противника восточнее станции Стренчи». За ним следует второе, третье... При их выполнении группу засекла фашистская контрразведка. По следу «Быстрого» пустили банду «лесные кошки», в засадах укрылись айзсарги¹. Приходилось маневрировать, ночевать в лесу, не разводя костра, отсиживаться в болотах.

Здоровье Анипкина резко ухудшилось — он потерял зрение. Группа меняет маршрут, на некоторое время возвращается к берегам Великой. Под Островом ее окружают каратели. Происходит неравный и для большинства разведчиков последний бой. Вырваться из огненного кольца удается немногим. Оставшиеся в живых спасают своего ослепшего командира.

Вторая половина 1943 года и начало 1944 года были временем, когда поединок советской разведки с контрразведывательными органами группы фашистских армий «Север» у оборонительной линии «Пантера», у

¹ «Айзсарги» — военно-фашистская организация в Латвии. Создана в 1919 году для борьбы с революционным движением. В годы гитлеровской оккупации айзсарги были карателями и палачами.

ворот в Прибалтику достиг кульминационной точки. Было бы наивным полагать, что агенты и провокаторы ГФП, абверовцы, эмиссары зондерштаба Р не располагали данными о партизанских бригадах, действовавших вблизи «Пантеры»: о Гонтаре, о том, кто скрывается за позывными «Я — профессор Горностаев». Но их сведения носили очень ограниченный характер. Это подтверждает сообщение одного матерого абверовца, сумевшего проникнуть в отряды калининских партизан. О самой крупной разведгруппе в районе латвийской границы он знал лишь название — «Борец», имя ее командира — Чугунов и добавил, что бойцы группы — это «немецкие перебежчики, кавказцы, французы...». И больше ни слова. Такое можно было сочинить и в уютном особняке в Риге, не выезжая к берегам Великой.

Что же представлял собой «Борец» в действительности? Из группы разведотдела Северо-Западного фронта, заброшенной к Опочке в конце второй военной осени, она выросла в крупный и сильный отряд, имевший разведточки в Опочечком, Красногородском, Себежском районах Калининской области, в Россонском районе Белоруссии и в Лудзенском — Латвии. И состоял отряд не из немецких перебежчиков и тем более не из граждан Франции, а в своем большинстве из молодых местных жителей, добровольно согласившихся выполнять задания командования советских войск. Костяком отряда были разведчики, не раз побывавшие во вражеском тылу.

Командир отряда Константин Дмитриевич Чугунов — учитель из Подмосковья. Знакомясь с его личной карточкой, хранящейся в архиве Министерства просвещения РСФСР, еще раз убеждаешься в том, насколько умело и верно Злотников, Злочевский, Лихайван и другие командиры разведки штаба Северо-Западного фронта находили людей для работы во вражеском тылу. Чугунову в это время было 37 лет. В 15 лет он уже работал инструктором укома комсомола в Вязьме, в 18 лет стал чекистом. В годы индустриализации страны коммунист Чугунов — рабочий фабрики. Затем армия. В 34 года пришлось сесть за парту, чтобы получить диплом учителя. Таково было партийное задание.

Заместителем командира отряда был назначен восемнадцатилетний Анатолий Иванович Сысоев. Войну он встретил в Ленинграде. Только тот, кто пережил блокаду, может поверить, что эвакуированный через Ладожское озеро последними машинами Толя Сысоев весил всего 32 килограмма! Целый месяц он передвигался только на костылях.

После выздоровления (прошло всего четыре месяца) Анатолий стал бойцом разведгруппы, действовавшей в демянском «котле» немцев. Свое первое задание он выполнил отлично. Его снова забросили туда же в группе пограничника Максимова.

Выходил из вражеского тыла в ноябре. С Сысоевым шла девушка-радистка. Путь преградила река, которая уже покрылась тонким льдом. Разведчики понимали, что спасение только на том берегу. Под натальной ру-

бахой у Анатолия спрятаны последние разведанные группы. Надо переплыть ледяную реку. Иного выхода нет. Он вопросительно смотрит на свою спутницу Аню Коковцеву. Та утвердительно кивает головой. Они понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда.

Преграда была преодолена. Разведчики выполнили задание.

Гавриил Яковлевич Злочевский, посылая Сысоева в третью «зафронтую командировку» (на сей раз в отряд Чугунова), разрешил:

— Второй радисткой полетит с тобой Аня Коковцева.

Он знал, что они поженились, не стал различать молодых.

С фронтовым опытом пришли в группу «Борец» латыш Петр Реут — боец латышской стрелковой дивизии, уроженка Ржева фельдшер Екатерина Долгополова. На фронте Катя была ранена, но, как только поправилась, попросилась в тыл врага.

Ядро разведгруппы быстро обросло надежными и верными товарищами. Ближайшими помощниками Чугунова стали Алексей Петров, Виктор Любимов, Ольга Михайлова. Смелыми разведчиками оказались Ольга Жукова, Андрей Семенов, Сергей Никандров, Иван Тимофеев, Алексей Осипов, Василий Леонов, Иван Дроздов, Надежда Михайлова. О каждом из них можно было сказать «молодо, но не зелено».

Строгий, очень требовательный в сборе точной информации, Чугунов часто повторял, инструктируя разведчиков перед заданием:

«Высший класс разведки — это разведка без стрельбы». Принимая новых бойцов в отряд, говорил им:

— Наше главное оружие не карабин, пистолет и автомат, а глаза и уши. Наблюдайте, замечайте, запоминайте любую мелочь в поведении врага, любую цифру, деталь. И слушайте. Особо прислушивайтесь к болтовне полицаев, когда самогон развязывает им языки.

От своего штаба Чугунов требовал в первую очередь оперативности. «То, что узнали сегодня утром, обязаны передать Центру днем. То, что узнали днем, должно быть в Центре ночью». Этому правилу командир группы почти никогда не изменял.

Позывные «Я — Борец!.. Я — Борец!» заполняли эфир все чаще. Разведывательная информация была самой разнообразной: характеристика отдельных узлов «Пантеры», наличие войск на определенное число в Опочке и Красногородске, номера и состав частей, прибывших из Белоруссии и Польши, сообщения о диверсиях партизанских отрядов, не имевших рации, данные о вывозе в Германию скота и зерна с оккупированной территории, граничащей с Латвией. «Борец» помогал штабу фронта не только нарисовать картину тыла группы армий «Север», но и раскрывать замысел масштабных действий врага. Не случайно Чугунов однажды был вызван в штаб фронта для личного доклада начальнику штаба. Улетел на Большую землю командир «Борца» старшим лейтенантом, вернулся майором.

Первая разведка на территории Латвии была сделана группой из десяти человек под командованием Сысоева. Хутора затрудняли сбор разведанных, и все же командиру удалось оперативно передать в Центр сведения о характере укреплений кордона, созданного айзсаргами на старой латвийской границе, о наличии частей вермахта в Лудзенском уезде.

На одном из хуторов айзсарги попытались захватить разведчиков, но Сысоев был настороже. Карателей встретил сильный автоматный огонь. Двумя цепочками, прикрывая друг друга, разведчики, потеряв одного человека, отошли к лесу.

Латвия как магнит притягивала к себе внимание наших армейских штабов. Чугунов получил приказание передислоцировать большую часть отряда к деревне Нумерне Лудзенского уезда, создав своего рода «перевалочную базу» для других разведгрупп. Быть может, не следовало или было рано сосредоточить в одном районе несколько разведгрупп, тем более что там начали активно действовать партизаны-латыши, лучше знакомые с местными условиями. Появление большого количества разведчиков в одном месте могло вызвать энергичные контрмеры противника, да и само по себе затрудняло разведку.

Но приказ есть приказ, и Чугунов отдал распоряжение о переходе своих основных сил в Латвию... Те, кому предстояло покинуть берега Великой, отдыхали в землянках. Часовые зорко оберегали сон товарищей. На землю обильно падал снег. Не обращая внимания на

него, несколько разведчиков столпились у небольшой землянки. Молчали, к чему-то прислушиваясь. И вдруг из-за дверцы раздался детский крик... Родился новый человек... Разведчики зашумели:

— Поздравляем, Анатолий!

— Молодец Аня!

— Нашего полку прибыло!

Кто-то пошутил:

— Вырастет человек. Придет время паспорт получать. А в нем есть графа «Место рождения». Напишут: «В землянке под елкою». — Не даст милиция документа.

— Пусть напишет: «Родилась в разведгруппе». Тогда дадут, — подал голос один из часовых.

Разведчики были большими оптимистами, верили — уцелеет, будет жить кричащий человечек-комочек, завернутый в куски парашютного шелка¹. Это событие произошло 25 января 1944 года.

В своих сомнениях Чугунов оказался прав. В район новой базы отряда гитлеровцы в феврале направили дополнительные войсковые подразделения, которые стали использоваться для прочесывания лесов, организации засад. Одна из групп «Борца», преследуемая фашистами, укрылась 29 февраля в сарае вблизи деревни Малые Баты. Айзсарги выследили группу и подожгли сарай. Все 11 разведчиков погибли.

¹ Только через два месяца удалось переправить дочь Сысоевых за линию фронта. Галина Сысоева сейчас живет и работает в Новгороде.

Майор Чугунов с ординарцем Андреем Семеновым шел навстречу этой группе. Очевидно, если бы успел, события приняли бы другой оборот. Нашлись фашистские холуи, которые подсмотрели, в какой дом в деревне Яники зашли разведчики погреться и отдохнуть. Два негодяя предупредили ближайший пост айзсаргов о появлении в деревне «красных». В завязавшейся перестрелке Чугунов был убит, Семенову удалось спастись. Он унес с собой планшетку командира с важными документами.

Фашисты решили уничтожить в Лудзенском уезде партизан и разведчиков.

Сотни гитлеровцев и айзсаргов оттеснили небольшой отряд партизан-латышей и бойцов разведотряда «Борец» из Гилженского леса на голый холм, у подножия которого находились танкетки. На русском и латышском языках фашисты кричали:

— Партизанен, капут!

— Иван, сдавайся!

Расстреливая последние патроны, отбиваясь гранатами, разведчики и партизаны пошли на прорыв. Катю Долгополову (из отряда Чугунова) ранило. Отбросив санитарную сумку, она схватила автомат убитого гитлеровца и меткими очередями стала прикрывать отход товарищей. Кончились патроны, стреляла в упор из браунинга. Последний выстрел приберегла для себя...

Гремели взрывы и автоматные очереди в тылу «Пантеры». Советские войска вклинились во фланги оборонительной линии врага, но последний час ее еще не пробил. Шло

накапливание наших сил для ударов по главным узлам обороны противника, взятие которых открыло бы выход в Прибалтику.

Вспоминая те весенние дни 1944 года, командующий 2-м Прибалтийским фронтом А. И. Еременко писал: «Очень важны для нас были схемы построенных и строящихся промежуточных рубежей, хотя бы с очень краткой характеристикой»¹.

Партизаны и подпольщики с берегов Великой помогли армейским штабам в значительной мере восполнить этот пробел. Смелую операцию в городе среди бела дня провели разведчики 3-й Калининской партизанской бригады с помощью опочецких подпольщиков. Они похитили ценные бумаги из портфеля немецкого полковника-строителя.

Их было пятеро, отважных, проверенных на опасных заданиях, кому командир поручил наладить связи с верными людьми в Опочке: Григорий Пугачев, Владимир Заболотнов, Павел Пузииков, Иван Холоденко, Николай Павлов.

Ночью группа покинула лагерь, благополучно пересекла шоссе Себеж — Опочка, переправилась через Великую и, обосновавшись в нескольких километрах от города, начала действовать. Охотно помочь партизанам согласились два брата и сестра Васильевы. Братья жили в Опочке. Адам саножничал, Иван был портным, а Зина ходила по деревням и обменивала их изделия на продукты.

¹ Еременко А. И. Годы возмездия. 1943—1945. М., 1969, с. 271.

Через Адама Васильева разведчики привлекли к участию в операции фельдшера Зинаиду Мельникову, сапожника Леонида Егорова и супругов Николая и Зинаиду Кузьминых — бывших рабочих кожевенного завода.

О том, как прошла эта дерзкая операция, рассказывает в своих воспоминаниях майор запаса Владимир Петрович Заболотнов, в 1941 году — юный, лихой разведчик:

«Нам не было известно, что немцы построили на Опочецком валу и на другой его стороне. Эти обе части города считались запретной зоной и сильно охранялись. Понятно, доступ туда был закрыт. А нам уже дважды из бригады напоминали, что ждут четкой картины. Мы перебрали сто разных вариантов, чтобы найти одну-единственную возможность проникнуть в запретные зоны, но ничего подходящего не вырисовывалось.

Однажды Иван Васильев спросил свою знакомую Зинаиду Мельникову, не знает ли она, как пробраться в ту зону, куда гоняют военнопленных.

— Не знаю, но у меня есть предложение.

— Говори.

— Недели две назад одна местная продажная девица похвалялась, что ее возлюбленный — полковник превратил город в неприступную крепость. Тогда я не обратила внимания на ее слова, а сейчас подумала: уж не начальник ли он над всеми этими сооружениями?

— Продолжай, продолжай!

— Конечно, гарантий мало, что полковник

дома у себя держит какие-либо чертежи. И все же...

— Вот что, Зинаида, завтра же наведайся к своей «подруге», справься насчет ее здоровья, а заодно и о полковнике узнай.

Вечером Зина опять забежала к Васильевым.

— Ходила? — сразу же спросил ее Иван.

— Да. Они живут все в том же доме. Его охраняют. Держат прислугу — горничную, она же и повариха. Полковник по ночам много работает. Уборку на письменном столе разрешает только ей. А ключи от тумбочки стола всегда держит при себе. Так что игра стоит свеч.

После разговора с Мельниковой Васильев в тот же вечер пробрался в дом к Кузьминым.

— Готовься, Николай. Щекотливое дело предстоит. А Леониду скажи, чтобы временно прекратил ходить на оборонительные работы.

Теперь встал вопрос, как проникнуть в дом полковника. Предлагались разные варианты. По одному из них, документы должна была достать Мельникова, поскольку она без особого труда могла заглянуть к «подруге». Но остановились на другом: днем со слесарными инструментами по канализационному люку Николай спускается в находящийся близко от дома полковника водопроводный колодец и перекрывает вентиль. Вскоре в дом полковника потребуется слесарь. Дождавшись, когда хозяин отбудет на службу, а «подругу» позовет в гости или на прогулку Мельникова, на место аварии придут «слесари» Кузьмин

и Егоров. Иван Васильев будет находиться на улице неподалеку от дома.

План с небольшими поправками был одобрен. Пугачев предупредил, что если все получится так, как задумали, то с добытыми документами надо немедленно покинуть город.

События развернулись благоприятно для разведчиков и их помощников. Часовой у дома не хотел пропускать слесарей, но по приказу хозяйки им разрешили пройти к месту «аварии». Пока Леонид осматривал водопроводные трубы и туалетную комнату, Николай проскользнул в кабинет. Тумбочки стола, как он и ожидал, были закрыты. Он вскрыл отмычкой дверцу, сложил в сумку из-под инструментов все тетради, блокноты, карты и вышел в общую комнату.

— Готово! Что с этой мымрой делать будем? — указал он на хозяйку.

— Подай-ка полотенце и салфетку. Ей все равно капут, — ответил Леонид.

В следующую минуту они крепко связали дамочке руки, заткнули рот и заперли в уборной. Все было сделано быстро, без суеты. Через полчаса сумка была передана Мельниковой. Поздно вечером она вместе с Леонидом пробралась в лес. Среди бумаг были обнаружены черновые наброски не только оборонительных сооружений, но и схема размещения огневых точек, дзотов, переходов, небольших складов с боеприпасами. Все это представляло немалый интерес для советских войск...» В эфир полетели точки-тире «Аиста» — позывные бригады Гаврилова.

Периодически поступали разведданные и от подпольщиков Острова. Юра Демидова, получившая предсмертное письмо Кругловой, Пальма Кийс, связанная с Филипповой, возглавили небольшую группу, которая продолжала через Регину передавать информацию в Центр. Весной 1944 года Пальма Кийс и Виктория Майская, работавшие в военно-хозяйственном управлении, сумели скопировать подробный план города с нанесенными на него оборонительными объектами. Маргарита Козловская передала его в разведгруппу Алферова.

Ранним утром 7 марта в Опочку стали втягиваться танковые и артиллерийские части и размещаться в разных концах города. Несколько часов подряд двигалась вражеская техника, и все это время за нею наблюдали Рая Гаврилова, Надя Литвиненко, Люба Алексеева. Донесение о скоплении воинских частей в Опочке поступило от Гавриловой в бригаду Марго в тот же день. Комбриг немедленно передал его в армейский штаб, а начальник разведки Петрович переслал ночью отважным разведчицам ракетницы.

8 марта 1944 года Опочку разбудил страшный грохот. Советские самолеты бомбили боевую технику гитлеровцев, прибывшую в город накануне. Взрывались снаряды с перегруженных машин. В небо взлетали ракеты — ориентиры для советских летчиков. Орудия, танкетки, строительные материалы для «Пантеры» превращались в груды лома. По городу сновали санитарные машины. Госпитали были переполнены. На другой день на

кладбище появилось около ста новых могил гитлеровцев.

Летом 1944 года события на фронте от Нарвы до Пскова, от Пскова до Опочки складывались весьма плачевно для группы фашистских армий «Север». Наступление войск Ленинградского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов крушило по частям «Пантеру». Один за другим освобождались от оккупантов города, села, деревни. В первой половине июля от фашистов были очищены Пушкинские Горы и село Михайловское, город Пустошка. 15 июля 10-я гвардейская армия 2-го Прибалтийского фронта выбила гитлеровцев из Опочки. Через два дня красный флаг взвился над Себежем. На рассвете 18 июля солдаты гвардейцы 65-го стрелкового полка с помощью отряда калининских партизан под руководством Ильи Жукова овладели поселком Красногородским — самым западным районным центром Калининской области.

В дни наступления советских войск бойцы всех спецгрупп и отрядов калининских партизан вышли на дороги: взрывали и жгли мосты, делали завалы, вели передовую и фланговую разведку для армейских частей, строили переправы через Иссу и Синюю, были проводниками. В разгар боя за Опочку шестнадцатилетний подпольщик Олег Корнев (разведчик под кличкой Мороз в группе Бобруся) показал нашим танкистам брод через Великую. Командир части подполковник, развернув карту, попросил:

— Ну, герой, коль знаешь, покажи немецкие укрепления за рекой.

— Знать-то знаю, но карта ваша устарела, — ответил Олег и протянул сверток: — Возьмите, это немецкая карта с последними указаниями укреплений.

— Да, ты и впрямь герой! — восхитился подполковник. — Спасибо, дорогой!

Неудержимо наступали гвардейские части. Сметая с лица земли отроги «Пантеры» и всякие сооруженные противником промежуточные рубежи, наши воины вышли к берегам реки Лъжа — латвийской границе. С радостным волнением слушали по радио советские люди приказ Верховного Главнокомандующего:

«Войска 3-го Прибалтийского фронта, форсировав реку Великую, прорвали сильно укрепленную, развитую в глубину оборону немцев южнее города Острова, и за два дня наступательных боев продвинулись вперед до 40 километров, расширив прорыв до 70 километров по фронту. В ходе наступления войска фронта заняли более 700 населенных пунктов».

Шаг за шагом приближались советские воины к Острову. На главном направлении в авангарде шел первый батальон 608-го полка 1-й ударной армии под командованием майора Тараса Рымара. Бойцы вклинивались в боевые порядки противника настолько дерзко, что были случаи, когда гитлеровцы, заблудившись в тумане, заходили «в гости» к комбату. Один из таких «гостей», ошеломленный и подавленный случившимся, рассказал, что дорога к подвесному островскому мосту не заминирована.

Рымар немедленно воспользовался этим сообщением. Подняв батальон по тревоге, он бросил его по шоссе к мосту. Фашисты заметили атакующих лишь в двухстах метрах от цели, но было уже поздно: бойцы батальона уже бежали по первому пролету моста. Единственное, что успел сделать противник, — это подорвать второй пролет. Он упал в бурлившую от разрывов мин и снарядов реку. Погибла группа лейтенанта Бертела, первой ворвавшаяся на пролет. Но сотни солдат перешли на другой берег.

Рассказывая о дальнейшем ходе боя, красноармейская газета «За победу» писала:

«Сразу же за мостом наши подразделения развернулись. Капитан Антонюк повел своих стрелков к железнодорожной станции, Рымар устремился направо. Немцы продолжали отстреливаться. Бойцы врывались в дома и очищали их от противника. Вскоре враг был дезорганизован. И хотя он имел численное превосходство, он уже не в силах был приостановить напора атакующих... На подразделение Рымара шел лобовой атакой полк немецкой пехоты. Наши расстреливали их в упор. А когда кончились патроны, Рымар сам повел своих стрелков на штурм. С ошеломляющим «ура» врезались в ряды неприятеля, дрались врукопашную. Сотни трупов остались на месте отчаянных схваток. И только небольшой группе немцев удалось уцелеть».

К полудню 21 июля Остров был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков.

Спустя несколько дней в городе на пло-

щади шумело людское море — митинг в честь воинов-освободителей. Выступал на нем и Тарас Степанович Рымар. Комбат взволнованно говорил:

— Тяжелая борьба, кровь моих героев-солдат сроднили меня с вашим городом навеки. Дорогие островичи, прошу вас считать меня сыном вашего города. Отгремят сражения, я вернусь сюда, чтобы трудиться вместе с вами, — майор неожиданно нахмурился и тихо сказал: — А если суждено пасть в бою, пусть мой прах примет островская земля...

Солдат Тарас Рымар начал воевать в апреле 1942 года. Все, что выпало на долю советского воина в тот тяжелый год, перенес и он — девятнадцатилетний украинский хлопец. Был бой, когда его окоп проутюжил немецкий танк. Была психическая атака на последний рубеж батальона. Бойцов в траншеях осталось не более двухсот, а фашистов было до тысячи. Впереди пьяных гитлеровских вояк шел оркестр. Они на ходу вели ураганный автоматный огонь.

Рымар и его товарищи поднялись в контратаку. Упал сраженный пулей командир роты. И тогда случилось самое страшное: бойцы повернули назад. Необстрелянными солдатами овладел страх. Им хотелось лишь одного — лежать распластавшись, вжаться в землю. Тарас понимал, как это опасно: минута, другая — и фашисты ворвутся в траншею. Он поднялся во весь рост и спокойно пошел с пистолетом в руке навстречу врагам, не оглядываясь.

— Что же это, хлопцы?.. А-а-а... — Бросившийся вслед за Тарасом пожилой усатый солдат был первым, за ним дружно поднялись остальные. И вот громкое «ура!» гремело на околице деревни.

За Рымаром катилась лавина. С каким-то небывалым подъемом, точно негодуя за свой минутный страх, врубались красноармейцы в колонны врага, опрокидывая их, заставляли в панике повернуть назад.

Были и другие большие и малые бои. Бывало и страшно и очень трудно. Именно тогда научился Тарас в бою забывать о себе, жить только одним желанием — выполнить приказ, разгромить врага.

Начало войны застало Рымара на последнем курсе медицинского техникума. Но в бою Тарас, не имевший военного образования, чувствовал себя уверенно. Он умел своей волей объединять усилия всех солдат в единый порыв. Дважды заменял в бою павшего командира: первый раз — роты, второй — батальона. И дважды командир дивизии прикреплял к его гимнастерке орден Красного Знамени¹.

Люди, подобные Тарасу Рымару и Евгению Рощупкину, чей полк, начиная первым сражение против «Пантеры», не уступил Кряковских высот, не могли не победить. И они сломали хребет хищной «Пантере». На третьи сутки после освобождения Острова нашими

¹ Тарас Рымар погиб под Ригой 20 октября 1944 года. Похоронен в городе Острове.

войсками штурмом был взят ее последний опорный пункт — Псков.

Гасли дымные зори на берегах Великой. Грохот войны уходил к Риге, Таллину, Каунасу. Возвращались к руинам и пепелищам, на истерзанные поля войны, чтобы строить, сеять, многие герои нашего рассказа. А некоторые оставались еще воевать. В июле 1944 года в Латвии высадился с большой группой своих бойцов Александр Назаров. Последние точки-тире «профессора Горностаева» сообщили Центру о разгроме двух вражеских гарнизонов.

Сколько было радости, когда Клава Алексеева и ее товарищи встретились с армейской разведкой!

— Конец твоей морзянке, Маруся (под этим именем знали Клаву в спецгруппе). Поедешь теперь домой, — сказал один из разведчиков.

— Как знать, — засмеялся Алферов.

И оказался прав... Октябрьской ночью Алексеева, Алферов и еще четверо разведчиков выпрыгнули с парашютами с бомбардировщика, державшего курс к Рижскому заливу. Разведгруппа должна была взять под контроль коммуникации фашистских дивизий, зажатых в «курляндском мешке».

— Только разведка. Никаких боевых акций! — напутствовали Алферова в разведотделе фронта.

Но без боевых столкновений не обошлось. После нескольких дней удачного поиска группа попала в тяжелое положение. Невдалеке

от шоссе разведчиков окружили. Шестерка смельчаков и присоединившиеся к ним солдаты, бежавшие из насильно созданного оккупантами «латышского легиона», прорвались с трудом. Но в бою была повреждена рация. Как ни старалась Клава, на связь с Центром выйти не удалось.

Решили уходить к своим. У переднего края фашистские войска стояли густо. Ни на один хутор нельзя было зайти, а наступившие морозы выживали разведчиков из леса. И тут Алферова и его товарищей выручил старик латыш, собиравший хворост в лесу. Отвечая Алферову, он неожиданно предложил:

— Проведу вас по льду залива. Доверьтесь старому Янису. Дойдем.

Мела поземка. Над заливом нависли снеговые тучи. Их края окрашивали взмывавшие в небо ракеты. Лед трещал, прогибался. Разведчики шли, прощупывая дорогу длинными палками. Алексеевой вдруг вспомнился разговор с майором, взявшим ее в разведку, его вопрос: «А по ломкому льду вам не приходилось ходить?..» Вот и пришлось, и не в иносказательном смысле. Клава усмехнулась и, как тогда, произнесла:

— Нет, не хочу.

— Ты чего? — насторожился Алферов.

— Да так, кое-что вспомнила.

— Нашла время, — недовольно буркнул Владимир, — держись ближе, а то, не ровен час, угодишь в полынью.

Где-то впереди в снежной круговерти гремели выстрелы... Советские войска теснили

остатки фашистской группы армий «Север» к морю. Сведенные в курляндскую группировку (командующий генерал пехоты Гильперт), они продолжали сопротивление. Гитлеровское командование пыталось деблокировать их или вывезти морем, но безрезультатно. Судьба группы была предопределена — ее ожидала капитуляция.

НИЗКИЙ ПОКЛОН ВАМ

(Эпилог)

*Ах, какая же все-таки сила
Скрыта в тех, кто испытан войной!*

ЮЛИЯ ДРУНИНА

С тих бой на улицах Острова. Из подвалов и других укрытий выходили уцелевшие женщины, дети, старики. Плача и обнимая воинов-освободителей, они поведали им страшную правду о днях своей жизни в оккупации. Первое имя, которое услышали Рымар и его солдаты, было Клава. Военная газета «Вперед за Родину» тогда же опубликовала заметку «Отомстим за смерть Клавдии Назаровой».

Побывали воины в казематах тюрьмы, где в ожидании казни проводили последние часы своей жизни партизаны, подпольщики, бежавшие из плена красноармейцы и командиры Красной Армии. Сняв шапки, читали они то, что осколком стекла, гвоздем, кровью, огрызком карандаша, шпилькой пытались нацарапать на стенках камер узники.

Надписи на камне — обвинение палачам в военных мундирах...

«29.IV. Вырыли другую яму. Ждем опять расстрела. Кто будет из знакомых, переда-

вайте горячий привет родным и всей молодежи пос. Воронцово. Прощайте. Вера Андреева и Нюра Ермолаева. Подруги».

И чуть пониже:

«Нюру и Веру расстреляли 30-го».

«Первого июня убили Марию Гусеву проклятые мучители».

В камере № 23 безымянная надпись:

«Здесь сидел раненый партизан. Расстрелян. Погиб за Родину».

Рядом с нею:

«Я раньше любила волю, свободу, простор, поэтому мне очень трудно привыкнуть к неволе. А имя Зоя в переводе с греческого языка и есть — жизнь. Ах, как хочется жить, жить... Зоя Байгер (Круглова)».

Впервые в тылу врага разведчица написала свою настоящую фамилию.

Когда воины-освободители уходили из Острова, они уносили с собой и копию предсмертного письма Зои, переданного командованию Анной Демидовой. Кровью сердца написанные строчки звали советских солдат к отмщению, вели их дорогой побед.

20 августа 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Клавдии Ивановне Назаровой за выдающиеся заслуги в организации подпольной комсомольской организации и руководстве ею, за личную отвагу и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками было присвоено звание Героя Советского Союза. «Наша Клаша», как любовно называли Назарову пионеры, встала в строй бессмертных.

Помнили, чттили в Псковском крае и боевых

соратников Клары Назаровой. Не верили люди слухам, распространенным в свое время эмиссарами зондерштаба Р о предательстве Судакова, Дмитриевой, об отправке подпольщиков в Германию. Многие вели поиск, чтобы сказать людям правду. Среди них в первую очередь надо назвать трех человек, сделавших особо много, чтобы вернуть народу имена подпольщиков незапятнанными. Это — бывшие секретари Псковского обкома ВЛКСМ Георгий Веселов, Виктор Дмитриев и учившаяся вместе с Олегом Серебренниковым его верный товарищ Вероника Жатова.

Осенью 1959 года тайное стало явным. Поначалу удалось узнать, что на расстреле подпольщиков присутствовал староста деревни Рагозино Петров, прозванный односельчанами Петлюрой. 9 сентября 1943 года он ввалился в одну избу, потребовал самогона и после второго стакана заговорил:

— Видал, как островских комсомольцев стреляли... Ивана Митрофанова сына признал... Девчонки лежали, а парни могилу рыли...

После войны Петров был осужден. Отбыв срок, вернулся домой и вскоре умер. Казалось, ниточка поиска оборвалась, но Вероника Жатова предположила: а не рассказывал ли Петров кому-нибудь о расправе над подпольщиками перед своей смертью? После некоторых колебаний племянница старосты созналась, что ей довелось слышать от предателя: юные патриоты были расстреляны на седьмой версте от города — в кустарнике,

немного поодаль от шоссе Остров — Палкино.

В один из сентябрьских дней 1959 года жители древнего города Острова провожали в последний путь останки героев.

Той же осенью, когда над Псковом кружился и падал мокрый снег, из вагона поезда на перрон сошла невысокая старушка. Ее простое русское лицо с глубоко запавшими грустными глазами говорило о незаживающей душевной ране. К приезжей бросилась стройная женщина.

— Зоина мама!

— Аннушка!

Так встретились впервые Федосья Капитоновна Круглова, потерявшая в войну мужа, дочь и сына, с подругой Зои Анной Дмитриевной Бекеш (Дмитриевой).

Обнимая и целуя Аню, Федосья Капитоновна шептала:

— Спасибо тебе за все, родненькая. Ты мне, как доченька...

Она рассказала, что Зоин орден Отечественной войны I степени, которым она была награждена посмертно, ей торжественно вручили 9 мая 1959 года на памятное хранение.

Еще до нахождения останков Кругловой Военный совет Ленинградского округа ходатайствовал о посмертном награждении разведчицы.

К 20-летию Победы над фашистской Германией Президиум Верховного Совета СССР наградил большую группу партизан и участников подполья за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских

захватчиков в период Великой Отечественной войны.

В числе награжденных были и островские молодогвардейцы. Людмилу Ивановну Филиппову, Александра Ивановича Митрофанова, Олега Александровича Серебренникова, Льва Гурьевича Судакова, Константина Алексеевича Дмитриева, Анну Ивановну Иванову, Александра Николаевича Козловского, Николая Павловича Михайлова, Павла Павловича Корныльева, Ивана Ивановича Панфилова наградили посмертно орденом Отечественной войны I и II степени. Несколько позже медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» Родина отметила мужество Серебренниковой Анастасии Ивановны, Дивинского Олега Владимировича, Козловской Маргариты Николаевны и других ближайших помощников погибших героев.

Бесстрашные и мужественные разведчики, бойцы незримого фронта, совершавшие героические подвиги во вражеском тылу, в мирной жизни были очень скромными людьми. Да и не каждый из них, оставшийся в живых, мог сказать: и я работал в разведке. Понадобилось немало лет, чтобы о том времени, когда действовали бесстрашные разведчики, можно было говорить открыто.

Когда студентку Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена Клавдию Алексееву спрашивали об ее участии в Отечественной войне, она просто отвечала:

— Была в партизанском отряде.

Да и позже директор Язвищенской школы

Новгородской области Клавдия Федоровна Куликова (Алексеева) мало рассказывала коллегам и односельчанам, за что ее, девятнадцатилетнюю девушку, наградили двумя боевыми орденами.

Удивлению работников одного из райисполкомов Краснодара не было границ, когда газета «Советская Кубань» рассказала об их товарище по работе — Татьяне Ивановне Ромашкиной — разведчице, командире-подрывнике Тане Ланьковой. В тот день можно было услышать:

— Кто бы подумал: скромная Татьяна Ивановна и вдруг — разведчица, в тыл врага с самолета прыгала.

Почти каждый год летом Татьяна Ивановна Ромашкина вместе с мужем Василием Никитичем — офицером запаса, фронтовиком, приезжают в места, где действовала разведгруппа лейтенанта Шимчика, сражалась партизанская бригада Александра Германа. В один из приездов Татьяна Ивановна захватила с собой и дочь Наташу. «Пусть приобщается к истории», — сказал муж. Побывали в глухой деревушке Коты, куда летом 1942 года Татьяну Ивановну выбросили с парашютом. Разыскали женщину, которая приютила разведчицу после приземления. Незабываемой, волнующей и радостной была эта встреча.

А мне запомнилась Татьяна Ивановна в день, когда жители города Дно отмечали годовщину освобождения района от оккупации. В тот день было опубликовано решение районного Совета депутатов трудящихся

о присвоении звания «Почетный гражданин города Дно» бывшему командиру дивизии, освободившей от гитлеровцев город, а позже штурмовавшей рейхстаг, и одному из мужественных бойцов незримого фронта.

Перепоясанные лентами, в президиуме торжественного собрания стояли рядом генерал-полковник Шатилов и сержант запаса Ромашкина.

Однажды, выступая на читательской конференции в городе Осташкове, я попросил помочь разыскать бывшего радиста разведгруппы Запутряева. Знал, что он жил на берегах Селигера, но фамилия Запутряев здесь весьма распространенная. В заключение прочел письмо Гавриила Яковлевича Злочевского, в котором разведчику дана блестящая характеристика. Все стали припоминать, кто из Запутряевых воевал в тылу врага. Не вспомнили. И тут раздался голос одного из присутствующих на конференции. Им оказался госинспектор по приемке сельскохозяйственной продукции.

— Очевидно, речь идет обо мне, — сказал он. — Неудобно себя афишировать, но я Анатолий Запутряев. Вот, кстати, документ, подписанный подполковником Злочевским в 1944 году.

Небольшой зал взорвался возгласами удивления, восхищения, дружными аплодисментами.

И Озорную пришлось «вытаскивать на свет божий». Работала Надя Федорова (ныне Осташкова) долгие годы на фабрике, руково-

дила партийной организацией, ходила на традиционные встречи партизан (последний год войны она была партизанкой), а вот о своем участии в разведке — никому. Лишь дочери показала документ, подписанный тоже Злочевским. В нем есть такие слова: « В глубоком тылу противника выполняла специальное задание командования Северо-Западного фронта... Несмотря на особо трудные условия и действия, связанные с риском для жизни, т. Федорова Н. Ф. мужественно и честно выполнила приказ командования ».

Выполняла... Выполнила! Идут годы. Редут ряды ветеранов Великой Отечественной войны. Меньше становится людей, чьи имена были закодированы в разведотделах армий, фронтов, кому приходилось по приказу командования скрываться под чужой личиной, на чьи, подчас хрупкие девичьи, плечи лег в дни войны груз большой ответственности, связанной с именем — зафронтной разведчик.

Им есть о чем поведать молодежи. И радисту — «профессору Горностаеву» — Сергею Алексеевичу Курзину, работающему в Ленинградском технологическом институте имени Ленсовета. И научному сотруднику другого ленинградского вуза Олегу Максимовичу Корневу, подписывавшему свои разведсводки с берегов Великой в дни поединка с «Пантерой» кличкой Мороз.

Почти 40 лет минуло с той поры. Каждый новый грядущий день будет воскрешать в памяти события тех военных грозных лет. Мы будем их вспоминать потому, что срока у подвига нет. Пусть же рассказы о своей юности, опаленной войной, Татьяны Ромашкиной и Виктора Сысоева, Анны Бекеш и Владимира Заболотнова, Надежды Осташковой и Михаила Анипкина, Анатолия Запутряева и других живых героев этого повествования войдут в наши дни животворной силой, помогая молодежи жить, строить, бороться.

В самом высоком смысле понимают свой долг ветераны войны. Они учат нравственной стойкости в жизни и в борьбе не только своим боевым прошлым, но и примером в труде.

Сорок лет не видит солнечного света бесстрашный разведчик Быстрый — Михаил Никитович Анипкин. Но все эти 40 лет он работает, активно участвует в общественной жизни. У него хорошая семья. Разве это не подвиг, продолжающийся и в мирное время? Указом Президиума Верховного Совета СССР Михаил Анипкин награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Жив и здравствует разведчик Федот Емельянович Сторчак (командир группы Федор Мыхасик погиб в 1943 году), нет-нет да и пошлет Быстрому в Липецк восточку из Москвы. Фронтальная дружба — крепкая дружба.

В одном из писем, поздравляя Михаила Никитовича с награждением, он писал:

«Твое награждение говорит о том, что наше поколение умело воевать и умеет строить мирную жизнь... За давностью лет я уже не помню всех товарищей из твоей группы. Но Захара Нурлыгаянова, Бичильдинова, Павлова я помню хорошо. И очень жаль, что Захар не дожил до светлого Дня Победы».

А как был рад Быстрый, когда красные следопыты помогли ему найти родных Нурлыгаянова и подтвердить, что их брат Закирьян, которого они долго разыскивали, и есть Захар Нурлыгаянов, храбрый разведчик и подрывник спецгруппы в 1941—1944 годах.

Нашел своего подопечного и непосредственный начальник Быстрого Константин Васильевич Лихайван. Подполковник в отставке Лихайван живет в Донецкой области. Недавно ему был вручен памятный знак «50 лет в КПСС».

Восьмой десяток жизни разменял бывший командир 10-й Калининской партизанской бригады Николай Михайлович Вараксов, а он все еще в рабочем строю. В городе Выборге его хорошо знают и уважают как мастера вагонного депо, ударника коммунистического труда. Под девизом «В труде, как в бою» проходят мирные будни других партизанских командиров — Федора Тимофеевича Бойдина, Дмитрия Александровича Халтурина. На военной службе находится один из героев «медовой операции» на берегах Великой Альберт Храмов, командир «москвичей» Александр Владимиро-

вич Назаров — генерал, почетный сотрудник госбезопасности...

Постоянно дают о себе знать годы военного лихолетья. Оно и в ржавых, неразорвавшихся снарядах, обнаруженных бульдозерами при рытье котлованов, и в неглубоких оконцах-воронках от разорвавшихся фашистских бомб у полотна железной дороги, у кюветов шоссе. Оно и в поблекших от времени фотографиях отцов, мужей, братьев, женихов, не вернувшихся с поля боя, что висят в рамках, хранятся в альбомах тысяч и тысяч советских семей.

И в письмах живых мертвым. Вот два из тех, что никогда не прочтут адресаты. Они хранятся под стеклом у одного из надгробий под Старой Руссой.

«...Хоть и поздно, но посетили уголок земли, политый твоей кровью. Память о тебе умрет вместе с нами. Папы и мамы уже нет в живых. Спи, наш брат. Твоих детей мы вырастили.

Харитонов Яков Иванович,
сестра Мария».

«Милый отец. Я не знаю, в какой могиле ты похоронен. Я поплакала над каждой из них и рассказала, как мне было без тебя скитаться по чужим людям и детдомам. Мать истерзали фашисты. Нет, я не плачусь на свою судьбу. Дожила до хороших дней. Очень счастлива. А ты не дожил. Погиб в 25 лет. Спи спокойно, милый, дорогой отец.

г. Волжский Волгоградской обл.,
дочь Нина».

Читаешь — и комок в горле. Не хватает воздуха...

Есть у известной советской поэтессы Риммы Казаковой среди стихов и такие проникновенные строки:

Забуть тот горький год неблизкий
мы никогда бы не смогли.
По всей России обелиски,
как души, рвутся из земли¹.

Стоит такой обелиск и на лесной поляне у Белого озера, что плещется вблизи реки Великой в Пустошкинском районе Псковской области. Поставлен он на месте гибели партизанского комбрига старшего лейтенанта Георгия Арбузова. В августе 1942 года здесь — в Алольском бору — кипел жаркий бой. Девятьсот карателей пытались уничтожить небольшую комсомольско-молодежную бригаду партизан. Не получилось. Арбузов погиб, отражая пулеметным огнем последнюю яростную атаку гитлеровцев...

Тихо у обелиска. Лишь шумят от ветра столетние ели и корабельные сосны. Но в тот августовский день 1982 года сотни людей заполнили лесную поляну. Отдать дань 40-летию подвига пришли жители Пустошки, Алоли. Приехали боевые товарищи Арбузова. Много добрых слов было сказано в их адрес у обелиска. Хотели расходиться люди — день трудовой. И вдруг прозвучал голос:

— Подождите!

¹ *Казакова Римма*. Русло. Избранные стихотворения. М., 1979, с. 163.

Отделившись от сосны, к обелиску подошла женщина. Со слезами на глазах, взволнованно заговорила:

— Низкий поклон вам, живые герои моего детства. Я давно хотела встретить кого-либо из вас. Я приехала из Ленинграда в надежде, что мое желание сбудется. Мне было чуть больше пяти лет. Я жила у дедушки Алексея Корнеевича в деревне Сухобоки. Пришел страшный час. Как сейчас, все помню. Всех жителей нашей деревни согнали на большак, чтобы увезти в рабство. Все плакали. И я своей детской душой понимала: происходит что-то ужасное. И вдруг выстрелы. На дорогу выбежали люди с винтовками в руках. Фашисты разбежались. Это были вы и ваши товарищи — партизаны 2-й Калининской бригады. Низкий поклон вам всем — живым и мертвым героям, сражавшимся на берегах Великой, — Валентина Петровна Королева еще раз склонила голову.

Вечером того же дня я пошел к Великой — реке своей юности. Шел берегом через поле золотистой ржи — урожаи в тот год были отменными. По реке плыли байдарки. Кто-то из туристов напевал «Морзянку». А я все еще находился под впечатлением встречи и думал, что далеко не все мы знаем о грозных днях войны.

А нам надо знать, ибо в этом ответ на вопрос, в чем наша сила, наша вера. Прошлое помогает нам легче понять, каковы мы сегодня, утроить бдительность против поджигателей войны.

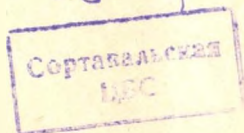
Долго стоял я на любимом обрыве, молча

смотрел на заречные синие дали. Великая в этом месте убыстряет течение, стремясь скорее вырваться на простор. Тихо шелестели волны, и мне казалось, что они повторяют слова Валентины Петровны Королевой: «Низкий поклон вам всем — живым и мертвым героям, сражавшимся на берегах Великой».

СОДЕРЖАНИЕ

Ода в ее честь (<i>Пролог</i>)	3
Разведка и еще раз разведка	13
Фрейлейн Байгер и другие	33
Раскрытые тайны	61
Островские молодогвардейцы	93
В поединке с «Пантерой»	155
В направлении главного удара	219
Низкий поклон вам (<i>Эпилог</i>)	270

28348/19-1

Масолов Н. В.

МЗ1 **Позывные с берегов Великой.— М.:
Политиздат, 1984.— 284 с., ил.**

Советское командование Северо-Западного фронта засылает во вражеский тыл несколько разведывательных групп, которые оказывают ценную помощь в подготовке операции по разгрому фашистских войск под Ленинградом и на берегах Великой.

Герои книги Николая Масолова — разведчики и подпольщики З. Круглова, К. Назарова, майор К. Чугунов и их товарищи, жертвуя собой, выполняют опасные задания и организуют разведывательно-подрывную работу в тылу врага.

Книга написана на основе архивных материалов, воспоминаний участников описываемых событий.

Рассчитана на массового читателя.

М $\frac{0505030202-193}{079(02)-84}$ 162—84

**63.3(2)722.5
9(С)277**